

ИСТОРИЯ
HISTORY

Блинцов Д. А.
D. A. Blintsov

**АДМИРАЛ К. К. РОДИОНОВ. «ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ ИЗ ФОНДОВ
ГБУК РК «ЛИВАДИЙСКИЙ ДВОРЕЦ-МУЗЕЙ»**

**ADMIRAL K. K. RODIONOV. THE STORY OF ONE PHOTO FROM THE COLLECTIONS
OF SBCI RC «LIVADIA PALACE-MUSEUM»**

Блинцов Дмитрий Александрович – научный сотрудник научно-экспозиционного отдела ГБУК РК «Ливадийский дворец-музей» (Россия, Ялта); Российская Федерация, г. Ялта, 298604, ул. Горького 23, к. 54; тел. +79780153860. E-mail: d.blintsov@yandex.ru.

Mr. Dmitry A. Blintsov – Researcher of the scientific-exposition Department, State budgetary cultural institution of the Republic of Crimea, Livadia Palace-Museum (Russia, Yalta); Russian Federation, Yalta, 298604, Gorkogo street 23, building 54, tel. +79780153860. E-mail: d.blintsov@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы, связанные с деятельностью контр-адмирала К. К. Родионова на посту военного атташе в Турции, в качестве дипломатического представителя и эксперта на различных международных конференциях. Рассмотрена деятельность во время его работы в советских спецслужбах, а также на должности чрезвычайного и полномочного посла в Греции и Турции в сложный исторический период послевоенного урегулирования и формирования сфер влияния СССР и США.

Summary. The article considers the issues related to the activities of Rear Admiral K. K. Rodionov, when being military attaché in Turkey and a diplomatic representative and expert at various international conferences. The author examines the activity during his work in Soviet intelligence services as well as for the post of Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary to Greece and Turkey, in a difficult historical period of the postwar settlement and the formation of spheres of influence of the USSR and the USA.

Ключевые слова: Родионов, конференция, атташе, флот, дипломатия, политика, 1945, СССР, Организация Объединенных наций.

Key words: Rodionov, conference, attache, Navy, diplomacy, politics, 1945, the Soviet Union, the United Nations.

УДК 341.781.2

В фондах Ливадийского музея есть одна небольшая черно-белая фотография, сделанная в далеком 1945 г. в городе Сан-Франциско. На этой фотографии запечатлены советские делегаты, участники конференции Организации Объединенных Наций (ООН). Это глава советского дипломатического представительства в США, посол А. А. Громыко, старший помощник наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова, Б. Ф. Подцероб и контр-адмирал К. К. Родионов (см. рис. 1). В фонды музея в 80-х гг. XX в. ее передал в дар непосредственный участник конференции Борис Федорович Подцероб. Интересно, что каждый из этих людей оставил свой значительный след в отечественной внешней политике и дипломатии. Однако об одном из них необходимо рассказать подробнее, так как имя его известно лишь очень узкому кругу специалистов и исследователей. Дело в том, что вся деятельность Константина Константиновича Родионова неразрывно связана со служением Отечеству в самые сложные исторические моменты. Все свои знания, талант и навыки Родионов отдавал своей стране. Поэтому жизненный путь этого человека может и должен служить примером верности долгу и Отчизне для нынешнего поколения.

Этот человек избрал своей стезей военное дело и стал моряком, пройдя путь от матроса до адмирала и дипломата. Необходимо заметить, что этот путь был весьма тернист и извилист. Родионов будущий военный дипломат в 1901 г. в г. Белозерске, а по вступлении во взрослую жизнь решил поступить на военную службу в Военно-морской флот. В декабре 1919 г. он начал свой путь с должности ученика-рулевого и рулевого Учебного отряда подводного плавания в Петро-

граде. В июне 1924 г. после окончания Военно-морского училища К. К. Родионов был назначен вахтенным начальником крейсера «Коминтерн» на Черном море, в июле-сентябре 1925 г. – командиром сторожевого корабля «Бесстрашный». В последующие годы он последовательно являлся старшим помощником командира и командиром эсминца «Незаможник» Морских сил Черного моря. С марта 1928 г. по декабрь 1931 г. – помощник начальника, а затем начальник курса Военно-морского инженерного училища им. Ф. Э. Дзержинского. Вскоре Родионов поступил на учебу на военно-морской факультет Военно-морской академии имени К. Е. Ворошилова, где обучался с декабря 1931 г. по ноябрь 1934 г. [3]. В партию К. К. Родионов вступил в 1932 г. С ноября 1934 г. К. К. Родионов был назначен помощником начальника сектора отделения оперативного отдела штаба Краснознаменного Балтийского флота, а в период с июня по ноябрь 1936 г. преподавал в Военно-морском училище им. М. В. Фрунзе.

Рис. 1. Советские делегаты, участники конференции Организации Объединенных Наций. Слева направо: контр-адмирал К. К. Родионов, старший помощник наркома иностранных дел СССР Б. Ф. Подцероб, глава советской делегации, А. А. Громько. Сан-Франциско, апрель 1945 г.

Вскоре в жизни молодого офицера произошли кардинальные перемены, которые были связаны с новым назначением. Это определило дальнейшую деятельность К. К. Родионова, связав его судьбу с военно-дипломатической карьерой. Руководством было принято решение о переводе Родионова на должность атташе по военно-морским вопросам в представительство СССР в Турции, причем на этой должности он задержится на целых семь лет, до 1943 г. Естественно это был очень важный и ответственный пост, как и любой другой, связанный с защитой интересов СССР. В функции военно-морского атташе входило обеспечение взаимодействия двух профильных ведомств двух государств, консультация главы своего дипломатического представительства по военным вопросам, представление своего государства на различных мероприятиях: военных маневрах, парадах и учениях, а также сбор информации о стране пребывания и ее вооруженных силах в соответствии с общепринятыми дипломатическими нормами [2].

Эту должность Родионов занял в непростой период, так как в это время активизировались переговоры между Москвой и Анкарой в отношении подписания двустороннего пакта о взаимной помощи. Более того, это направление стало очень важным и находилось в сфере интересов советского дипломатического ведомства. Несомненно, это было одной из причин того, что на должность атташе был направлен молодой, инициативный и перспективный офицер К. Родионов. К сожалению, подписание документа о взаимопомощи не состоялось ввиду разности интересов двух держав, а также активного противодействия дипломатических ведомств ряда государств, в том числе Великобритании и Франции [8, 447-448].

С началом Великой Отечественной войны в задачи Родионова стало входить поддержание активных рабочих контактов с представителями военных, дипломатических и правительственных кругов Турции, разъяснение внешнеполитического курса советского правительства, направленного на достижение победы над гитлеровской Германией, разоблачение попыток германской дипломатии и военной разведки втянуть нейтральную Турцию в войну против Советского Союза, обеспечение выполнения официальных запросов как советского Генерального штаба к турецкой стороне, так и высшего турецкого командования, обращавшегося с различными просьбами к командованию Красной армии.

За действиями турецкого флота вели наблюдение офицеры разведывательного отдела штаба Черноморского флота и подчиненные советского военно-морского атташе в Анкаре капитана 1-го ранга К. К. Родионова. В начале 1942 г. полковник Н. Г. Ляхтеров сообщал в Центр о том, что германская военная разведка активно проводит в Анкаре и других турецких городах антисоветские мероприятия, направленные на обострение советско-турецких отношений. Ляхтеров также передал в Москву сведения о концентрации турецких войск у советской границы. Учитывая этот факт, в самый напряженный период битвы за Кавказ Ставка Верховного главнокомандования была вынуждена держать крупные силы на границе с Турцией. Генерал армии С. М. Штеменко писал: «В середине 1942 г. никто не мог поручиться за то, что Турция не выступит на стороне Германии. Неспроста ведь на границе с советским Закавказьем сосредоточивались тогда двадцать шесть турецких дивизий. Советско-турецкую границу приходилось держать на прочном замке, обеспечивая ее от всяких неожиданностей силами 45-й армии. На случай если турецкое наступление пойдет через Иран на Баку, принимались необходимые меры предосторожности и на ирано-турецкой границе» [11, 256].

В целях повышения достоверности разведывательной информации, используемой высшим политическим руководством СССР и командованием Красной армии, решением ГКО весной 1943 г. при начальнике Генерального штаба была сформирована группа по обобщению и анализу разведывательных сведений о противнике (группа по разведке). Она занималась подготовкой для ГКО и Ставки ВГК аналитических докладов о состоянии вооруженных сил Германии, ее экономики и возможностях по ведению войны против СССР. В ее состав входили руководители разведывательных органов СССР: начальники ГРУ, Разведуправления ГШ, Разведуправления Наркомата ВМФ, ПГУ НКВД и отдела специальных операций НКВД. Руководителем группы был назначен генерал-полковник Ф. И. Голиков, который в апреле 1943 г. стал заместителем наркома обороны СССР по кадрам. Таким образом, в период между Сталинградской и Курской битвами в СССР была создана система разведывательных органов, в которую входили: ГРУ КА, Разведывательное управление ГШ, ПГУ НКВД и Разведывательное управление Наркомата ВМФ, а также были четко определены направления их деятельности и конкретизированы разведывательные задачи [11, 262-263].

Несмотря на достижения и успехи, капитана 1-го ранга Родионова возвращают на родину в сентябре 1943 г. и переводят в распоряжение Разведывательного управления Главного Морского Штаба (РУ ГМШ) [9]. Судя по всему, в течение этих нескольких месяцев решалась дальнейшая судьба офицера и дипломата. В конце декабря 1943 г. Родионова назначают на должность заместителя начальника Разведывательного управления ГМШ, которое на тот период возглавлял бывший советский атташе в Германии контр-адмирал М. А. Воронцов. Можно сделать вывод о том, что деятельность Родионова на посту военно-морского атташе в Турции получила высокую, положительную оценку и стала основанием для его назначения на высокий и ответственный пост в разведке ВМФ СССР. В этой должности объем задач для перспективного офицера оказался на порядок выше, как и ответственность за ошибки и просчеты. Так, уже с середины 1943 г. наметился перелом в ходе войны, и в связи с этим активизировались органы советской разведки, которые постоянно координировали свои усилия и вели обмен полученной информацией друг с другом. Например, в мае 1944 г. разведывательные сведения, имевшие отношение к деятельности советского военно-морского флота, которые добывались источниками ГРУ, командование военной разведки направляло начальнику РУ ГМШ контр-адмиралу Воронцову; 6 мая 1944 г. Воронцов получил от генерал-майора танковых войск Панфилова, который был заместителем начальника ГРУ,

важное сообщение: «По агентурным данным, заслуживающим доверия, в конце апреля немецкая воздушная разведка установила, что крейсера нашего Черноморского флота вышли в море, видимо, на учения. По оценке немцев, подготовка и тактика действий наших кораблей, по-видимому, плохая, но все же немецкое командование ожидает использование этих кораблей для воспрепятствования судоходства в районе Севастополь. В связи с этим командующий немецкими ВВС в бассейне Черного моря отдал приказ нанести удар по нашим кораблям лодками «S» и авиацией и, если необходимо, использовать для этой цели и румынские эсминцы. При этом в приказе указывается, что решительная атака против советских кораблей в первый момент может удержать их от активных действий в будущем. В приказе также подчеркивалось, что советские корабли особенно чувствительны к воздушным атакам...» [7].

5 августа 1944 г. капитану 1-го ранга К. Родионову было присвоено воинское звание контр-адмирал флота и начался новый этап в работе, связанный уже с деятельностью на международной арене. Адмирал Родионов получил назначение в состав советской делегации, которой было поручено принять участие в работе четырехсторонней конференции в г. Дамбартон-Оакс, в США. Эта конференция была созвана по предложению СССР, зафиксированному в протоколе московской конференции министров иностранных дел от 1 ноября 1943 г., и должна была обсудить ряд вопросов, связанных с деятельностью новой организации по поддержанию мира и безопасности, и выработать программу послевоенного устройства мира. В конференции принимали участие представители США, Китая и Великобритании [5, 10-11]. В состав советской делегации кроме адмирала Родионова входили советский посол в США А. Громыко, профессор С. Голунский, секретарь делегации М. Юнин, заведующий отделом США С. Царапкин, А. Соболев, переводчик В. Бережков и генерал-майор Н. Славин [1, 338].

На конференции в Дамбартон-Оакс Родионов выступал в качестве военного эксперта совместно со своим коллегой, генералом Славиним, который на тот момент являлся начальником Управления спецзаданий РУ – ГРУ Генштаба Красной армии (1941-1946 гг.), которое осуществляло руководство советскими военными миссиями в странах союзников по антигитлеровской коалиции и поддерживало контакты с союзными военными миссиями в Москве. Два советских военных специалиста на конференции вошли в состав подкомитета военных представителей, в задачи которого входили рассмотрение военно-технических вопросов и выработка решений, связанных с поддержанием международного мира. Скорее всего, при назначении в состав комиссии был учтен их опыт работы на международной арене, а также их профессиональные навыки, полученные в результате их специфичной работы. Члены советской военной делегации приняли участие в прениях, посвященных созданию международного воздушного корпуса, в интересах будущей международной организации безопасности. Фактически речь шла о создании инструмента борьбы с международным агрессором с учетом имеющегося исторического опыта. Свою работу конференция завершила 28 сентября 1944 г., и часть советской делегации вернулась домой.

Международная конференция, в работе которой принял участие контр-адмирал Родионов, показала, что ему по силам работа военного дипломата. Продолжалась война, и контр-адмирал Родионов продолжал свою работу на посту заместителя начальника РУ ГМШ, внося свой вклад в окончание войны и скорую победу. Новый, 1945 г. стал знаковым для адмирала Родионова. Было принято решение включить его в состав советской делегации, которой предстояло принять участие в работе международной организации безопасности в Сан-Франциско. Вновь правительство Советского Союза продемонстрировало свое высокое доверие в адрес военного дипломата, поручив ему важное правительственное задание. На конференции контр-адмирал К. К. Родионов работал в Комиссии III – Совет Безопасности, где, в частности, рассматривались вопросы мирного урегулирования международных споров и принудительные действия. Количество лиц, подписавших Устав ООН от каждого государства, варьировалось в зависимости от того, на кого именно были выписаны соответствующие полномочия. От Советского Союза Устав ООН, кроме Константина Константиновича, подписали еще шесть человек: Андрей Андреевич Громыко, Анатолий Иосифович Лаврентьев, Кирилл Васильевич Новиков, Семен

Константинович Царапкин, Сергей Александрович Голунский и Сергей Борисович Крылов. От имени Белоруссии Устав подписал Кузьма Киселев (оставил мемуары «Записки советского дипломата»). От имени Украины подпись поставил Дмитрий Захарович Мануильский [3]. В целом свою задачу Родионов выполнил, проведя несколько долгих месяцев за границей, в условиях острых политических дискуссий, в свете намечающихся противоречий между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции. Возвращение домой произошло уже после разгрома Германии, но, как показало время, повода для отдыха не было. События на Балканском полуострове, начавшаяся в мире борьба с коммунистическим движением привели к тому, что знания и опыт Родионова вновь оказались востребованными. Ему была предложена должность советского посла в Греции, где весьма сильными были позиции греческих коммунистов (ЭЛАС), где началась гражданская война, в которую активно вмешалось военно-политическое руководство Великобритании. 11 декабря 1945 г. Родионов в ранге Чрезвычайного и полномочного посла приступил к выполнению своих обязанностей. Работа посла проходила в очень сложных условиях, приходилось балансировать, учитывая интересы советского государства, принимая во внимание и тот факт, что Великобритания и США тоже активно поддерживало противников ЭЛАС. Одновременно с этим советский дипломат должен был быть беспристрастным и объективным, дабы не бросать тень на СССР, и со стороны бывших союзников по коалиции не было обвинений в попытке силового распространения коммунистической идеологии в зоне особых интересов западных держав. Более того, фактически глава СССР И. В. Сталин, прекрасно осознавая ограниченность своих военно-политических ресурсов, в реальной политике был склонен проявлять осмотрительность и осторожность. Его безусловным приоритетом в тот период являлась, прежде всего, Восточная Европа, а не Балканы. В итоге он мог предложить греческим коммунистам не так уж много – прежде всего моральную и политико-дипломатическую поддержку [6]. На протяжении двух лет Родионов находился на должности посла, работая в очень непростых условиях и понимая всю ответственность за последствия принятых им решений. Тем не менее этот опыт также был признан успешным. Вернувшись в Москву, 30 мая 1947 г. контр-адмирал Родионов был назначен на должность первого заместителя председателя Комитета Информации (КИ), созданного 30 мая 1947 г. по распоряжению Совета министров СССР как орган, объединивший под своим началом все разведывательные структуры Советского Союза. Речь шла о Первом главном управлении МГБ (Министерства госбезопасности), ГРУ Министерства Вооруженных сил СССР, а также разведывательные структуры и информационные структуры ЦК ВКП(б), МИДа и Министерства внешней торговли. Интересно, что контр-адмирал Родионов отвечал за работу Службы дезинформации, входившей в структуру КИ. Естественно, что этот период деятельности Родионова еще ждет своего исследователя. Однако уже первые месяцы работы этой чрезвычайной надструктуры показали ее неэффективность, что и стало приговором для нее. В ноябре 1951 г. из состава КИ вывели заграничный аппарат и 1-е Главное управление МГБ [4, 478-479]. В усеченном виде КИ просуществовал до 1958 г., но адмирал Родионов там уже не работал. 13 марта 1950 г. он был назначен на должность посла в нейтральную Швецию, которая стала занимать в этот период очень важное место в отечественной внешней политике по отношению к Скандинавскому региону. В Швеции Родионов проработал целых семь лет. Интересно отметить, что шведам была хорошо известна его биография. Более того, комментарий показывает, что к его назначению в Швецию отнеслись достаточно серьезно: «Вместе с тем, не хочется думать, что выбор его в качестве посла свидетельствует ..., что шведско-советским отношениям придается военно-дипломатический характер». Этот комментарий шведского посла в СССР Ральфа Сульмана отчетливо показывает как беспокойство шведского правительства в отношении политики советского государства в регионе, так и понимание того, что на должность посла назначен не обычный дипломат, а человек, имеющий опыт работы в других условиях [10, 163]. Несмотря на противоречия и осложнения, сопровождавшие советско-шведские отношения, а также изменения в СССР, вызванные смертью И. В. Сталина, Родионов продолжал работать на дипломатическом поприще. В 1957 г. его перевели в центральный аппарат МИД, поручив

возглавить Отдел Скандинавских стран. Правда, в этой должности он проработал ровно год и был переведен в качестве консультанта в Правовой отдел МИД. В 1958 г. контр-адмирал Родионов был отправлен в запас, продолжая свою работу в качестве консультанта. Однако годы брали свое, и в 1965 г. К. К. Родионов вышел в отставку. О последних годах жизни его известно мало, однако можно предположить, что его знания и опыт были востребованы. К сожалению, жизнь контр-адмирала Родионова оборвалась 2 января 1981 г. в Москве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бережков, В. Страницы дипломатической истории / В. Бережков. – М.: Международные отношения, 1987. – 616 с.
2. Военные атташе. История развития. Порядок назначения [Электронный ресурс] // Международное публичное право. – Режим доступа: <http://radnuk.info/ros-pidrychnuk/publik/538-shapovalov/14040-5-----.html> (дата обращения 09.07. 2017 г.).
3. Исаенко, А. И. От рулевого до чрезвычайного посла [Электронный ресурс] // Независимое военное обозрение. – № 128 от 26.06.2015. – Режим доступа: http://nvo.ng.ru/history/2015-06-26/7_posol.html.
4. Колпакиди, А. И. Щит и меч. Руководители органов госбезопасности. Энциклопедический справочник / А. И. Колпакиди. – М.: Олма-пресс, 2002. – 736 с.
5. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа – 28 сентября 1944 г.) // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. – М.: Изд-во политической лит-ры, 1984. – 274 с.
6. Лавренов, С. Я. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах / С. Я. Лавренов, И. М. Попов. – М.: АСТ; Астрель, 2003. – 778 с.
7. Лота, В. Тайные операции Второй мировой войны [Электронный ресурс] / В. Лота. – Режим доступа: http://www.e-reading.club/chapter.php/1021197/30/Lota_-_Та́ные_опера́ции_Второ́й_миро́вой._Кни́га_о_военно́й_разведке._1944_год.htm (дата обращения 09.07. 2017 г.).
8. Россия и Черноморские проливы (XVIII – XX столетия) / под ред. Л. Н. Нежинского. – М., 1999. – 557 с.
9. Родионов Константин Константинович [Электронный ресурс] // Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898-1991. – Режим доступа: <http://www.knowbysight.info/RRR/04499.asp> (дата обращения 09.07. 2017 г.).
10. Рупасов, И. Сползающая маска нейтральности. Советско-шведские отношения в конце 1940-х – начале 1950-х гг. / И. Рупасов // Новейшая история России. – 2014. – №1 (9). – С. 157-180.
11. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. В 12 т. Т. 6. Великая Отечественная война 1941-1945 гг. – М.: Кучково поле, 2013. – 864 с.

Стерхов Д. В.
D. V. Sterkhov

**1806 – 1809 – 1813/15. НЕМЕЦКАЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА: К ВОПРОСУ
О ТЕРМИНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ**

**1806 – 1809 – 1813/15. GERMAN LIBERATION WAR: ON THE QUESTION
OF TERMINOLOGY AND PERIODIZATION**

Стерхов Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории медицины и социально-гуманитарных наук Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н. И. Пирогова (Россия, Москва); 117997, г. Москва, ул. Островитянова, 1; тел. 8(495)434-31-74. E-mail: rsmu@rsmu.ru.

Mr. Dmitry V. Sterkhov – PhD in History, Associate Professor, Department of History of Medicine and Humanitarian Studies, Russian National Research Medical University named after N. I. Pirogov (Russia, Moscow); 117997, Moscow, 1 Ostrovitianov str.; tel. 8(495)434-31-74. E-mail: rsmu@rsmu.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу эволюции термина «Освободительные войны» в немецкой историографии XIX – начала XXI вв. Отмечается тот факт, что историческая наука XIX в. вкладывала в это понятие двойной смысл: национально-освободительный и социально-политический. Автор констатирует, что традиционное представление о немецких освободительных войнах и соответствующем им периоде 1806/13 – 1815 гг. окончательно укореняется накануне Первой мировой войны. Начиная с 1970-х гг. в историографии ФРГ представление о немецкой национально-освободительной войне постепенно подвергается определённой корректировке, современные же историки предпочитают избегать термина «Освободительные войны» ввиду его неоднозначности. Региональная специфика и социально-политические особенности тех или иных германских территорий не позволяют определять период 1806 – 1815 гг. исключительно с позиций немецкого национализма и народной освободительной войны.

Summary. The article analyses the evolution of the term «Liberation Wars» in the German historiography of the 19th – early 21st centuries. It points to the fact that the German historians of the 19th century who elaborated on the concept of the Wars of Liberation treated this event both from national and social points of view. The author notes that the conventional understanding of the German Liberation Wars and their traditional chronology (1806/13 – 1815) became an integral part of the historical research only on the eve of the World War I. Since 1970s, this traditional conception has been largely revisited by the (West) German historians, most of them trying to avoid the term «Liberation Wars» due to its ambivalence and obscurity. Regional differences and specific aspects of social and political situation in separate German territories do not allow us to define the period of 1806 – 1815 strictly in terms of German nationalism and national Liberation War.

Ключевые слова: Наполеоновские войны, Освободительные войны, Пруссия, Гогенцоллерны, Германия, историография, Рейнский Союз, война Шестой коалиции, Габсбурги, битва под Лейпцигом.

Key words: Napoleonic Wars, Liberation Wars, Prussia, House of Hohenzollern, Germany, historiography, Confederation of the Rhine, War of the Sixth Coalition, House of Habsburg, Battle of Leipzig.

УДК 94(430).06

Освободительная война против наполеоновского господства в Германии является одной из самых излюбленных тем немецкой историографии и по праву считается «ключевым событием современной немецкой национальной истории» [8, 71]. Первые попытки исторически осмыслить это событие предпринимались ещё на последних этапах Освободительной войны [16], поток исторических работ, посвящённых этой тематике, неуклонно рос после 1815 г. и достиг пика на рубеже XIX – XX вв. После Второй мировой войны освободительные войны оставались в центре пристального внимания историков ГДР, в то время как для западногерманской исторической науки этот вопрос на некоторое время потерял актуальность. Лишь начиная со второй половины 1970-х гг. можно наблюдать возрождение интереса к освободительным войнам в историографии ФРГ, и этот

интерес сохраняется до сих пор, о чём свидетельствует большое количество ежегодно выходящих статей и монографий по периоду 1806 – 1815 гг.

Несмотря на столь долгую традицию изучения проблемы в историографии до сегодняшнего дня не существует единства мнений относительно того, что именно следует называть освободительными войнами и применительно к какому периоду использовать это понятие. Стоит отметить, что современники Наполеоновских войн не определяли их как «освободительные», само это понятие крайне редко встречается в исторических трудах 1820 – 1830-х гг. Исследователи, преимущественно военные историки, говорили о «войне французов против России, Пруссии и Австрии» [2], «войне союзников против Франции» [34], о «войне в Германии и Франции» [33] или просто о «походах против Наполеона» [42].

Лишь начиная с 1840-х гг. период 1806/13 – 1815 гг. получает своё конкретное наименование, при этом начинают использоваться два термина: 1) «Freiheitskriege» («Войны за свободу»), 2) «Befreiungskriege» («Освободительные войны»). Первый термин связан с трудами историков национально-либерального направления, в первую очередь здесь необходимо упомянуть Иоганна Густава Дройзена, чьи «Лекции по Освободительным войнам», опубликованные в Киле в 1846 г., во многом заложили основы современного понимания немецкой истории начала XIX в. Дройзен считается одним из авторов популярной вплоть до середины XX в. теории о «немецкой миссии Пруссии», суть которой заключалась в том, что освобождение немецких государств от наполеоновского господства стало возможным благодаря усилиям прусского королевства, которое в связи с решающим вкладом в победу над Францией имеет право претендовать на лидирующие позиции в Германии [10, 592 – 593]. Термин «Freiheitskriege», который Дройзен применяет к периоду 1808 – 1815 гг., имел двоякое значение. С одной стороны, речь шла о национально-освободительной борьбе европейских народов (испанцев, русских, немцев, итальянцев) против французской гегемонии. С другой стороны, идея национальной независимости была тесно связана с «внутренней» свободой, либеральными правами, конституционализмом и народным представительством. В трактовке Дройзена главным участником антинаполеоновской борьбы были не князья, короли и императоры, а народ. Историк сожалел по поводу того, что на смену либеральным реформам и национальному подъёму в Пруссии после 1815 г. пришли политическая реакция и полицейское государство [10, 725]. Подобная трактовка была характерной и для многих других национально-либеральных историков [3; 17].

Термин «Befreiungskriege» использовался преимущественно историками консервативного направления, которые также видели в войнах против Наполеона одновременно прусское и общенемецкое национальное событие, однако утверждали, что немецкий народ действовал в согласии с правителями. Резкие противоречия между народными массами и правящими элитами отрицались, борьба за конституционные права и свободы в рамках подобной трактовки уходила далеко на второй план. Наиболее видным представителем консервативного направления был Генрих фон Трейчке, который негативно оценивал итоги освободительных войн, полагая, что их главная задача – создание единого национального немецкого государства – так и не была решена. Вину за крушение надежд немецкого народа Трейчке возлагал на союзников Пруссии, в первую очередь на Австрию [44, 792 – 794]. Вопрос о борьбе народа против тирании германских князей и правителей историками консервативной школы не поднимался.

После объединения Германии в 1871 г. национально-либеральное и консервативное направления постепенно объединились в одно, так называемое боруссианско-малогерманское [1, 286]. В рамках данного подхода социально-политический вопрос потерял свою актуальность, а освободительные войны трактовались как борьба немецкого народа во главе с Пруссией против иноземного господства за создание национального государства. Такие события, как победоносное завершение франко-прусской войны 1870 – 1871 гг. и образование Германской империи, казалось бы, подтверждали тезис историков середины XIX в. о «немецкой миссии Пруссии». Этот подход стал доминирующим в немецкой историографии рубежа XIX – XX вв. Стоит отметить тот факт, что в этот период в исторических и научно-популярных трудах гораздо реже стал употребляться термин «Freiheitskriege», понятие «Befreiungskriege» практически полностью вытесняет его. Именно опре-

делением «Befreiungskriege» пользуются наиболее значимые историки и публицисты начала XX в. [7; 9; 31; 35; 45]. Монументальное издание по истории прусской армии, изданное в 1914 г. историческим отделением Германского генерального штаба, также оперировало понятием «Befreiungskriege» [15]. При этом термин «Освободительная война» обычно применялся к периоду 1813 – 1815 гг. или в более широком смысле к периоду 1806 – 1815 гг., хотя зачастую могли употребляться и другие определения, к примеру «время французов» [40]. Таким образом, можно констатировать, что к началу Первой мировой войны в немецкой исторической литературе утвердилось обозначение периода 1806/1813 – 1815 гг. понятием «Befreiungskriege» («Освободительные войны»). Термин «Freiheitskriege» в его изначальном понимании употреблялся всё реже и, что удивительно, не был заимствован марксистской историографией ГДР. Восточногерманские историки восприняли определение «Befreiungskrieg», которое иногда модифицировалось в «Befreiungskampf» («Освободительная борьба») [21; 27; 43] и носило двоякий смысл: национально-политический (свержение иноземного господства, достижение национальной независимости) и социально-экономический (крушение феодальных порядков, отмена крепостного права, предоставление политических прав и свобод широким слоям населения). Временной отрезок классически определялся как 1806/1813 – 1815 гг. либо в общеевропейском масштабе – 1808 – 1815 гг. [22].

Совсем иные процессы имели место в историографии ФРГ, где начиная с 1970-х гг. вновь начал расти интерес к проблематике освободительных войн. Следствием разнообразия методологий и подходов в западногерманской исторической науке стало постепенное размывание понятия «Befreiungskriege», которое практически полностью перестало применяться к периоду до 1812 г. и понималось только в узком смысле. Однако и здесь единства мнений среди исследователей не было. Одни авторы обозначали в качестве «Освободительной борьбы» 1812 – 1815 гг. [24; 47], другие ограничивали этот промежуток только 1813 – 1815 гг. [6; 14]. Частично возродился термин «Freiheitskriege», в частности Хельмут Бердинг использует это определение применительно к 1813 и 1814 гг. [4], Рудольф Иббекен говорит об «освободительном движении 1807 – 1815 гг.» [23], некоторые исследователи (Йорн Леонхард) определяют время наполеоновских войн одновременно как «Freiheitskriege» («Войны за свободу») и «Befreiungskriege» («Освободительные войны») [28]. В то же самое время можно наблюдать тенденцию к избеганию употребления словосочетания «Освободительные войны», немецкие историки предпочитают использовать такие определения, как «время 1806 – 1815 гг.» [30], «наполеоновские годы» [36], «наполеоновское время» [13]. Известная специалистка по истории юга Германии в наполеоновскую эпоху Уте Планерт трактует освободительные войны как политический и исторический миф XIX в. и использует понятие «войны Франции» [32]. Не менее авторитетная исследовательница Карен Хагеманн, автор большого количества статей и монографий по истории Пруссии эпохи реформ, также отказывается от привычного термина «Освободительные войны», предпочитая такие обороты, как «антинаполеоновские войны в Германии» [18], «эпоха антинаполеоновского восстания Пруссии» [19], «войны Пруссии против Наполеона» [20]. Как можно было убедиться, в современной немецкой историографии на данный момент нет консенсуса относительно терминологии и периодизации немецких освободительных войн.

Подобная переоценка событий немецкой истории начала XIX в. стала возможной благодаря введению в научный оборот новых источников, повороту к социальной истории и междисциплинарному подходу, а также постепенному отказу немецкой историографии от традиционного «пруссцентризма». Признавая важность 1806 г. в контексте общеевропейской истории, многие современные авторы не всегда рассматривают эту дату как начало современного немецкого национализма или тот самый момент, когда немецкий народ начал борьбу за свою национальную независимость [38, 120 – 122]. Распад Священной Римской империи не являлся концом немецкой государственности, на её смену пришёл созданный под эгидой Наполеона Рейнский Союз, объединивший в своих границах так называемую «Третью Германию», т.е. все германские территории за исключением Австрии и Пруссии. В контексте пруссоцентризма Рейнский Союз трактовался как «национальный позор» и «одно из самых больных мест» немецкой истории, однако начиная с 1970-х гг., когда стали появляться первые современные работы по данной проблематике, подобные суждения стали подвергаться справедливой критике. На сегодняшний момент в

немецкой историографии существует целое направление под названием «Rheinbundforschung» («Изучение Рейнского союза»), представители которого отмечают тот факт, что оценки современников значительно отличались от более поздних трактовок, а также указывают на такое специфическое явление, как «Rheinbundpatriotismus» («Патриотизм Рейнского союза») [39, 11 – 12]. По этой причине применительно к 1806 г. вряд ли возможно говорить о некоей «освободительной борьбе» немецкого народа в масштабах всей Германии.

В данном контексте уместно задать вопрос: являлась ли война Пруссии против Франции 1806 – 1807 гг. «освободительной» или «национальной»? Ответ скорее будет отрицательным, чем положительным. Во-первых, нужно вспомнить о том, что с 1795 г. Пруссия не воевала с Францией и сохраняла нейтралитет, который, с одной стороны, позволил правительству королевства сконцентрироваться на внутренней политике и польском вопросе, с другой же стороны, подорвал международный авторитет государства и породил обвинения в предательстве общих (немецких и коалиционных) интересов [5, 22]. Выступать от имени всей Германии в 1806 г. Пруссия никак не могла. Более того, против Пруссии в составе наполеоновской армии участвовали контингенты некоторых германских государств, а взятие Берлина Наполеоном было встречено с энтузиазмом на католическом юге Германии, в Вюртемберге и Баварии были организованы праздничные богослужения по данному поводу [32, 541, 557]. Во-вторых, даже в масштабах одной Пруссии война не носила народный, массовый характер. Несмотря на требования многих прусских генералов, в частности Герхарда фон Шарнхорста, мобилизовать широкие массы населения на борьбу с врагом и сделать войну делом всей прусской нации, конфликт протекал как классическая кабинетная война, в которой народу отводилась роль пассивного наблюдателя. Некоторые исследователи связывают тяжёлое поражение Пруссии в войне с тем, что прусскому политическому руководству не удалось добиться поддержки общества, точнее, вопрос о такой поддержке даже не поднимался [26, 16]. Лишь военно-политический кризис 1806 – 1807 гг., поставивший Пруссию на грань уничтожения, заставит прусское правительство задуматься о необходимости перемен в методах ведения войны.

Если в 1806 г. ни в Пруссии, ни во всей Германии не наблюдалось народных освободительных войн, то можно ли считать 1809 г. точкой отсчёта немецкого освободительного движения? Действительно, период 1808 – 1809 гг. стал тем самым временем, когда наполеоновская система подверглась серьёзным испытаниям. Антифранцузское выступление в Испании, восстания барона Вильгельма фон Дёрнберга и майора Фердинанда фон Шилля, операции Чёрного легиона герцога Брауншвейгского и, наконец, австро-французская война 1809 г. – все эти события стали проверкой на прочность наполеоновского господства в Германии и в Европе. Однако и в этом вопросе дать однозначный ответ достаточно сложно. Во-первых, трактовки очевидцев событий значительно отличались от более поздних оценок. В частности, восставшие тирольцы отнюдь не воспринимались как национальные герои, для современников они выступали в качестве мародёров, ведущих нелегитимную борьбу, и презрительно именовались «инсургентами». Стоит отметить, что и восстание в Испании не всегда служило примером того, как немцы должны сражаться с наполеоновскими войсками. Для многих образованных людей испанцы являлись варварами и религиозными фанатиками, неспособными вести цивилизованную войну. Испанская герилья представлялась как жестокая и нелегитимная война, подогреваемая католическими монахами и имеющая в своей основе не национальные мотивы, а религиозный фанатизм [32, 569 – 570]. Народная война по тирольскому или испанскому образцу явно не соответствовала культурному уровню немцев.

Второй, не менее важный момент: ни в Пруссии, ни в других германских государствах отдельные повстанческие акции не находили должного отклика, население относилось к подобным выступлениям достаточно равнодушно. Особенно это касается восстания под предводительством майора Фердинанда фон Шилля, который в ходе XIX в. превратился в самого настоящего немецкого национального героя. Возможно, что инициатива фон Шилля и вызывала сочувствие со стороны отдельных слоёв общества, однако в массовую народную войну против французского господства этот мятеж так и не перерос, жители Пруссии и соседнего королевства Вестфалии, уставшие от конфликтов, предпочитали сохранять спокойствие и не участвовать в каких-либо военных мероприятиях [29, 146]. Действия герцога Брауншвейгского, Вильгельма фон Дёрнберга и некото-

рых других руководителей восстаний также не нашли широкой народной поддержки. Началом немецкого национального подъёма против Наполеона 1809 г. не стал.

В-третьих, война между Австрией и Францией носила лишь некоторые черты «народной войны», в частности, за мобилизацию населения на защиту страны выступали австрийский министр иностранных дел Иоганн Филипп фон Штадион и эрцгерцог Карл Тешенский. В 1808 г. в Австрии была введена всеобщая воинская повинность, стали создаваться первые добровольческие батальоны, был запущен пропагандистский механизм для привлечения населения к войне. Но всё же организовать народную партизанскую войну по примеру Испании в Австрии так и не удалось. Также, как отмечают некоторые авторы, в частности Йорг Эхтернкамп, австрийская военная пропаганда носила не общенациональный, а, скорее, локально-патриотический характер. Мобилизация проходила под лозунгом «Австрия превыше всего», к немецкоязычным подданным австрийского императора обращались в первую очередь как к австрийцам и лишь во вторую, а то и в третью очередь как к немцам. К тому же австрийская пропаганда носила весьма ограниченный характер, её целевой аудиторией были не все немцы, а лишь те, кто проживал на территории Австрии [11, 196 – 198]. Как бы то ни было, массовых народных движений в ходе войны 1809 г. не наблюдалось, конфликт опять же проходил, скорее, как кабинетная война, а после очередного поражения Австрии патриотическая пропаганда практически полностью сошла на нет.

Промежуток между 1813 и 1815 гг. («Освободительные войны» в узком смысле) можно разделить на пять этапов. Основное содержание первого, подготовительного этапа (декабрь 1812 – март 1813 гг.) сводится к формированию очередной Шестой антифранцузской коалиции, основой которой стал военный альянс Пруссии и России. Второй этап охватывает события так называемой Весенней военной кампании 1813 г., которая условно начинается с объявления Пруссией войны Франции (17 марта 1813 г.) и заканчивается заключением Плесвицкого перемирия между Наполеоном и его противниками (4 июня 1813 г.). После Весенней кампании последовала так называемая Осенняя военная кампания августа – декабря 1813 г., наивысшей точкой которой стала знаменитая битва народов под Лейпцигом (16 – 19 октября 1813 г.). Началом четвёртого периода можно считать вторжение союзных войск во Францию в начале января 1814 г., а окончанием стало взятие Парижа 31 марта и отречение Бонапарта 6 апреля 1814 г. Знаменитые «Сто дней» Наполеона (март – июнь 1815 г.) можно выделить в заключительный, пятый этап.

Можем ли мы на каком-либо из упомянутых выше этапов наблюдать народную общенемецкую освободительную войну? В этой связи стоит обратить внимание на несколько важных моментов. Во-первых, необходимо отметить, что до июля – августа 1813 г. единственными германскими государствами, воюющими против наполеоновской Франции, являлись Пруссия и Мекленбург-Шверин, накануне Осенней военной кампании к союзникам присоединилась Австрия. Остальные немецкие территории продолжали оставаться союзниками французского императора и даже поставляли ему войска для ведения войны с армиями Шестой коалиции. Тем самым вплоть до Лейпцигского сражения немцы вновь воевали против немцев, французы не выступали общенемецким национальным врагом. Национальная пропаганда, которая зимой – весной 1813 г. исходила от союзников, в первую очередь от Пруссии и России, оказалась недостаточно эффективной, ни один немецкий правитель так и не решился перейти на сторону антифранцузской коалиции [11, 218]. Государства – члены Рейнского Союза практически до самого конца сохраняли верность императору Франции, лишь накануне Битвы народов король Баварии Максимилиан I Иосиф принял «правильное» решение и перешёл в противоположный лагерь (Ридский договор от 8 октября 1813 г.). Остальные немецкие правители отпали от Франции во время или уже после битвы под Лейпцигом (Баден, Вюртемберг, Гессен), при этом больше всего не повезло Саксонии, чей король попал в плен к союзникам, а территория королевства была сначала оккупирована российскими, а затем прусскими войсками. Возможно, для Пруссии 1813 г. и стал годом «освободительной» войны против французской гегемонии, но практически вся остальная Германия вплоть до конца года воевала на стороне Наполеона, и лишь его сокрушительное поражение способствовало распаду Рейнского Союза и переходу его членов на сторону коалиции. Освободительной войны в общенемецком масштабе так и не случилось.

Третий момент: носила ли военная мобилизация в Пруссии весны – лета 1813 г. народный, массовый характер? Историография ГДР трактовала события первых двух этапов Освободительной войны именно в этом ключе. Создание таких учреждений, как Ландвер и Ландштурм, представлялись как пример народной войны за свободу Отечества [37, 13]. В то же самое время в исторической науке ФРГ сложилось несколько иное видение проблемы. Безусловно, прусское правительство поощряло добровольческое антинаполеоновское движение. Этой цели служила не только мощная патриотическая пропаганда, которая в 1813 – 1814 гг. достигла непревзойдённых до этого масштабов, но и законодательная база, в частности указ о создании добровольческих егерских пехотных и кавалерийских отрядов с правом выбора воинского формирования, возможностью быть избранным на офицерскую должность и обещанием определённых социальных привилегий по окончании военной службы (3 февраля 1813 г.). Однако в то же самое время прусское политическое руководство прибегало и к принудительным мерам, не полагаясь лишь на приток добровольцев. Уже через шесть дней после упомянутого выше указа было издано постановление об отмене освобождения от воинской обязанности для широких слоёв населения (9 февраля 1813 г.). Фактически в Пруссии вводилась всеобщая воинская повинность. 17 марта 1813 г. была учреждена национальная милиция – Ландвер, в котором должны были служить все лица мужского пола от 17 до 40 лет, набор осуществлялся как на добровольной основе, так и по жребию. Исследования последних лет, в частности работы Уте Фреверт, показывают, что население Пруссии не испытывало особого энтузиазма по поводу военной службы и не стремилось записываться в армию, по этой причине прусскому правительству зачастую приходилось прибегать к карательным мерам, как это было, к примеру, в Западной Пруссии, Силезии или Вестфалии [12, 39 – 40]. Массовые дезертирства или активные протесты против принудительного призыва являлись обычным явлением, по этой причине ещё Рудольф Иббекен высказывал сомнения относительно добровольческого характера прусской военной мобилизации 1813 г. и говорил о «принудительном Ландвере» [23, 398].

Неоднозначной будет ситуация и с Ландштурмом, эдикт о создании которого был подписан прусским королём 21 апреля 1813 г. Изначально идея Ландштурма была тесно связана с концепцией тотальной народной войны, над которой в 1807 – 1811 гг. работали такие выдающиеся прусские генералы, как Герхард фон Шарнхорст, Герман фон Бойен и Карл фон Грольман. В ряды Ландштурма в обязательном порядке записывались все мужчины от 17 до 60 лет, к его деятельности также привлекались женщины и дети. Военные реформаторы предполагали сделать Ландштурм орудием экзистенциальной войны прусской нации, сражающейся за своё существование, по этой причине методы ведения военных действий должны были соответствовать испанской герилье или тактике русских партизан. Однако идея всеобщего вооружения прусского народа осталась только на бумаге. В июле 1813 г. прусский король лишил Ландштурм всякой самостоятельности и объявил его резервом для Ландвера. Идея иницилируемой государством всенародной тотальной войны в Пруссии так и не была реализована [46, 299]. Своих вооружённых подданных прусская политическая элита боялась больше, чем внешних врагов. Народной войны в Пруссии так и не случилось.

Многие исследователи сходятся во мнении относительно того, что с присоединением Австрии к Шестой коалиции борьба союзников с Наполеоном значительно утратила свой «национально-освободительный» характер и вернулась в лоно традиционных для XVIII в. кабинетных войн за баланс сил в Европе [26, 127]. Действительно, вступление Австрии в войну было хорошо продуманным и тщательно взвешенным решением, при этом руководитель австрийской внешней политики Клеменс фон Меттерних исходил не из национальных установок, а из государственных интересов Австрии, которые заключались в укреплении позиции страны в Центральной Европе, в Италии и на Балканах. Не меньшую роль играли и идеи реставрации дореволюционного порядка в Европе [41, 59 – 60]. Как ни парадоксально, но гарантия территориального суверенитета Баварии, Вюртемберга, Бадена и некоторых других германских государств Юга и Запада Германии в обмен на их присоединение к коалиции тоже может рассматриваться в этом же ключе: немецкое национальное государство не являлось целью борьбы против наполеоновской Франции, на первом месте стояли геополитические, а не национальные интересы. Фактически даже Весенняя военная кампания 1813 г., объединившая Россию, Пруссию, Мекленбург и Швецию, не велась во имя народов и наций. Было бы большим заблуждением считать, что причиной падения Наполеона стали массо-

вые народные восстания европейских народов. Битва под Лейпцигом была результатом не народной борьбы и массовой национальной пропаганды, а итогом проводимых государствами-союзниками военных и дипломатических приготовлений, разрабатываемых ими тактических операций, делом регулярных армий, а не добровольческих формирований. Заключительные этапы «Освободительных войн» тем более не могут рассматриваться с национально-освободительных позиций, судьбы народов Европы на Венском конгрессе решались без их участия.

Анализ современных подходов к проблеме немецких освободительных войн свидетельствует о том, что под это понятие не подходят такие традиционные трактовки, как борьба немецкого народа за конституционные права и свободы («Freiheitskriege»), равно как и борьба немцев за национальную независимость и за создание единого национального государства («Befreiungskriege»). Зачатки народной войны за освобождение от иноземного господства можно наблюдать лишь в Пруссии зимой – весной 1813 г., но и здесь тотальной войны так и не случилось. В данном случае, скорее, будет уместно пользоваться терминологией, предложенной Карен Хагеманн, и говорить об «антинаполеоновской войне», чем о войне «освободительной». Однако эти понятия будут неприменимы к другим германским государствам – ни к Австрии, для которой ни одна из войн 1805 – 1815 гг. не была в подлинном смысле «освободительной», ни для государств Рейнского союза, которые до последнего сражались на стороне Наполеона, для них период «антинаполеоновской» войны начинается только с октября – ноября 1813 г., да и то не для всех. По этой причине те исследовали, которые специализируются по истории «Третьей Германии», избегают понятия «Освободительная война» и говорят о «наполеоновском времени» или «наполеоновских годах». Тем самым период 1806 – 1815 гг. теряет свою привычную целостность и распадается на множество социальных и политических дискурсов, среди которых национально-освободительный не являлся преобладающим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Akaltin, F. Die Befreiungskriege im Geschichtsbild der Deutschen im 19. Jahrhundert / F. Akaltin. – Frankfurt am Main, 1997.
2. Becker, G. W. Der Krieg der Franzosen gegen Rußland, Preußen und Oesterreich, 1813 und 1814 / G. W. Becker. – Leipzig, 1814.
3. Beitzke, H. Geschichte der deutschen Freiheitskriege in den Jahren 1813 – 1815 / H. Beitzke. – Erster Band. – Berlin, 1859.
4. Berding, H. Das geschichtliche Problem der Freiheitskriege 1813 – 1814 / H. Berding // Historismus und moderne Geschichtswissenschaft. Europa zwischen Revolution und Restauration 1797 – 1815. Drittes deutsch-sowjetisches Historikertreffen in der Bundesrepublik Deutschland München, 13. – 18. März 1978. Herausgegeben von Karl Otmar Freiherr von Aretin und Gerhard A. Ritter. – Stuttgart, 1987. – P. 201-215.
5. Botzenhart, M. Reform, Restauration, Krise. Deutschland 1789 – 1847 / M. Botzenhart. – Frankfurt am Main, 1985.
6. Brandt, P. Die Befreiungskriege von 1813 bis 1815 in der deutschen Geschichte / P. Brandt // Geschichte und Emanzipation. Festschrift für Reinhard Rürup. Hg. von Michael Grüttner, Rüdiger Hachtmann, Heinz-Gerhard Haupt. – Frankfurt-am-Main, 1999. – P. 17-57.
7. Caemmerer, R. von. Die Befreiungskriege 1813 – 1815. Ein strategischer Überblick / R. Caemmerer. – Berlin, 1907.
8. Dann, O. Nation und Nationalismus in Deutschland. 1770 – 1790 / O. Dann. – München, 1994.
9. Drexl, F. Die Befreiungskriege 1813 – 1815 / F. Drexl. – Regensburg, 1912.
10. Droysen, J. G. Vorlesungen über die Freiheitskriege. Zweiter Theil / J. G. Droysen. – Kiel, 1846.
11. Echternkamp, J. Der Aufstieg des deutschen Nationalismus (1770 – 1840) / J. Echternkamp. – Frankfurt am Main, 1998.
12. Frevert, U. Die kasernierte Nation. Militärdienst und Zivilgesellschaft in Deutschland / U. Frevert. – München, 2001.
13. Gisch, H. Preßfreiheit – Preßfurchheit. Zum Problem der Presseaufsicht in napoleonischer Zeit in Deutschland 1806 – 1818 / H. Gisch // H.-D. Fischer (Hrsg.). Deutsche Kommunikationskontrolle des 15. – 20. Jahrhunderts. – München, 1982. – P. 56-74.
14. Graf, G. Gottesbild und Politik. Eine Studie zur Frömmigkeit in Preußen während der Befreiungskriege 1813 – 1815 / G. Graf. – Göttingen, 1993.
15. Großer Generalstab Kriegsgeschichtliche Abteilung II (Hg.). Das preußische Heer im Jahre 1813 (Das preußische Heer der Befreiungskriege. Band 2). – Berlin, 1914.
16. Günther, E. A. Geschichte des Kriegs der Russen und Deutschen gegen die Franzosen. Oder: Buonaparte's letzte Feldzüge in den Jahren 1812, 13 und 14 / E. A. Günther. – Eisenberg, 1815.

17. Häusser, L. Deutsche Geschichte vom Tode Friedrichs des Großen bis zur Gründung des Deutschen Bundes / L. Häusser. – Berlin, 1869.
18. Hagemann, K. «Männlicher Muth und teutsche Ehre». Nation, Militär und Geschlecht zur Zeit der antinapoleonischen Kriege in Deutschland / K. Hagemann. – Paderborn u.a., 2000.
19. Hagemann, K. Nation, Krieg und Geschlechterordnung. Zum kulturellen und politischen Diskurs in der Zeit der antinapoleonischen Erhebung Preußens 1805 – 1815 / K. Hagemann // Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für historische Sozialwissenschaft. – 22. Jahrgang/Heft 4. – Oktober-Dezember 1996. – Militärgeschichte Heute. – P. 562-591.
20. Hagemann, K. Revisiting Prussia's wars against Napoleon. History, culture, memory / K. Hagemann. – Cambridge, 2015.
21. Helmert, H. Der Befreiungskrieg 1813. Militärischer Verlauf / H. Helmert, H.-J. Uszcek. – Berlin, 1963.
22. Helmert, H. Europäische Befreiungskriege. 1808-1814/15 / H. Helmert, H.-J. Uszcek. – Berlin, 1976.
23. Ibbeken, R. Preußen 1807 – 1813. Staat und Volk als Idee und in Wirklichkeit / R. Ibbeken. – Köln, 1970.
24. Kandil, M. Die deutsche Erhebung 1812 – 1815. Die Befreiungskriege gegen die französische Fremdherrschaft / M. Kandil. – Stegen, 2011.
25. Köpping, R. Sachsen gegen Napoleon: Zur Geschichte der Befreiungskriege, 1813 – 1815 / R. Köpping. – Berlin, 2000.
26. Leggiere, M. V. Napoleon und Berlin. The Franco-Prussian War in North Germany, 1813 / M. V. Leggiere. – Norman, 2002.
27. Lehren des nationalen Befreiungskampfes 1806 bis 1815. – Berlin, 1953.
28. Leonhard, J. Bellizismus und Nation. Kriegsdeutung und Nationsbestimmung in Europa und den Vereinigten Staaten. 1750 – 1914 / J. Leonhard. – München, 2008.
29. Münchow-Pohl von, B. Zwischen Reform und Krieg. Untersuchungen zur Bewußtseinlage in Preußen 1809 – 1812 / B. von Münchow-Pohl. – Göttingen, 1987.
30. Niedersen, U. (Hrsg.). Sachsen, Preußen und Napoleon. Europa in der Zeit von 1806 – 1815 / U. Niedersen. – Dresden – Torgau, 2013.
31. Pflugk-Harttung, von J. Die Geschichte der Befreiungskriege / J. von Pflugk-Harttung. – Berlin, 1913.
32. Planert, U. Der Mythos vom Befreiungskrieg. Frankreichs Kriege und der deutsche Süden: Alltag – Wahrnehmung – Deutung. 1792 – 1841 / U. Planert. – Paderborn, 2007.
33. Plotho, von C. Der Krieg in Deutschland und Frankreich in den Jahren 1813 und 1814 / C. von Plotho. – Berlin, 1817.
34. Rau, von K. F. Der Krieg der Verbündeten gegen Frankreich in den Jahren 1813, 1814 und 1815 / K. F. von Rau, E. H. H. von Cronenthal. – Berlin, 1826.
35. Rehtwisch, Th. Deutschlands Befreiungskämpfe 1813-1815. Gedenkschrift zur Jahrhundertfeier der großen Zeit / Th. Rehtwisch. – Leipzig, 1913.
36. Schaal, K. (Bearb.). Hessen im Rheinbund. Die napoleonischen Jahre 1806 – 1813 / K. Schaal. – Darmstadt, 2007.
37. Schmidt, D. Die preußische Landwehr 1813 / D. Schmidt. – Berlin, 1987.
38. Schmidt, G. Deutschland 1806 – staatliche Zäsur und nationale Kontinuität? / G. Schmidt // Klinger A., Hahn H.-W., Schmidt G. (Hg.). Das Jahr 1806 im europäischen Kontext. Balance, Hegemonie und politische Kulturen. – Köln u.a., 2008. – P. 120-142.
39. Schuck, G. Rheinbundpatriotismus und politische Öffentlichkeit zwischen Aufklärung und Frühliberalismus. Kontinuitätsdenken und Diskontinuitätserfahrung in den Staatsrechts- und Verfassungsdebatten der Rheinbundpublizistik / G. Schuck. – Stuttgart, 1994.
40. Schulze, F. (Hrsg.). Franzosenzeit in deutschen Landen 1806 – 1815 / F. Schulze. – Leipzig, 1908. – Bd. 1. 1806 – 1812.
41. Simon, K.-H. Die deutsche Frage vom Reichsende bis zur Reichsgründung (1806 – 1871) / K.-H. Simon. – Tübingen, 2010.
42. Stuhr, P. F. Die drei letzten Feldzüge gegen Napoleon kritisch-historisch dargestellt. Erster Band / P. F. Stuhr. – Lemgo, 1832.
43. Stulz, P. Fremdherrschaft und Befreiungskampf / P. Stulz. – Berlin, 1960.
44. Treitschke, von H. Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert. Erster Teil. Bis zum Zweiten Pariser Frieden / H. von Treitschke. – Leipzig, 1918.
45. Ulmann, H. Geschichte der Befreiungskriege / H. Ulmann. – Oldenburg, 1915.
46. Walter, D. Preußische Heeresreformen 1807 – 1870. Militärische Innovation und der Mythos der «Roonschen Reform» / D. Walter. – Paderborn, 2003.
47. Weber, E. Lyrik der Befreiungskriege (1812 – 1815). Gesellschaftspolitische Meinungs- und Willensbildung durch Literatur / E. Weber. – Stuttgart, 1991.

Абабкова Н. Н.
N. N. Ababkova

ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ТЕАТРА

MODERN DEVELOPMENT TRENDS OF THE RUSSIAN FAR EASTERN THEATER

Абабкова Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, проспект Ленина, 27, 89141690995. E-mail: Ababkova70@mail.ru.

Ms. Nalalia N. Ababkova – PhD in History, Associate Professor, History of State and Law Department, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin Pr.; tel. 89141690995. E-mail: Ababkova70@mail.ru.

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые аспекты работы российских дальневосточных театров на современном этапе, их отклик на новые веяния в культурной и общественной жизни страны. Сохранившийся на сегодняшний день огромный разрыв между региональными и столичными театрами является одной из самых актуальных проблем современного российского театра, решение которой во многом зависит как от активной творческой позиции самих театров, так и от заинтересованности и поддержки со стороны государства.

Summary. The article discusses some aspects of the Russian far Eastern theatres at the present stage, their response to new trends in cultural and social life of the country. Extant massive gap between regional and Metropolitan theatres is one of the most urgent problems of contemporary Russian theatre. The solution of the problem largely depends on the active creative position of theaters proper, as well as on the interest and support from the state.

Ключевые слова: театр, Дальний Восток, федеральный проект, новаторство, федеральная поддержка, дальневосточный регион, театральное пространство, театральная культура.

Key words: theatre, Far East, federal project, innovation, federal support, Far East region, theatre space, theatrical culture.

УДК 94(470)(571.6)

Российский дальневосточный театр своими корнями уходит в далекие 1930-е годы. Почти вековая история театра не могла не отразиться на современном его состоянии.

Современные дальневосточные театры сохранили советские традиции, которые в силу различных причин более глубоко и основательно утвердились на Дальнем Востоке, нежели в центре страны. Здесь по-прежнему ставят классику, которая превалирует над современными постановками, и зритель откликается на эти спектакли, возможно, в силу истинного уважения к русской классике либо по причине отсутствия более достойной жанровой альтернативы.

Однако было бы несправедливо назвать театральное пространство Дальнего Востока мёртвой зоной. Как и в центральной части страны, здесь отмечаются активное творческое движение, направленное на поиск новой современной пьесы, стремление к авангарду и художественным экспериментам, сопряженным новаторскими концепциями отношения зрителей и сцены [1].

Развитию творческих инициатив на театральном пространстве Дальнего Востока способствуют исторически сложившиеся условия, которые позволяют современным тенденциям зарождаться и совершенствоваться. Во-первых, то, что большинство региональных театров долгое время находилось в состоянии выживания, сделало их более гибкими и во многом более активными по сравнению с театрами, где нет проблем с финансированием. Во-вторых, различные нормативные ограничения, предписываемые непосредственно театрам регионального подчинения, содействуют большей изворотливости театрального руководства. В-третьих, кадровый вопрос в провинциаль-

ных театрах по-прежнему остаётся открытым, поэтому занять место главного режиссёра молодому таланту представляется более реальным, чем в столице. В-четвёртых, отсутствие необходимого объема ресурсов не позволяет ставить большое число спектаклей, тем самым побуждая администрацию регионального театра использовать другие формы работы, например, такие как проведение литературных вечеров, лекций, мастер-классов, читка пьес, постановка моноспектаклей, реализация различных образовательных программ для населения и другие.

Ярким примером многогранности современного театра служит работа Хабаровского Театра юного зрителя (ТЮЗ), художественным руководителем которого является режиссёр Константин Кучкин (см. прим. 1). Созданный в 1944 г. театр, сохранив свои лучшие театральные традиции, на сегодняшний день значительно расширил рамки своей деятельности, активно формируя серьёзную зрелую драматическую направленность. Так, в марте 2011 г. в ТЮЗе стартовал проект PLASEBO (от лат. Plasebo – будет нравиться), предполагавший совместную работу актёров со зрителем. В этом же году коллективом театра была открыта театральная площадка под названием «Театральный дворик», которая дала возможность актёрам вести открытый искренний диалог со зрителем: обсуждать актуальные проблемы современного города, делиться новостями культуры и многое другое. Тогда же ТЮЗ применил опыт столичных театров по проведению перфомансов, которые со временем стали пользоваться большой популярностью у жителей города. В 2016 г. впервые на Дальнем Востоке России начал свою работу фестиваль-лаборатория актуальных текстов «Наша тема». В рамках мероприятия зрителям были представлены спектакли, театральные эскизы, читки популярных пьес [3].

Наряду с хабаровским театром особое место в театральном пространстве региона занимает приморский театр, который во все времена выгодно отличался своим нестандартным подходом в решении многих творческих вопросов. Более того, приграничное положение приморских театров даёт им большие возможности для расширения международного культурного сотрудничества. Хороший потенциал приморских театров был отмечен государством. В 2016 г. Приморскому театру оперы и балета г. Владивостока был присвоен статус Приморской сцены Мариинского театра. Это событие значительно украсило и сделало более ярким и впечатляющим всю театральную культуру Дальневосточного региона. Изменение статуса театра повлекло за собой появление новых проблем, прежде всего связанных с творческим составом театра, который на сегодняшний день, по словам художественного руководителя театра, народного артиста России Валерия Гергиева, не соответствует уровню московской сцены. Тем не менее проводится огромная работа по привлечению в театр талантливых специалистов из разных регионов РФ. По мнению В. Гергиева, Владивосток должен стать исходной точкой творческого сотрудничества Мариинки с театрами Японии, Китая и Кореи [2].

Театральное искусство на Дальнем Востоке, как и много лет назад, по-прежнему выполняет важнейшие функции, главная из которых – удовлетворение духовных потребностей граждан. Отсутствие во многих регионах альтернативы этому виду искусства даёт дальневосточному театру большие приоритеты и возможности перед другими направлениями. Принимая этот факт во внимание, правительство РФ предприняло ряд мероприятий по пропаганде театрального дела на Дальнем Востоке страны.

По поручению Президента РФ В. В. Путина в 2016 г. стартовал федеральный проект «Муниципальные театры». Реализация программы рассчитана на три года. В ее основе лежит поддержка творческой деятельности муниципальных театров в городах с численностью населения не более 300 тыс. жителей. На проведение проекта из федерального бюджета было выделено 670 млн р. Денежные средства должны быть распределены среди малых региональных театров России и направлены на решение их внутренних проблем: ремонт помещений, пошив и ремонт костюмов и другое [4].

Идея подобной программы возникла в связи с обострением в общественной и культурной жизни страны вопроса о тематике театрального репертуара. В настоящее время этот вопрос всё чаще становится поводом для дискуссии среди политиков и деятелей культуры. Кураторами про-

екта стали народный артист РСФСР, Председатель Союза театральных деятелей РФ, член Общественной палаты России Александр Калягин и народный артист России Евгений Миронов.

В рамках проекта «Муниципальные театры» по РФ уже отобрано свыше 145 учреждений, которые принимают участие в этой программе.

Дальний Восток стал активным участником данного проекта. На сегодняшний день два приморских театра – Уссурийский драматический театр и Театр кукол в Находке – участвуют в программе. В соответствии с положением проекта театрам выделено по 4 млн р. из федерального бюджета. Полученные средства театры смогут потратить на организацию гастрольных туров и новых постановок, а также на обновление декораций и костюмов.

От Хабаровского края в проекте принял участие Комсомольский-на-Амуре театр драмы. На его развитие из федерального бюджета запланировано выделить 5,3 млн р. [5].

Федеральный проект «Муниципальные театры», конечно, не сможет сиюминутно решить все существующие проблемы дальневосточных театров. Однако само появление реальной федеральной поддержки театров в регионах и активная творческая позиция театральных коллективов дают надежду на сокращение существующего разрыва между региональным и столичным театром.

ЛИТЕРАТУРА

1. Велисов, В. Общество спектакля. Пограничное состояние дальневосточного театра [Электронный ресурс] / В. Велисов. – Режим доступа: <https://dv.land/territory/obshchestvo-spektaklya> (дата обращения 22.10.2017).
2. Во Владивостоке откроется Приморская сцена Мариинского театра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://onf.ru/2015/12/29/vo-vladivostoke-otkroetsya-primorskaya-scena-mariinskogo-teatra> (дата обращения 22.10.2017).
3. Министерство культуры Хабаровского края. КГБУК Хабаровский театр юного зрителя и Хабаровский театр кукол [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minkult.khabkrai.ru/events/Novosti/1558> (дата обращения 22.10.2017).
4. Партпроект «Театры малых городов» проанализирует результативность использования субсидий на поддержку муниципальных театров [Электронный ресурс] / Официальный сайт партии «Единая Россия». – Режим доступа: <http://er-duma.ru/news/partproekt-proanaliziruet-rezultativnost-ispolzovaniya-subsidiy-na-podderzhku-munitsipalnykh-teatrov/> (дата обращения 23.10.2017).
5. Комсомольский драмтеатр получит более 5 млн рублей в рамках партпроекта «Театры малых городов» [Электронный ресурс] / Официальный сайт партии «Единая Россия». – Режим доступа: <http://er.ru/news/150725/> (дата обращения 22.10.2017).

ПРИМЕЧАНИЕ

1. К. Кучикин. С 1995 г. является членом Союза театральных деятелей. Лауреат премии Губернатора Хабаровского края в области театрального искусства, лауреат премии Правительства РФ в области культуры 2010 г. Номинант национальной театральной премии «Золотая маска».

Филионова И. А., Киба Д. В.

I. A. Filionova, D. V. Kiba

РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ УГОЛЬНОЙ ОТРАСЛИ ПРИМОРСКОГО КРАЯ В 1990-Е ГГ.

RESTRUCTURING OF THE COAL SECTOR IN PRIMORSKY REGION IN THE 1990s.

Филионова Ирина Александровна – студентка кафедры «История и архивоведение» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681021, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Комсомольская, 50-336; тел. 8(4217) 59-16-40. E-mail: lily.kms@mail.ru.

Ms. Irina A. Filionova – a student, Department of History and Archival Studies, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681021, Komsomolsk-on-Amur, st. Komsomol, 50-336; tel. 8 (4217) 59-16-40. E-mail: lily.kms@mail.ru.

Киба Дарья Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История и архивоведение» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681021, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Комсомольская, 50-336; тел. 8(4217) 54-58-66. E-mail: dvkiba@mail.ru.

Ms. Darya V. Kiba – PhD in History, Associate Professor, Department of History and Archival Studies, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681021, Komsomolsk-on-Amur, st. Komsomol, 50-336, tel. 8 (4217) 54-58-66. E-mail: dvkiba@mail.ru.

Аннотация. В статье прослеживается состояние угольной промышленности Приморского края в условиях социально-экономического кризиса 1990-х гг. Указывается, что в рассматриваемый период была проведена реструктуризация угольной отрасли, предусматривающая повышение конкурентоспособности угольной промышленности, создание стратегии саморазвития предприятий. Реструктуризация привела к закрытию шахт, сокращению добычи угля и ухудшению уровня жизни населения Приморского края.

Summary. The article covers the state of the coal industry of the Primorsky region in the conditions of the social and economic crisis of the 1990s. It is indicated that during the period under review, the coal industry was restructured, which provides for increasing the competitiveness of the coal industry, creating a strategy for the self-development of enterprises. The restructuring led to the closure of mines, a reduction in coal production and a deterioration in the living standards of Primorye.

Ключевые слова: реструктуризация, угольная промышленность, шахта, реконструкция.

Key words: restructuring, coal industry, mine, reconstruction.

УДК 929

Статья подготовлена при поддержке правительства Хабаровского края. Договор 148/2017 Д от 05.06.2017.

Угольная отрасль играет ключевую роль в экономике России. В советский период она развивалась за счет значительных государственных дотаций. Переход к рыночной экономике сопровождался значительными изменениями в системе управления и функционирования угольной отрасли. Важной составляющей структурных преобразований стала политика реструктуризации угольной промышленности, которая производилась в масштабах всей страны и затронула важнейшие угольные предприятия, в том числе Приморский край.

В конце 1980-х гг. в экономике СССР назрел общий хозяйственный кризис. Разрушалась финансовая система, рвались хозяйственные связи между республиками распадавшегося Союза. Всё это наложило на проявившиеся ранее негативные тенденции угольной отрасли: устаревшее оборудование, критический уровень средней глубины подземных работ, возрастающая опасность обвалов и аварий. Качество добываемого в стране угля неизбежно снижалось.

В связи со сменой политического строя в стране в угольной промышленности продолжали нарастать негативные тенденции. Сокращение государственного финансирования угольной отрасли дополняли падение дисциплины и снижение производительности труда.

Вывести угольную отрасль из кризиса, адаптировать ее к новым условиям конкуренции должна была реструктуризация. Основными задачами последней являлись: обеспечение перехода отрасли от убыточной к конкурентоспособной добыче, создание стратегии саморазвития угольных компаний. В процессе реструктуризации были приняты следующие решения:

- Россия должна оставаться в числе ведущих угледобывающих стран мира;
- значение огромных угольных ресурсов страны планировалось повышать по мере истощения мировых запасов нефти и газа;
- объемы добычи угля должны определяться уровнем рыночного спроса;
- российский уголь должен быть конкурентоспособным на рынке [1].

Реструктуризацию угольной отрасли страны было намечено осуществить в короткий по историческим меркам период. Реструктуризация фактически началась в 1994 – 1995 гг. в соответствии с разработанными Минтопэнерго РФ, Минэкономразвития РФ «Концепцией реструктуризации российской угольной промышленности» и «Основными направлениями реструктуризации угольной промышленности России».

Реструктуризация угольной отрасли в Приморском крае была неразрывно связана с процессами распада СССР, разрушения производственных, экономических и научно-технических связей.

Реструктуризация угольной отрасли Приморского края началась с момента ее акционирования. По распоряжению Государственного комитета Российской Федерации по управлению государственным имуществом 22 июня 1994 г. «Приморскуголь» и входящие в его состав предприятия шахтоуправления «Уральское», разрез «Лучегорский» и 28 структурных подразделений были преобразованы в акционерные общества открытого типа. Акционерное общество открытого типа «Приморскуголь» было зарегистрировано 6 сентября 1994 г. [2].

Добыча угля на приморских месторождениях обеспечивала потребность края в угле на 80 %. В 1990-е гг. в условиях сокращения государственного финансирования разведка месторождений угля осуществлялась в незначительном объеме. Строительство новых предприятий не осуществлялось, реконструкция старых не производилась. Потребителями добытого угля в основном являлись электростанции Приморского края.

В 1994 – 1996 гг. по причине низкой экономической эффективности производства были закрыты шахты «Озерная», «Подгородненская», «Хасан», «Капитальная», «Глубокая» и разрез «Реттиховский». Ни одно из этих предприятий даже при государственной финансовой поддержке уже нельзя было перевести в разряд стабильных. Предусматривалось, что оставшиеся в эксплуатации шахты и разрезы будут получать бюджетную поддержку государства с учетом средств, высвободившихся вследствие закрытия неперспективных предприятий [3].

Ежегодно бюджетная поддержка оставшихся угледобывающих предприятий Приморского края последовательно и стремительно сокращалась. Шахты и разрезы переходили в разряд высокоубыточных и подлежали ликвидации.

Реструктуризация угольной отрасли привела к закрытию ряда шахт в г. Артеме во второй половине 1990-х гг. Шахта «Озерная» стала первым предприятием по добыче угля, с которой начался неизбежный процесс закрытия шахт как особо убыточных. В 1994 г. на шахте была проведена экспертная оценка условий труда. С учетом невозможности приведения последних в соответствие с требованиями правил и норм охраны труда шахта выступила с инициативой о прекращении добычи угля. Инициатива была поддержана, и шахта с 15 июня 1994 г. была поставлена в режим ликвидации.

Поле шахты «Подгородненская» расположено на территории г. Артема Приморского края, в северо-восточной части Подгородненского каменноугольного месторождения. Горные работы на этой шахте были остановлены 1 июля 1995 г., ликвидация горных выработок закончена 1 января 1996 г. За весь период эксплуатации шахтой добыто 8335 тыс. т угля. Решением комиссии по

оценке и квалификации запасов по полю шахты «Подгородненская» оставшиеся 18 852 тыс. т балансовых запасов отнесены к группе неблагоприятных для промышленного освоения.

В целом при анализе работы шахт Приморского края в условиях реструктуризации следует отметить, что в 1990-е гг. наблюдалось снижение объемов добычи угля угледобывающих предприятий. Основными причинами последних процессов являлись:

- незавершенные работы по реконструкции шахт, в результате чего не введены были в эксплуатацию вспомогательный вертикальный ствол и электровозная откатка;
- сложные горно-геологические условия;
- большая задолженность по заработной плате, резко снижающая заинтересованность трудящихся в производительном труде;
- продолжительные неплатежи потребителей за приобретенный уголь, что привело к отсутствию оборотных средств;
- значительный износ активной части основных производственных фондов [4].

Ликвидация шахт угольной отрасли Приморского края негативно сказалась на состоянии экономики и социальной сферы региона в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деревянко, А. П. Российское Приморье на рубеже третьего тысячелетия / А. П. Деревянко. – Владивосток: Недра, 1999. – 303 с.
2. Васянович, А. М. Золотой фонд угольной промышленности Приморья / А. М. Васянович, Л. Е. Пинчук, М. И. Хамлатов. – Владивосток: Изд-во ОАО «Приморскуголь», 2003. – 160 с.
3. Латкина, А. П. Приморский край. Уроки рыночных реформ / А. П. Латкина. – Владивосток: Недра, 1997. – 168 с.
4. Угольная промышленность Дальнего Востока, Забайкалья и Восточной Сибири на рубеже XXI века / под ред. А. М. Васяновича. – Владивосток: Изд-во ТАНЭБ, 1999. – 82 с.

Наливайко Т. Е.
T. Ye. Nalivaiko

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА УНИВЕРСИТЕТА КАК ФАКТОР
РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ**

**SOCIAL AND CULTURAL UNIVERSITY INFRASTRUCTURE AS A FACTOR
OF STUDENTS ' PERSONALITY DEVELOPMENT**

Наливайко Татьяна Евгеньевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27; тел. 8(4217)53-98-25. E-mail: tenal@knastu.ru.

Tatiana Ye. Nalivaiko – Doctor in Education, Professor, Chair holder for Educational and Psychological Work in Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27 Lenin Avenue, Komsomolsk-on-Amur, zip code 681013; tel. 8(4217)53-98-25. E-mail: tenal@knastu.ru.

Аннотация. В статье представлено описание развития социальной инфраструктуры университета в соответствии со статусом города, на территории которого расположен университет, – территория опережающего социально-экономического развития. Охарактеризованы цели, задачи и основные результаты этапов развития социальной инфраструктуры вуза как среды личностного развития студентов.

Summary. The article describes the development of the social university infrastructure in accordance with the status of the city where the university is located - the territory of advanced social and economic development. The goals, tasks and main results of the development stages of the social university infrastructure as a medium for personal development of students are characterized.

Ключевые слова: университет, социальная инфраструктура, развитие личности, инновации.

Key words: university, social infrastructure, personality development, innovation.

УДК 378

Развитие территории – это прежде всего развитие общественных пространств и социальной инфраструктуры для повышения качества жизни. Новым трендом развития является интерес молодежи ко всем сферам социальной активности. В этой связи университет призван стать новым мотиватором вовлечения молодежи Дальнего Востока в инновационное промышленное производство региона и города, а также притока молодежи для создания собственного бизнеса из центральных регионов страны, ближнего и дальнего зарубежья.

Деятельность университета по формированию привлекательного образа региона и городской среды для заселения его территорий и обеспечения эмоционально-психологического благополучия населения позволит составить шорт-лист региональных гражданских социально-культурных инициатив, реализация которых обеспечит решение многих городских и региональных проблем, в том числе проблем формирования дальневосточного социума и социальных общностей. Социокультурная инфраструктура университета направлена на развитие и консолидацию усилий по укреплению единства российской нации, воспитанию гражданской идентичности посредством развития сети интернациональных структур студенческого самоуправления, местных сообществ, городской и региональной среды в условиях поликонфессионального и полиэтнического региона.

Актуальность развития социокультурной инфраструктуры вуза обусловлена также необходимостью повышения эффективности деятельности университета в соответствии со Стратегией государственной национальной политики в Российской Федерации до 2025 года и Комплексным

планом патриотического воспитания граждан РФ, проживающих в Хабаровском крае, на 2016 – 2020 годы. Социокультурная среда университета должна оказать существенное влияние на успешность личностного развития студентов, реализацию социальных, культурных, духовных задач, сохранение и развитие лучших национально-культурных традиций народов, проживающих в регионе, традиций взаимного уважения, истинного патриотизма.

Деятельность по развитию социокультурной инфраструктуры в условиях многонационального контингента студентов направлена на разработку инструментов преодоления проблемы непонимания и неприятия молодежью людей, имеющих иные убеждения и взгляды, в том числе представителей других национальностей, конфессий. Молодые люди должны знать и понимать, что за каждым «иным» мнением стоит не просто человек, а личность, сформировавшаяся под влиянием огромного количества факторов, таких как внутренние характеристики, воспитание, окружающая среда, общество, традиции и культура его народа.

Развитию социокультурной инфраструктуры вуза может способствовать создание межнационального центра, целью деятельности которого является содействие консолидации институтов гражданского общества в вопросах защиты многонационального населения региона от идеологии экстремизма, национализма и сепаратизма.

В задачи деятельности межнационального центра входят:

- разработка комплексной программы профилактики экстремизма, национализма и сепаратизма в молодежной среде;
- привлечение в университет молодежи и стимулирование развития у молодых людей готовности к конструктивным межнациональным отношениям посредством создания благоприятного этнопсихологического климата в университетской, городской и региональной среде;
- организация и проведение молодежных обменов, международных спортивных встреч, благотворительных акций, концертов, конкурсов, национальных праздников, фестивалей фольклорных и обрядовых событий;
- содействие развитию студенческих землячеств, оказание помощи в создании и поддержке сайтов землячеств. Формирование контента раздела «Регион» сайтов землячеств, включающего историю, достижения в экономике и социальной сфере, преимущества для инвесторов, а также информацию о заслуженных людях и достижениях молодежи университета и города;
- организация, поддержка и развитие движения установления побратимских связей между городами и народной дипломатии.

Основными результатами решения вышеперечисленных задач будут:

- формирование привлекательного образа университета и городской среды для заселения территорий и обеспечения эмоционально-психологического благополучия граждан разных национальностей и конфессиональной принадлежности;
- создание постоянно действующей площадки для коммуникации и развития межнационального диалога молодежи университета, города и региона;
- создание лояльного поликультурного образовательного пространства для личностного развития в условиях этносоциального просвещения студентов;
- формирование устойчивых связей вузовского сообщества города и региона с научно-исследовательскими институтами ДВО РАН, Консультативным советом по делам коренных малочисленных народов Севера, Всероссийской ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в вопросах сохранения культурного наследия и сохранения этнической индивидуальности коренных народов, населяющих город и регион;
- установление побратимских связей.

Дополнительным показателем успешности развития социокультурной инфраструктуры может выступать общественная признательность университета как площадки для коммуникации и развития межнационального диалога молодежи университета, города и региона; увеличение количества городских и региональных мероприятий на базе межнационального центра.

Развитие социокультурной инфраструктуры вуза способствует гармонизации межнациональных отношений, раскрытию мощного потенциала духовного обогащения национальной моло-

дежи университета, города и региона – культуры разных народов России, и в частности нашей малой Родины – Приамурья.

Деятельность основных субъектов новой социокультурной среды направлена на укрепление социальной сплоченности российской нации посредством гармонизации межконфессиональных и межнациональных отношений, сохранение и трансляцию традиций в молодежную среду поликультурного региона, развитие гражданского общества.

В задачи деятельности данного этапа развития социокультурной инфраструктуры университета входят:

- формирование у современной молодежи интереса и уважения к традициям и культуре народов, проживающих на территории Дальнего Востока России;
- интеграция интересов различных этнических общностей в одно из главных достояний России – мир и дружбу между народами, формирование этнокультурной толерантности и гражданского самосознания молодежи города и региона;
- организация и проведение научных исследований, экспертиз и мониторинга по проблемам гармонизации межконфессиональных и межнациональных отношений, противодействия идеологии экстремизма в молодежной среде;
- создание благоприятных условий для адаптации и полноценной интеграции иногородних и иностранных студентов в образовательную и социокультурную среду крупного образовательного центра региона – КнАГУ.

Основными результатами решения вышеперечисленных задач будут:

- существенное влияние деятельности университета на формирование национального самосознания у молодежи, российской гражданской общности, а также этнической и культурной идентичности у молодежи университета, города и региона;
- шорт-лист (перечень лучших) региональных гражданских социально-культурных инициатив, реализация которых обеспечит решение многих дальневосточных проблем, в том числе проблем формирования дальневосточного социума и социальных общностей;
- создание в университете площадки для творчества на основе практического опыта, полученного при посещении мастер-классов по изготовлению национальных сувениров – выполненные талантливыми молодыми людьми экспонаты могут быть переданы в фонды музеев и выставочных площадок города и региона;
- формирование толерантности и межкультурной коммуникативной компетентности у молодежи университета, города и региона.

Дополнительным показателем успешности развития социокультурной инфраструктуры вуза на данном этапе может также выступать общественная признательность университета как площадки для коммуникации и развития межнационального диалога молодежи университета, города и региона.

Следующим направлением деятельности по развитию социокультурной среды вуза может быть реализация проекта «Город, в котором мы хотим прожить всю жизнь». Проект направлен на формирование у молодежи образа пространства города, в котором человек хотел бы прожить всю свою жизнь, а также на вовлечение молодежи в процесс сохранения исторической памяти, гражданско-патриотического воспитания посредством изучения конкретных подвигов своих земляков, в конечном итоге на личностное развитие студентов.

Цель реализуемого проекта – превращение университета в эффективную площадку коммуникации по проблемам сохранения памяти о социально-значимых событиях прошлых лет, исторических мест и памятников города Комсомольска-на-Амуре (подвиг первостроителей города, хетагуровское движение, подвиги комсомольчан в Великой Отечественной войне, увековечивание памяти подвигов героев-земляков).

В задачи реализации проекта, решение которых обеспечит развитие социокультурной инфраструктуры вуза, входят:

- исследование проблемы сохранения исторического облика города и ситуации с современным градостроительством в Комсомольске-на-Амуре;

- развитие деятельности учебно-исторического музея КнАГУ, цифровизация части фондов музея;

- преодоление разобщенности и повышение коммуникабельности молодежи, активизация ее духовно-нравственного и творческого потенциала посредством приобщения к историческому и культурному наследию города;

- сохранение мемориальных комплексов, посвященных событиям и участникам Великой Отечественной войны посредством вовлечения студенческой молодежи в постоянный и повсеместный мониторинг их состояния, а также привлечения студентов к их восстановлению и приведению в надлежащее состояние.

Основными результатами решения вышеперечисленных задач будут:

- расширение представительства ученых и активной студенческой молодежи университета в деятельности рабочих групп и общественных советов Администрации г. Комсомольска-на-Амуре по вопросам сохранения исторического и культурного наследия университета и города;

- создание студенческих проектных бюро реновации общественно-полезных пространств университетского кампуса и объектов городской инфраструктуры;

- создание на базе учебно-исторического музея университета молодежного клуба реконструкции исторических событий, связанных с гражданской идентичностью жителя Приамурья;

- вовлечение молодежи университета и города в эффективные практики коммуникации по проблемам личностного роста, реализации возможностей и молодежных инициатив, направленных на укрепление имиджа университета как социально ответственной организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наливайко, Т. Е. Формирование новой идентичности университета как центра позитивных изменений и инновационного развития города и региона (на примере Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета) / Т. Е. Наливайко, М. В. Шинкорук // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2017. – № III-2(31). – С. 19-21.

Шушарина Г. А.
G. A. Shusharina

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

TRANSLATION STRATEGIES WHEN TRANSLATING PUBLIC SPEECHES

Шушарина Галина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, д. 9, кв. 57. E-mail: Galinalmk@yandex.ru.

Ms. Galina A. Shusharina – PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Linguistics and Cross-culture Communication, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); Russia, city of Komsomolsk-on-Amur, 9 Lenin Pr., apt. 57. E-mail: Galinalmk@yandex.ru.

Аннотация. В предлагаемом исследовании с учетом сравнительно-сопоставительного анализа текстов публичного выступления на исходном и переводном языках подвергнуты изучению переводческие стратегии. Проведенный анализ показал, что при переводе публичного выступления использовались семантическая и риторическая стратегии. Материалом исследования послужил текст выступления Президента России на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» в 2017 г.

Summary. In the proposed study, taking into account comparative analysis of the texts of public speaking in the source and translated languages, the translation strategies are examined. The analysis showed that when translating a public speech, the semantic and rhetorical strategies were used. The text of the speech of the President of Russia at the meeting of the Valdai International Discussion Club in 2017 was used as a source of the examples for the research.

Ключевые слова: стратегия перевода, публичное выступление, риторический вопрос, воздействующая функция.

Key words: translation strategy, public speech, rhetorical question, impacting function.

УДК 81

В современной науке большое внимание уделяется проблемам перевода. Вместе с тем в переводоведении существует ряд нерешенных вопросов, связанных с тем, что способность к переводческой деятельности нельзя считать врожденной или инстинктивной. Для того чтобы анализировать переводческую деятельность, «нужно стремиться к осознанному пониманию ее механизмов» [1, 45]. Согласимся с мыслью И. В. Зубановой о том, что выявить механизмы и закономерности переводческой деятельности непросто. В связи с этим описание стратегии перевода отдельных жанров и стилей представляется актуальным.

Настоящая статья посвящена описанию стратегий при переводе текстов публичных выступлений на основе сравнительно-сопоставительного анализа текстов оригинала и перевода. Материалом исследования послужили тексты исходного и переводного языков выступления Президента России Владимира Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» в октябре 2017 г.

В научной литературе, посвященной переводческим аспектам, термин переводческая стратегия / стратегия перевода имеет несколько трактовок. Подробный анализ приведен в статье О. А. Теремковой «Переводческие стратегии как инструмент транслятологического анализа». Автор описывает как широкие, так и узкие трактовки данного термина [5].

В настоящей статье под стратегией будет пониматься «своеобразное переводческое мышление, которое лежит в основе действий переводчика» [2, 356]. При этом необходимо учитывать жанр и стиль текста, цель текста.

Л. В. Минаева выделяет следующие стратегии, используемые для перевода текстов публичных выступлений: семантическая стратегия, риторическая стратегия, манипулятивная стратегия. Из указанных стратегий для настоящего исследования особый интерес представляют первые две стратегии. Семантическая стратегия характерна для перевода информационных речей в условиях, когда коммуникатором и реципиентом сообщения является профессиональный индивидуальный или массовый носитель политического языка, а речь произносится в официальной ситуации. В этом случае основной задачей переводчика является максимально точная передача политического содержания текста на исходном языке средствами переводного языка. Риторическая же стратегия используется при переводе убеждающих речей, когда переводчик стремится сохранить их эмоциональный настрой путём перевода всех стилистических особенностей речи, используемых для оказания воздействия на аудиторию [3].

Выступление В. В. Путина точно соответствует канонам жанра публичных политических выступлений. Прежде всего, в выступлении неоднократно присутствует обращение к аудитории: «*Уважаемые коллеги*» [4]. Текст выступления содержит большое количество риторических вопросов, типичных для данного жанра, например, «*И возникает вопрос: а что мы будем делать, как к этому относиться?*» [4]. Речь Президента Российской Федерации наполнена синтаксическими выразительными средствами и приемами, в частности, параллельными конструкциями и повторами: «*Правда, когда этот баланс нарушается, когда под вопрос ставится соблюдение и даже само наличие общепринятых правил поведения, когда свои интересы продавливаются любой ценой, противоречия становятся непредсказуемыми и опасными, приводят к жёстким конфликтам*» [4]. Речь политика эмоциональная, выразительная, т.к. выполняет не только информативную, но и воздействующую функцию. Этому способствуют экспрессивные лексико-семантические единицы, например, «*ярчайший пример*», «*каких бы потрясающих вершин ни достигала техника*» [4].

Текст выступления на переводном языке подготовлен с использованием семантической и риторической стратегий.

Семантическая стратегия при переводе соблюдается в том смысле, что точно передано политическое содержание текста исходного языка. Так, адекватно передается информация обо всех упоминаемых В. Путиным исторических и современных политических событиях. В качестве примера используем отрывок на исходном языке: «*В 1990-х годах было заключено несколько знаковых двусторонних соглашений. Первое – 17 июня 1992 года, это программа Нанна – Лугара. И второе – 18 февраля 1993 года, программа «ВОУ-НОУ». Высокообогащённый уран переводился в низкообогащённый, поэтому «ВОУ-НОУ»*» [4]. В тексте на переводном языке эта информация передана следующим образом: «*Several landmark bilateral agreements were signed in the 1990s. The first one, the Nunn-Lugar programme, was signed on June 17, 1992. The second one, the HEU-LEU programme, was signed on February 18, 1993. Highly enriched uranium was converted into low-enriched uranium, hence HEU-LEU*» [6]. Сравнивая приведенные отрывки, можно отметить абсолютную эквивалентность и адекватность перевода тексту оригинала: отражены названия, даты, имена.

Риторическая стратегия перевода также нашла свое применение в переводе текста выступления Владимира Путина.

Так, в тексте перевода отражены все стилистические особенности речи (см. табл. 1), используемые в функции воздействия на аудиторию [4; 6].

Таким образом, анализ текстов выступления Президента России на пленарном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» в 2017 г. выявил использование двух переводческих стратегий, а именно семантической и риторической стратегий.

Таблица 1

Стилистические особенности речи

Стилистическая особенность	Исходный язык	Переводной язык
Риторический вопрос	Что делали наши американские партнёры?	What did our American partners do?
	Каким будет место человека в треугольнике «люди – техника – природа»? Как поведут себя государства, в которых из-за климатических и экологических изменений могут просто исчезнуть условия для нормальной жизни? Как при роботизации обеспечить занятость? Как будет трактоваться клятва Гиппократ в эпоху, когда врач будет обладать возможностями едва ли не всемогущего волшебника? Наконец, не утратит ли человеческий интеллект способность контролировать интеллект искусственный? И не станет ли искусственный интеллект самостоятельным субъектом, независимым от нас?	What place will people occupy in the «humans – machines – nature» triangle? What actions will be taken by states that fail to provide conditions for normal life due to changes in climate and environment? How will employment be maintained in the era of automation? How will the Hippocratic oath be interpreted once doctors possess capabilities akin to all-powerful wizards? And will human intelligence finally lose the ability to control artificial intelligence? Will artificial intelligence become a separate entity, independent from us?
	Что сделала Россия? Что делали наши американские партнёры? Вопрос возникает, как обычно: где деньги?	What did Russia do? What did our American partners do? As usual, a question arises: where is the money?
Параллельные конструкции	Правда, когда этот баланс нарушается, когда под вопрос ставится соблюдение и даже само наличие общепринятых правил поведения, когда свои интересы продавливаются любой ценой, противоречия становятся непредсказуемыми и опасными, приводят к жёстким конфликтам	True, when this balance is upset, when the observance and even existence of universal rules of conduct is questioned, when interests are pushed through at any cost, then disputes become unpredictable and dangerous and lead to violent conflicts
Степени сравнения прилагательных	Самым мощным обладателем этого вида оружия массового уничтожения	Largest holder of this form of weapon of mass destruction
	По самым актуальным вопросам глобальной политики	The most pressing global political
	Даже самые сложные узлы	The most complex knots
Использование наречий в функции усиления значения прилагательного	Очень аккуратно	But we have fortified ourselves with patience

ЛИТЕРАТУРА

1. Зубанова, И. В. Ке фер? Фер-то ке? О механизмах смысловых и структурных преобразований в процессе устного перевода / И. В. Зубанова // Журнал переводчиков «Мосты». – 2015. – № 2 (46). – С. 45-57.
2. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 2002. – 424 с.
3. Минаева, Л. В. Политическая публичная речь и переводческие стратегии [Электронный ресурс] / Л. В. Минаева // Язык. Культура. Речевое общение. – Режим доступа: http://www.dashkova.ru/sites/default/files/files_for_download/Razdel_Nauchnaya_deyatelnost/2013.1.pdf (дата обращения 20.10.2017).
4. Путин, В. В. Выступление на пленарном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс] / В. В. Путин. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55882> (дата обращения 20.10.2017).
5. Теремкова, О. А. Переводческие стратегии как инструмент транслятологического анализа / О. А. Теремкова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 2. – С. 177.
6. Putin, V. V. Meeting of the Valdai International Discussion Club [Электронный ресурс] / V. V. Putin. – Режим доступа: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/55882> (дата обращения 20.10.2017).

Лисина Л. А.
L. A. Lisina

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. С. ТУРГЕНЕВА

HISTORIOGRAPHIC ASPECT OF RESEARCHING I. S. TURGENEV'S WORKS

Лисина Лина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, 17. E-mail: lalisina@mail.ru.

Ms. Lina A. Lisina – PhD in Philology, Associate Professor, Russian Language and Literature Studies Department, the Amur Humanitarian and Pedagogical State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681000, Komsomolsk-on-Amur, 17, Kirov street. E-mail: lalisina@mail.ru.

Аннотация. Художественный текст выступает как лингвистический источник, поскольку отражает факты истории языка. Произведения И. С. Тургенева предоставляют исследователям важные с точки зрения источниковедения сведения для определения и уточнения семантики малоизвестных и непонятных слов.

Summary. The literary text acts as a linguistic source, because it reflects the facts of language history. From the point of view of historiography, the works of I. S. Turgenev give researchers important information to determine and clarify the semantics of obscure and incomprehensible words.

Ключевые слова: источниковедение, лингвистический источник, авторские глоссы, редкие слова, И. С. Тургенев.

Key words: historiography, the linguistic source, author's glosses, rare words, I. S. Turgenev.

УДК 81

На сегодняшний день источниковедение – это учение об источнике, которое имеет принципиальное значение для гуманитарного знания в целом. Ключевым моментом источниковедческой парадигмы является понятие источника как продукта целенаправленной человеческой деятельности, явления культуры.

Содержание источника интересует лингвиста главным образом с точки зрения употребления в нем тех или иных фактов языка. Лингвистический анализ текстов русской художественной литературы обыкновенно подчиняют задачам исследования современного русского языка в его литературном варианте и особенно изучению компонента последнего – языка художественной литературы. Такое использование художественных текстов как лингвистических источников вполне закономерно, но представляется неполным. Анализ текстов данного рода с точки зрения их значения для истории русского языка, и не только литературного, не получил заметного распространения. Между тем привлечение подобных текстов для выяснения и уточнения известного круга моментов и фактов истории языка не только желательно, но порой и необходимо, поскольку в отдельных случаях иные группы источников не дают искомых сведений [2].

Хотя современные художественные тексты дают по истории языка менее богатые и более поздние сведения, они заслуживают серьезного внимания исследователей. «В сравнении с ранними художественными текстами они обладают в лингвистическом плане и большей целостностью и в отношении многих элементов словаря более развитой контекстуальностью, что для оценки тех или иных лексических фактов в истории языка представляется довольно существенным» [5].

Лингвистические исследования художественных текстов, прежде всего касающиеся изучения лексики, нередко не имеют источниковедческой основы. Языковой материал анализируется без учета тех условий, обстоятельств, с которыми связано появление и функционирование текста. Совершенно прав А. А. Алексеев, полагая: «Создается впечатление, что методы исследования

лингвистического материала не находятся в полном согласии с состоянием источниковедческой базы истории русского языка» [1].

Методика источниковедческого анализа художественного произведения в каждом конкретном случае должна определяться разными факторами, обусловленными хронологическими, жанровыми характеристиками текста, связью с другими источниками и др.

Любое произведение художника слова является фактом истории языка, поскольку в каждом художественном тексте воплощается определенная ступень развития последнего и, прежде всего, его ответвления – языка художественной литературы. При таком подходе художественный текст выступает как лингвистический источник. Расширение круга источников имеет неоспоримую ценность для воссоздания полной картины состояния и развития словарного состава языка в определенные периоды его функционирования.

Подход к художественному тексту как лингвистическому источнику является немаловажным, поскольку, во-первых, помогает освоению «уходящей» словесной культуры; во-вторых, он необходим для преодоления, устранения любых лексических барьеров (к числу которых относятся и пласт устаревшей лексики) на пути текста от автора к читателю; в-третьих, такой подход – это и точка отсчета для новой лексической нормы, и предел сферы действия лексических норм прошлого.

Интересным, но в то же время сложным для интерпретации источником являются произведения И. С. Тургенева.

Ценным материалом для лексикографии в произведениях И. С. Тургенева служат *авторские глоссы* (комментарии, примечания автора).

Комментарии в текстах И. С. Тургенева – явление нечастое. Как правило, они сопровождают слова или заимствованные (*аффенталер, бонёрдюжур, бостон сампрандер, томбола, фосс-паркэ*), или «местные», диалектные (*площадя, головизна, мякенькое*).

В художественных произведениях писателя можно встретить пояснения, относящиеся к происхождению слова (– *Нигилист*, – *проговорил Николай Петрович, – это от латинского nihil, ничего, сколько я могу судить: стало быть, это слово означает человека, который ничего не признает?* «Отцы и дети», VIII, 215), его истории, употребительности, указания на ограниченную сферу бытования (*Бирюком называется в Орловской губернии человек одинокий и угрюмый*. «Бирюк», IV, 169).

Малопонятные слова чаще всего выделяются графически: курсивом, заключаются в кавычки (*Марианна, все еще красная, села; сел и Нежданов; сел Соломин <...> села, наконец, и Татьяна на «тычке», то есть на стоявшее стоймя толстое полено*. «Новь», XII, 219), скобки (*А Биндасов даже не поблагодарил Литвинова: потребовал стакан аффенталера (баденского красного вина) и ушел*. «Дым», IX, 210). Графические средства служат показателем «сторонности» того или иного слова общелитературному языку.

Авторские толкования в художественных произведениях И. С. Тургенева можно встретить как в самом тексте, так и в подстрочном комментарии. Например: – *У Сучка есть дощаник**, – *заметил Владимир, – да я не знаю, куда он его спрятал* (в сноске: *Плоская лодка, сколоченная из старых барочных лодок), «Льгов», IV, 82; – *Я бы тебя свёл, пожалуй, на ссечки** (в сноске: *Срубленное место в лесу), «Касьян с Красивой Мечи», IV, 119; <...> *я никогда не видывал более пронизательных и умных глаз, как его крошечные, лукавые «гляделки»** (в сноске: *Орловцы называют глаза гляделками так же, как рот едалом), «Певцы», IV, 235; *Кругом всё такие буераки, овраги, а в оврагах всё казюли** водятся (в сноске: *По-орловскому: змеи), «Бежин луг», IV, 102; *Однажды рьяный битюк** помчал его под гору к оврагу (в сноске: *Битюками, или с битюка, называются особенной породы лошади, которые развелись в Воронежской губернии, около известного «Хренового» (бывшего конного завода гр. Орловой)), «Одюдворец Овсяников», IV, 63.

Особый интерес с точки зрения истории языка представляют собой развёрнутые авторские глоссы: <...> *студенты приехали из Б. на коммерш*. *Может быть, не всякий знает, что такое коммерш*. *Это особенного рода торжественный пир, на который сходятся студенты одной земли, или братства (Landmannschaft)*. *Почти все участники в коммерше носят издавна уста-*

новленный костюм немецких студентов: венгерки, большие сапоги и маленькие шапочки с околышами известных цветов. Собираются студенты обыкновенно к обеду под председательством сениора, то есть старшины, – и пируют до утра, пьют, поют песни, *Landesvater*, *Gaudeamus*, курят, бранят филистеров, иногда они нанимают оркестр («Ася», VII, 74).

Проведённый нами источниковедческий анализ позволил установить, что глоссирование в художественных произведениях И. С. Тургенева осуществляется двумя способами: 1) от пояснения к непонятному слову и 2) от непонятого слова к пояснению.

При первом способе слова, требующие пояснения, включаются в контекст с помощью вводных конструкций и пояснительных конструкций с союзом «или»:

Молнии не прекращались ни на мгновение; была, что называется в народе, воробьиная ночь («Первая любовь», IX, 28).

Рядом с нею [пасекой – Л. Л.] стоял плетёный сарайчик, так называемый амшаник, куда ставят улья на зиму («Живые мощи», IV, 353).

Это был человек весьма обширный, или, говоря старинным словом, уцелевшим в наших краях, облый, с большим лицом, с большими глазами и губами («Два приятеля», VI, 51).

Второй способ – от непонятого слова к пояснению – является наиболее частотным.

Все приёмы глоссирования, встречающиеся в текстах И. С. Тургенева, можно разделить на синтаксические и лексические.

Синтаксические приёмы глоссирования

1. Использование пояснительных конструкций с союзами «или», «то есть»:

Елеонора Карповна в первой молодости отличалась, вероятно, тем, что французы неизвестно почему называют красотой дьявола, т.е. свежестью («Несчастливая», X, 79).

Но мудрец отвечал, что «хтошь е знает – вёрсты тутотка не меряные», и продолжал вполголоса бранить коренную за то, что она «головизной лягает», т.е. дёргает головой («Отцы и дети», VIII, 306).

<...> но Паклин немедленно их [Субочевых – Л. Л.] успокоил, представив им поочерёдно, с разными прибаутками, Нежданова, Соломина и Маркелова как людей смиренных и не «коронных». Фомушка и Фимушка особенно не жаловали коронных, то есть чиновных людей («Новь», XII, 131).

– Здесь есть мужичок, он страдает иктёром <...> – То есть желтухой? («Отцы и дети», VIII, 321).

<...> у нас прекрасно путешествовать, особенно по «мякенькому», то есть по грязи («Дым», IX, 320).

<...> этот достойный муж [поручик – Л. Л.] обходился с ним, как говорится, без чинов, т.е. ужасно грубо («Андрей Колосов», V, 18).

В начале августа жары часто стоят нестерпимые. В это время, от двенадцати до трёх часов, самый решительный и сосредоточенный человек не в состоянии охотиться и самая преданная собака начинает «чистить охотнику шпоры», то есть идёт за ним шагом («Малиновая вода», IV, 33).

Тот скакал так же быстро, но прыгал выше и дальше; этот шагом шёл вольнее, а рысью трясче и «хлябал» иногда подковами, т.е. стучал задней о переднюю («Конец Чертопханова», IV, 341).

А Вам я желаю работать, работать и ещё раз работать. Не дайте своему таланту ни заснуть, ни рассыпаться на мелочи, ни, говоря орловским словом, зачичкаться – т.е. до времени высохнуть (Письмо В. Н. Кашперову от 5 (17) января 1857 года).

2. Использование вставных конструкций:

Из крохотного «бонёрдюжура» – так называлось старинное бюро на маленьких кривых ножках с подъёмной крышей, которая входила в спинку бюро, – она достала миниатюрную акварель в бронзовой овальной рамке («Новь», XII, 133).

Обед был действительно недурен и, в качестве воскресного, не обошёлся без трепещущего желе и испанских ветров (пирожного) («Мой сосед Радиллов», IV, 56).

3. Использование вводных конструкций:

– *Вы, милостивый государь, – заговорил он, презрительно-небрежно, – состояли у почтенного Фёдора Фёдоровича в должности **потешного, так сказать, прислужника*** («Чертопханов и Недопюскин», IV, 307).

4. Использование конструкций с глаголами «зовётся», «называется», «означает»:

*Маркелов знал, что **курреем зовётся мохнатая кисть на казачьей или черкесской шапке*** («Новь», XII, 133).

5. Использование придаточных конструкций:

*С Неждановым он познакомился в греческой **кухмистерской, куда ходил обедать** и где выражал подчас весьма своеобразные и резкие мнения* («Новь», XII, 13).

6. Включение слова в однородный ряд с обобщающим словом:

*<...> играли в карты, но тоже всё в **старинные игры: в кребс, в ламуш, или даже в бостон сампрандер*** («Новь», XII, 130).

7. Установление аппликативных отношений между определяемым словом и приложением:

*Он теперь знал по опыту, как светские люди даже не бросают, а просто роняют человека, ставшего им ненужным: как перчатку после бала, как бумажку с конфетки, как не выигравший билет **лотереи-томболы*** («Рудин», VI, 335).

*Почти в уровень с ней [плотиной – Л. Л.] виднелась красная крыша небольшой **мельницы-колотовки*** («Затишье», VI, 88).

8. Использование вопросно-ответной формы:

– *Сперва точно был поваром, а то и в **кофишенки** попал <...> – Это что за должность такая? – А не знаю, батюшка. **При буфете состоял*** («Льгов», IV, 85).

– *Вы, стало, из тех, что **опроститься** хотят? <...> – Да, такое у нас теперь слово пошло. **С простым народом, значит, заодно быть*** («Новь», XII, 204).

Лексические приёмы глоссирования

9. Включение слова в синонимический ряд:

– *Я болтаю, потому что я горемыка, я нелюбимый, я **фокусник, артист, фигляр*** («Накануне», VIII, 30).

– *Дрянь! колпак! – завопил Биндасов. Вагоны катились всё шибче и шибче, и он мог безнаказанно ругаться. – **Скряга! слизняк! каплюжник!*** («Дым», IX, 317).

– *К чему, зачем эта грусть? – смутное, ноющее чувство? Коли ты **рефлектёр** и **меланхолик**, – снова шептали его губы, – какой же ты к чёрту революционер?* («Новь», XII, 121).

[Купец Голушкин – Л. Л.] *не увеличил отцовского состояния, ибо был, как говорится, **жэу-ир, эпикуреец на русский лад** – и никакой в торговых делах сообразительности не имел* («Новь», XII, 116).

*Мне попаласть какая-то **неторная, заросшая** дорожка; я отправился по ней, внимательно поглядывая вперед* («Бежин луг», IV, 94).

10. Употребление гипонимов:

*Сипягин и Каломейцев закурили **сигары**. Сипягин предложил было одну настоящую **регалию** Нежданову, но тот отказался* («Новь», XII, 53).

11. Употребление антонимов:

*Прошло около двух недель. Жизнь в Марьине текла своим порядком: **Аркадий сибаритствовал, Базаров работал*** («Отцы и дети», VIII, 237).

Среди слов с авторскими примечаниями в произведениях И. С. Тургенева встречаются редкие слова, не вошедшие в современные толковые словари русского языка, – *аффенталер, бонёр-дюжур, фосс-паркэ, кофишенк, кребс, ламуш* и др.

К числу редких слов, не учтенных словарями Р. П. Рогожниковой и В. П. Сомова в силу неполной обработки текстов произведений XIX в., относятся существительные *бель-ом* и *грансень-орство*: *За обедом Литвинову удалось сидеть возле осанистого **бель-ома** с нафабранными усами, который все молчал и только пыхтел и глаза тарашил* («Дым», IX, 223); *<...> один Павел Пет-*

рович похудел, что, впрочем, придавало еще больше изящества и **грансеньорства** его выразительным чертам («Отцы и дети», VIII, 338).

В словаре «Редких слов в произведениях авторов XIX в.» Р. П. Рогожниковой встречается слово *бель-фам* – «женщина высшего общества» [Рогожникова 2000, 48]: *Юбка вся собирается вокруг, как бывало в старину фижмы, даже сзади немножко накладывают ваты, чтобы была совершенная «бель-фам»* (Н. В. Гоголь «Мертвые души»). У В. С. Елистратова в лингвоэнциклопедическом словаре «Язык старой Москвы» *бель-фам* – «красивая, видная женщина» [3]. Проведенный нами сопоставительный анализ лексем *бель-ом* и *бель-фам*, а также контекстуальное окружение первой лексической единицы позволяют говорить о том, что в романе «Дым» речь идет о человеке высшего общества.

Французское слово *гран-сеньор* синонимично существительному *бель-фам*. Встречается в произведениях И. А. Гончарова и др.: *Это один из тех проидох, что приезжают сюда <...> и потом делаются **гран-сеньорами*** (И. А. Гончаров «Обрыв»). Слово *гран-сеньор* зафиксировано в словаре Р.П. Рогожниковой [6], в то время как лексическая единица *грансеньорство* в словаре не учтена.

К числу редких слов, нуждающихся в лингвоисторическом комментировании, относится слово *реак*: *С людьми высшего полета, с «реакками», как он выражался, он был крут и даже груб* («Новь», XII, 76).

Выражение *люди высшего полета* соотносится с устойчивым оборотом речи *птица высокого полета*. Следовательно, в романе И. С. Тургенева речь идет о человеке, занимающем высокое положение, то есть о представителе высшего общества.

В силу устарелости и редкого употребления в языке нуждаются в комментариях слова *жидомор* и *каплюжник*: – *Что же, вы думаете, мне отвечал **жидомор**? Я, говорит, твои долги изволь, заплачу. До двадцати рублей включительно!* («Несчастливая», X, 97); – *Дрянь! колпак! – завопил Биндасов. Вагоны катились все шибче и шибче, и он мог безнаказанно ругаться. – Скрыга! слизняк! **каплюжник!*** («Дым», IX, 317).

В «Словаре редких и забытых слов» В. П. Сомова *каплюжником* называется крохобор, корыстный человек [8]. Толкование слова *жидомор* в словарях отсутствует. Несмотря на отсутствие лексической единицы *жидомор* в толковых словарях и словарях редких слов, можно утверждать, что существительные входят в один синонимический ряд, доминантой которого выступает лексема «скрыга».

Интересны с точки зрения лингвоисторического комментирования редкие слова, относящиеся к бытовой лексике. Редкое слово *дульетка* обозначало понятие, считавшееся деталью дворянского быта, ориентированного на европейские образцы: – *А придешь, увидишь эти большие унылые комнаты, эти пестрые штофные мебели, этого приветливого и бездушного старика в шелковой «дульетке» нараспашку, в белом жабо и белом галстухе, с манжетками на пальцах* («Несчастливая», X, 109). Дульетка представляла собой домашнюю распашную одежду на вате, как правило, крытую шелком, не выходила из обихода до середины XIX в. [3].

В романе «Дым» встречается редкое слово *шине*: *<...> за ним вошла княгиня в шелковом платье **шине*** [IX, 189].

Из словаря В. С. Елистратова мы узнаем о том, что *шине* – ткань, орнамент которой создается предварительным нанесением рисунка на основу до переплетения с утком. В готовой ткани появляется характерная размытость контура изображения. Этот прием издавна известен был на Востоке и широко применялся в так называемых амбровых тканях. «Амбровыми» такие ткани назывались потому, что основной орнаментальный мотив представлял собой амбр – облако в виде ромба с прерывистыми или ступенчатыми гранями. Ткани типа «шине» для европейской части страны были с разнообразными цветочными орнаментами [3]. Упоминается А. Н. Островским: в гардеробе Олимпиады Самсоновны («Свои люди – сочтемся») два *шинероялевых* платья.

Не вошли в современные толковые словари русского языка, хотя широко употреблялись писателями-классиками второй половины XIX в., цветообозначения *аделаида* и *дикий цвет*.

Аделаида – цвет, близкий к пурпурному, вероятно приближающийся к фиолетовому или синему: *Одет он был в старенький изорванный стюртук цвета аделаида* («Контора», IV, 160).

Дикий цвет – цветообозначение, предполагающее естественный цвет пряжи, не подвергнутой обработке – отбеливанию или окраске; серый цвет: *А Павел Петрович вернулся в свой изящный кабинет, оклеенный по стенам красивыми обоями дикого цвета* («Отцы и дети», VIII, 233).

Р. М. Кирсанова указывает, что обычно данное определение относилось ко льну и пряже из него, но нередко употреблялось и шире – в отношении к другим тканям [4].

Следует отметить, что при рассмотрении редких слов в литературных произведениях XIX в. необходимо учитывать их фиксацию в более ранних словарях, а также возможность развития у них других значений как в современном русском языке, так и в языке XIX в. Например, слово *куролеска* в словаре XIX в. наряду с переносным значением «место заключения, тюрьма» (– *Эх, голубчики мои! Берете вы на себя тяготу не в моготу! Таких-то, как вас, пристава царские охочи в куролеску сажать!* Новь, XII, 213) употреблялось в своем основном значении – «невысокий ящик, обтянутый сверху и снизу холстом, предназначенный для содержания только что пойманного соловья» [6]: *На этом честолобивые попытки соловья покончились. Живо запрятали его в куролеску и продали в Зарядье, в трактир «Расставанье друзей»* (М. Е. Салтыков-Щедрин «Орел-меценат»).

Итак, тексты И. С. Тургенева – ценный лингвистический источник, который предоставляет исследователю довольно широкие возможности для определения и уточнения семантики малоизвестных и непонятных слов. Обращение к контексту произведения, изучение приёмов глоссирования необходимы в первую очередь в тех случаях, когда встречается слово, не включённое в словарь. Не учтённые в словарях слова из классических произведений русской литературы XIX в. служат некоторым резервом, из которого может черпаться лексика для новых изданий толковых словарей русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, М. П. Текстологические особенности издания И. С. Тургенева / М. П. Алексеев // Текстология славянских литератур. Доклады конференции. Ленинград, 25 – 30 мая 1971 года / под общ. ред. Д. С. Лихачева [и др.] – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1973. – С. 3-23.
2. Алексеев, А. А. Цели и методы текстологического исследования лингвистических источников XI – XVII вв. / А. А. Алексеев // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. – М.: Наука, 1988. – С. 188-208.
3. Елистратов, В. С. Язык старой Москвы: лингвоэнциклопедический словарь: около 7000 слов и выражений / В. С. Елистратов. – 2-е изд., испр. – М.: АСТ: Астрель: Русские словари: Транзиткнига, 2004. – 795 с.
4. Кирсанова, Р. М. Костюм в русской художественной культуре 18 – первой половины 20 вв.: опыт энциклопедии / Р. М. Кирсанова; под. ред. Т. Г. Морозовой, В. Д. Синюкова. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. – 383 с.
5. Котков, С. И. Современный художественный текст и история языка / С. И. Котков // Исследования источников по истории русского языка и письменности. Сборник статей / под общ. ред. А. П. Жуковской и Н. И. Тарабасовой. – М.: Наука, 1966. – С. 5-24.
6. Редкие слова в произведениях авторов XIX века: словарь-справочник: около 3500 единиц / сост. Р. П. Рогожникова, К. А. Логинова, С. А. Пономаренко [и др.]; отв. ред. Р. П. Рогожникова. – 2-е изд., стер. – М.: Русские словари: Астрель, 2000. – 576 с.
7. Рогожникова, Р. П. Редкие слова в произведениях авторов XIX века / Р. П. Рогожникова // Вопросы языкознания. – 1982. – № 1. – С. 78-86.
8. Сомов, В. П. Словарь редких и забытых слов / В. П. Сомов. – М.: Астрель: АСТ, 2002. – 605 с.
9. Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем / Российская Академия наук СССР. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960 – 1968. – 28 т.

Юдина В. И.
V. I. Yudina

МУЗЫКАЛЬНАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАУЧНОЙ СФЕРЫ

MUSICAL DIALECTOLOGY. THEORETICAL AND HISTORICAL ASPECTS OF DEFINITION OF THE SCIENTIFIC SPHERE

Юдина Вера Ивановна – доктор культурологии, профессор кафедры теории и истории музыки ФГБОУ ВО «Орловский государственный институт культуры» (Россия, Орёл). E mail: udina@orel.ru.

Ms.Vera I. Yudina – Doctor of Cultural Studies, Professor, Department of Theory and History of Music, Oryol State Institute of Culture (Russia, Oryol). E mail: udina@orel.ru.

Аннотация. В статье предпринята попытка определить некоторые параметры музыкальной диалектологии как научной области, исследующей территориальные разновидности музыкального языка. На основе сопоставления с общим языкознанием выявляются теоретические параметры данной научной сферы (области исследования, понятийного аппарата, методологии и аналитических методов). Дан экскурс в историю музыкальной диалектологии, определяется характер ее разработанности на данный момент.

Summary. The article attempts to define some of the parameters of musical dialectology as a scientific field that explores the territorial variety of the musical language. Based on comparison with General theoretical linguistics the author identifies the parameters of the given scientific sphere (the sphere of research, terminology, methodology and analytical methods). The author gives the insight into the history of musical dialects, and determines the character of its development at the moment.

Ключевые слова: музыкальный диалект, диалектология, фольклористика, региональный вариант, фольклорная зона, этномузыкознание, ареальные исследования, жанровый комплекс.

Key words: musical dialect, dialectology, folklore studies, regional variant, a folklore area, etnomusicology, areal researches, genre complex.

УДК 130.2+398

Понятие «музыкальный диалект» – одно из самых распространенных в современном этномузыкознании. При этом научно-теоретическая наполненность данной категории до сих пор остается недостаточно определенной, особенно в сравнении с имеющимися в общем языкознании категориями «говор», «наречие». В музыкальной фольклористике довольно часто все эти дефиниции используются как синонимы, определяющие, «во-первых, совокупность местных территориально-стилистических разновидностей общенационального фольклора и, во-вторых, наличие определенных песенных типов и явлений, неизвестных за пределами распространения данного музыкального диалекта» [3, 75].

Представляется, что данная система категорий требует научного анализа, который мог бы составить один из важных теоретических аспектов музыкальной диалектологии. Парадокс, однако, заключается в том, что музыкальной диалектологии как отдельной научной области не существует. Сошлемся на позицию молдавского музыковеда Г. В. Кочаровой, которая, рассматривая вопросы отбора этнически-характерных музыкальных явлений в контексте проблем культурогенеза в музыке, отметила: «На современном этапе выявляется и насущная потребность их объяснения с позиций музыкальной диалектологии – области науки, покуда столь же не разработанной, сколь даже не сформулированной в своем предмете. В то же время в контексте всеобщей глобализации и, как следствие, активизировавшихся сегодня на ее фоне национально-дифференцирующих тенденций данное направление может стать весьма важным и перспективным» [10].

Транслируя имеющееся в общем языкознании определение диалектологии (В. М. Жирмунский, М. Я. Немировский, Р. И. Аванесов, О. С. Блинова, С. К. Пожарицкая), можно представить музыкальную диалектологию как научную область, исследующую территориальные разновидности музыкального языка в их синхронном состоянии и исторической эволюции. Для характеристики ее теоретических параметров, не претендуя на исчерпывающий перечень, отметим необходимость определения: а) сферы действия научной области, коей является по преимуществу музыкальная культура фольклорной традиции (не только отечественная, но, по крайней мере, славянских народов, учитывающая хотя и небогатый, но имеющийся опыт сравнительного музыкального славяноведения [4]), б) понятийного аппарата, системообразующее значение в котором принадлежит категории музыкального диалекта, требующего, как нами замечено ранее, всестороннего анализа, в) методологии и принципов анализа – общих (системный, структурный, культурно-исторический, сравнительно-сопоставительный и др.) и специальных (картографический, морфологический, музыкально-стилистический и др.) и т.д.

Вместе с тем уже сейчас можно представить основные вехи становления отечественной музыкальной диалектологии, корнями уходящей в XVIII в. Именно в вышедшем в 1776 г. «Собрании русских простых песен с нотами» певца и композитора В. Ф. Трутовского было впервые отмечено: «Что же касается до голосов, то я, прислушиваясь от многих, нашел, что везде поют разными манерами» [17, 37].

Эта идея региональной диалектности народной песни получила развитие в классических трудах русских фольклористов XIX в., опирающихся на широкий эмпирический материал из разных областей России. Одним из первых этнограф и археолог И. П. Сахаров в своем двухтомном собрании «Песни русского народа» (1838 – 1839) выделил географический фактор возникновения песенных вариантов: «Каждый город, каждая деревня имеют свои напевы <...> возникает необходимость различия народного песнопения по областям» [15, СХІІ]. Одновременно с этим фольклорист и писатель П. В. Киреевский обозначил проблему фиксации территориальной принадлежности записанного текстового варианта в процессе паспортизации песенного первоисточника. Методика его работы, однако, была сосредоточена по преимуществу на «выработке» общего инварианта из нескольких записанных песенных версий. «Известно, что Киреевский создавал так называемый сводный текст, выбирая из имеющихся вариантов один в качестве основного и дополняя его отдельными строчками или отдельными словосочетаниями из других вариантов, обязательно оговаривая при этом каждое изменение и указывая его источник» [1, 338].

Вскоре и отечественная музыкально-критическая мысль середины – второй половины XIX в. пришла к необходимости практической фиксации всех доступных вариантов напева народной песни с целью определения общего «прототипа» (В. Ф. Одоевский, А. С. Фаминцын, П. П. Сокальский). Задача сравнительного анализа музыкальных диалектов впервые прозвучала в 1850-х гг. в Песенном собрании фольклориста, гитариста и композитора М. А. Стаховича: «каждая песня является органической частью целого отдела музыкально сродственных песен. <...> для полного уразумения темы необходимо видеть ее место в целой системе вариантов» [16, 17 – 18].

В целом на тот момент практическая задача фиксации «уходящего», а в некоторых случаях реликтового песенного материала (например, северорусской традиции былинного сказа и причета) в многообразии его вариантов превалировала над научно-критическим осмыслением его диалектности. Показательно «определение» песенного варианта, относящееся к середине XIX в., данное этнографом, членом-корреспондентом Воронежской статистической комиссии А. Кремером: вариант – это «то же, да не так» [11].

Новый этап становления музыкальной диалектологии начинается в конце XIX в. в связи с активизацией работы по собиранию и изучению регионального фольклора: разворачивается целенаправленная деятельность Песенной комиссии Русского географического общества и Музыкально-этнографической комиссии при Этнографическом отделе Московского университета, вызвавшая появление песенных собраний Севера, Сибири, Центральной России (классические работы Ф. М. Истомина, Г. О. Дютша, С. М. Ляпунова, Е. Э. Линевой, А. Д. Григорьева и др.). В конце 1880-х гг. появляются два нотных собрания, в которых проблема региональной вариантности рус-

ского музыкального фольклора отразилась в полной мере, хотя и в качественно различном ракурсе. Сборник «Крестьянские песни, записанные в селе Николаевка Мензелинского уезда Уфимской губернии» (СПб., 1888) включал региональный фольклор одного локуса – песни различных жанров (календарные, протяжные, свадебные и др.), записанные по оригинальной методике выведения единого хорового типа из множества индивидуальных исполнительских вариантов. Его автор фольклорист, собиратель народных песен Н. Е. Пальчиков, по сути, адаптировал традиционный подход П. В. Киреевского к нотным текстам.

«Сборник русских народных лирических песен» Н. М. Лопатина и В. П. Прокунина (ч. 1-2, М., 1889) представлял собой первый специальный, как гласил подзаголовок работы, «опыт систематического свода лирических песен с объяснением вариантов со стороны бытового и художественного их содержания». В предисловии к изданию определялись основания песенной многовариантности (особо подчеркнем их этнографический и культурно-исторический характер) и методика ее изучения. «Лирические песни составляют богатый и обширный отдел песенной поэзии русского народа: в них выражались и до сих пор выражаются лирические чувства русского народа в самых разнообразных условиях его быта за всю его историческую жизнь, в силу чего и получили они неисчерпаемое многообразие текстов и напевов и разнообразие их вариантов. <...> Сличение вариантов – первое основание к критическому изучению песен: оно раскрывает их историю, указывает пути к изучению песенной речи в связи с напевом и тех самобытных законов, которые руководят народом в создании песен и в исполнении их. Не менее важно уяснение и тех сторон народного быта, которые получили свое выражение в известной песне или послужили причиной и основанием к ее возникновению; без этого народная песня часто непонятна и как бы лишается всей полноты своего художественного содержания» [14, 37 – 38].

К концу XIX в. своеобразным научно-теоретическим итогом более чем векового развития идеи многовариантности русской песни стала публикация в Петербургском журнале «Баян» статьи члена Русского географического общества, фольклориста В. А. Мошкова «Некоторые провинциальные особенности в русском народном пении» [13, 36]. Опираясь на значительную эмпирическую базу, накопленную к тому времени отечественной фольклористикой и этнографией, автор основывался на традиционной методологии «выведения» типового песенного инварианта, вбирающего в себя характерные и наиболее распространенные особенности всех записанных мелодий. Путем сопоставления отдельных сторон музыкальной стилистики (особенностей многоголосия, исполнительских приемов) песен, «собранных в самых отдаленных концах России», он пытался выявить «сущность» напевов, своего рода их общенациональный инвариант.

Одна из заслуг В. Мошкова заключалась в появлении в его работе термина «музыкальных говоров России», который акцентировал значимость географического фактора появления песенных вариантов. Однако его смысловое наполнение имело скорее художественно-публицистический, нежели собственно теоретический характер. Думается, что это произошло не только вследствие недостаточной исследовательской базы, но также в силу доминирующих общественных установок. Задача музыкальной фольклористики этого периода заключалась в определении своеобразия национальной музыкальной системы в сравнении с другими, преимущественно западноевропейской музыкой, на фоне которой она представляла собой единый художественный организм.

Эта концепция общерусского единства музыкального фольклора продолжала занимать доминирующие позиции вплоть до середины XX в. Даже в знаменитом пятитомном собрании А. М. Листопадова «Песни донских казаков» (М., 1949 – 1954), исследующем южнорусскую эпическую традицию, по мысли советского композитора и фольклориста Б. М. Добровольского, были «уничтожены локальные особенности мелоса в угоду предвзятой концепции “общерусскости”» [5, 146].

Однако идея региональных «музыкальных говоров России» продолжала развиваться параллельно общей установке (работы Е. Э. Линевой, Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд). В 1920 – 1930 гг. Е. В. Гиппиус провозгласил задачу планомерного ареального исследования традиционной русской песни [2], а К. В. Квитка разрабатывал идеи, которые к 1970 – 1980-м гг. получили очертания мелогеографии, музыкальной диалектологии, мелокартографирования [9]. Именно тогда определе-

ние музыкального диалекта получает ярко выраженную географическую направленность (см. упомянутое выше определение В. Л. Гошовского), доминирующим становится метод картографирования, способный наиболее полно раскрыть генезис и типологию рассматриваемых фольклорных артефактов. «Задача состоит в том, чтобы широкие круги фольклористов сосредоточили свое внимание на изучении различных песенных типов своего национального фольклора, <...> составили каталог исследуемых типов, музыкально-диалектные и типологические карты. Результаты сравнительного (качественного и количественного) анализа мелодических вариантов с привлечением статистических, географических и исторических данных нужно публиковать» [4, 261 – 262].

Однако и на сегодняшний день проблема создания диалектологии русской музыки устной традиции остается актуальной несмотря на широко развернувшиеся во второй половине XX в. ареальные исследования. «Можно сказать, что окончательное признание отсутствия единой системы русского фольклора – будь то жанровая система, ладовая, ритмическая, тембральная или фактурная, – только сейчас, да и то с боями, становится если не аксиомой, то по крайней мере самой фундаментальной рабочей гипотезой современного русского этномузыкознания. В этом русле находятся все последние достижения и буквально открытия отечественной науки, связанные с целенаправленным обследованием русских этнических территорий и с первыми серьезными опытами картографирования добытых в поле и аналитически обработанных сведений. Очевидно, что если современное русское этномузыкознание еще и не вполне научилось, но упорно учится переходить от романтического и, скажем, идейно-политического общерусского единства (критическим испытанием которого явился произошедший на наших глазах распад бывшей Российской империи) к реальному богатству конкретных локальных традиций ...» [8, 298 – 299].

Действительно, в современном отечественном этномузыкознании отчетливо прослеживается солидарное с другими отраслями отечественной фольклористики понимание народного творчества не как единого целого, а как региональной/локальной системы, опирающейся на «классику» отечественной фольклористики (В. М. Жирмунский, Н. И. Толстой, К. В. Чистов, С. П. Праведников и др.). Анализируются теоретические и прикладные аспекты локальных традиций русского музыкального фольклора (В. Лапин, В. М. Щуров и др.). В частности, диалектная специфика различных местных традиций определяется как «совокупность условий бытования, черт стиля и приемов исполнения, придающих своеобразие и характерные отличительные свойства музыкальному фольклору определенного народа в одной ограниченной местности» [19, 27].

Сегодня понятие фольклорного диалекта все чаще рассматривается в широком культурологическом контексте, объединяя языковые, этнографические, собственно музыкально-стилистические характеристики музыкального фольклора [20]. В этом ракурсе эвристическую ценность имеет жанровый анализ музыкально-диалектологического комплекса.

Общеизвестно, что для различных регионов России характерны различные этнографические особенности, определяющие специфику региональных музыкальных традиций. В связи с различным хозяйственным и бытовым укладом в удаленных друг от друга краях складывалась неодинаковые системы жанров фольклора. Так, в земледельческих районах важную роль всегда играли песни, связанные с крестьянским календарем, а на Севере отсутствие развитого земледелия не сформировало календарно-обрядовой системы фольклора. Здесь преобладали сказительные эпические традиции, которые поддерживались обычаями своего края. Талантливые сказители ценились очень высоко: рыбацкая артель, уходя на промысел, старалась заполучить с собой «старинщика» за равный пай. Северный день был короток, наступавший долгий вечер вынужденного досуга мог украсить талантливый сказитель [18].

Изначально «северянин, будучи удален от центра русской государственной жизни, с заселением нового края продолжал жить прежнюю жизнью, перенеся туда свои обычаи, песни, и в последних продолжал идеализировать своих прежних героев, передавая свои песни от поколения к поколению» [12, 293]. Этим определяется долгая сохранность северной традиции индивидуального исполнительства северных старин, достигшая кульминации в творчестве мастеров северного былинного сказа конца XIX – начала XX вв. – Т. Г. Рябилина, В. П. Щеголенка, М. Д. Кривополевой, А. М. Крюковой, И. А. Федосовой. Некоторые из них представляли семейные династии

сказителей (Рябининых, Крюковых), так как умение сказывать былины было не только результатом особой одаренности (мастерства музыкально-поэтической импровизации, певческого голоса, огромного запаса памяти), но и специальной выучки, «школы», передаваемой родителями детям.

Напротив, развитое земледелие на территории раннего славянского заселения (южнорусская зона) определило доминирование календарных обрядов с соответствующим музыкальным сопровождением как таковых, а также их влияние и на бытовую обрядность. Известно, какую важную роль в южнорусской свадьбе играет маркированность всех действий, связанных с хлебом (караваем, калачом) как символом преобразования природного в культурное. Этим же обусловлена и типологическая близость южнорусских свадебных песен и календарных напевов [6, 200].

Яркий пример региональных отличий в рамках одного жанрового типа русского фольклора – это песни свадебного цикла: сошлемся на хрестоматийную типологию свадебного обряда – севернорусского и южнорусского, или свадьбу-похороны и свадьбу-веселье, различие которых определяется этнографически закрепленным за определенной территорией характером обряда [7, 8].

В целом обозначенные ракурсы музыкальной диалектологии имеют не только собственно историческую и теоретическую значимость. Представляется, что они могут послужить основой прикладных исследований, связанных как с изучением локальных фольклорных зон, так и с практической краеведческой работой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власова, З. И. Коллекция лирических песен в собрании П. В. Киреевского / З. И. Власова // Русский фольклор: материалы и исследования. Т. VII. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 328-342.
2. Гиппиус, Е. В. Проблемы ареального исследования традиционной русской песни в областях украинского и белорусского пограничья / Е. В. Гиппиус // Традиционное народное музыкальное искусство и современность (вопросы типологии) (Труды ГМПИ им. Гнесиных. Вып. 60) / отв. ред. М. А. Енговатова. – М., 1982. – С. 5-13.
3. Гошовский, В. Л. Фольклор и кибернетика / В. Л. Гошовский // Советская музыка. – 1964. – № 11. – С. 74-83.
4. Гошовский, В. Л. У истоков народной музыки славян: очерки по музыкальному славяноведению / В. Л. Гошовский. – М.: Советский композитор, 1971. – 304 с.
5. Добровольский, Б. М. Заметки о методике текстологической работы с записями народной песни / Б. М. Добровольский // Принципы текстологического изучения фольклора: сб. ст. / отв. ред. Б. Н. Путилов. – М.; Л.: Наука, 1966. – С. 138-154.
6. Дорохова, Е. А. Обряды и песни жизненного цикла / Е. А. Дорохова // Народное музыкальное творчество: учеб. / отв. ред. О. А. Пашина. – СПб.: Композитор, 2005. – С. 169-247.
7. Ефименкова, Б. Б. К типологии свадебных ритуалов восточных славян / Б. Б. Ефименкова // Музыка русской свадьбы: проблемы регионального исследования: тезисы докладов науч.-практ. конф. (Смоленск). – М., 1987. – С. 8-15.
8. Земцовский, И. Этномузыковедческие заметки об этнической традиции / И. Земцовский // Фольклор и народная культура. In memoriam / Б. Н. Путилов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. – С. 292-313.
9. Квитка, К. В. Об историческом значении календарных песен / К. В. Квитка // Избранные труды в двух томах. Т. 1. – М.: Советский композитор, 1971. – С. 73-102.
10. Кочарова, Г. Проявления национального стиля в музыке в аспекте проблемы культурного этногенеза и музыкальной этнологии [Электронный ресурс] / Г. Кочарова // Музыкальная наука на постсоветском пространстве: материалы Междунар. интернет-конференции. – Режим доступа: <http://2010.gnesinstudy.ru/wp-content/uploads/2010/03/Kocharova.pdf>.
11. Кремер, А. И. Песни Воронежской губернии / А. И. Кремер // Воронежские губернские ведомости. – 1852. – № 34.
12. Маслов, А. Л. Былины, их происхождение, ритмический и мелодический склад / А. Л. Маслов // Русская мысль о музыкальном фольклоре: материалы и документы / сост. П. А. Вульфуса. – М., 1979. – С. 292-313.
13. Мошков, В. А. Некоторые провинциальные особенности в русском народном пении / В. А. Мошков // Баян. – 1890. – № 4. – С. 49-53.
14. Русские народные лирические песни. Опыт систематического свода лирических песен с объяснением вариантов со стороны бытового и художественного их содержания Н. М. Лопатина, с положением песен

- для голоса с фортепиано В. П. Прокунина и с приложением полной расстановки слов некоторых вариантов по их напеву / под ред. В. Беляева. – М.: Гос. муз. изд-во, 1956. – 458 с.
15. Сахаров, И. Песни русского народа / И. Сахаров. – М., 1838.
16. Стахович, М. А. Русские народные песни. Предисловие к III тетради / М. А. Стахович; предисл., ред. и прим. Н. Владыкиной-Бачинской. – М.: Музыка, 1964. – 74 с.
17. Трутовский, В. Собрание русских простых песен с нотами / В. Трутовский; под ред. В. А. Беляева. – М.: Гос. муз. изд-во, 1953. – 184 с.
18. Чичеров, В. И. Школы сказителей Заонежья / В. И. Чичеров. – М.: Наука, 1982. – 197 с.
19. Щуров, В. О региональных традициях в русском народном музыкальном творчестве / В. Щуров // Музыкальная фольклористика. Вып. 3. – М.: Советский композитор, 1986. – С. 11-47.
20. Юдина, В. И. Проблема локальности музыкального фольклора в культурологическом ракурсе / В. И. Юдина // Самарский научный вестник. – 2014. – № 4 (9). – С. 149-150.

Крыжановская Я. С.
Ya. S. Kryzhanovskaya

ПРОБЛЕМА ИГРЫ И ИГРОВОГО ПРОСТРАНСТВА НА МЕДВЕЖЬЕМ ПРАЗДНИКЕ АМУРСКИХ ЭТНОСОВ

GAME AND GAME SPACE PROBLEM AT BEAR FESTIVAL OF THE AMUR ETHNIC GROUPS

Крыжановская Яна Станиславовна – кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112; тел.: +79141526510. E-mail: krijanowsckaia.yana2012@yandex.ru.

Mrs. Yana S. Kryzhanovskaya – PhD in Culture Studies., Associate Professor, Head of culture studies and Museology Department. Khabarovsk State Institute of Culture. 112 Krasnorechenskayia str., Khabarovsk, 680045, Russia; tel.: +79141526510. E-mail: krijanowsckaia.yana2012@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена медвежьему празднику амуро-сахалинского типа, проводимому этносами юга Дальнего Востока по поводу выращенного медведя. Праздник рассматривается как явление не только обрядовой, но и зрелищно-игровой культуры.

Summary. The article is devoted to the bear festival of the Amur-Sakhalin type conducted by the ethnic groups of the southern Far East concerning grown bear. The holiday is regarded as a not only ritual phenomenon, but also as entertainment and gaming culture.

Ключевые слова: Амуро-Сахалинский регион, медвежий праздник, обрядовое зрелище, предтеатр, фольклорный театр, этнос.

Key words: Amur-Sakhalin Region, bear festival, ethnos, ceremonial performance, pre-theatre, folk theatre.

УДК 398

Медвежий праздник в культуре этносов юга Дальнего Востока России на протяжении 200 лет традиционно привлекает внимание исследователей. Однако при выраженном историко-этнографическом интересе амуро-сахалинский праздник медведя никогда последовательно не рассматривался в зрелищно-игровом ракурсе, в качестве праформы фольклорного театра. Более того, некоторые ученые отвергали существование в регионе любых акций, «хотя бы отдаленно напоминающих народное сценическое искусство» [10, 184]. Между тем исследования, проводимые этнографами и фольклористами, подтверждают, что наследие этносов содержит не только развитые формы театров устной традиции, кукольных и драматических представлений, но и формы фольклора, лишь допускающие их возможную театрализацию. Сочетание и трансформация зрелищно-игровых форм образует в конечном итоге то явление, которое и может быть определено дефиницией «фольклорный театр». Цель настоящего обращения к теме – рассмотреть медвежий праздник амурских этносов как явление не только ритуально-обрядовой, но и художественно-эстетической культуры, выявить в нем игровые элементы в области языка и форм выражения.

На юге российского Дальнего Востока медвежий праздник бытовал в двух вариантах: общесибирском, проводимом после каждого случая добычи зверя на охоте, и специфически амурском, устраиваемом по поводу выращенного медвежонка. Амуро-сахалинский вариант был представлен у нивхов, орочей, уйльта, ульчей и айнов. Для его проведения вылавливали либо покупали медвежонка, кормили его от двух до пяти лет и устраивали праздник. Медведя, «гостившего» у людей, угощали, развлекали и с подарками «отпускали» к сородичам – горным людям. По мнению Б. А. Васильева, этот вариант был привнесен в амурскую культуру айнами от южных народов [3,

98-99]. Однако Ч. М. Таксами вслед за Б. О. Пилсудским настаивал на архаичности нивхского медвежьего праздника [17].

В сравнении с первым, спорадическим, вариантом медвежьего праздника периодический более продолжителен и мог длиться от семи дней до месяца. При этом, как отмечает А. М. Золотарев, у ульчей длительность праздника в течение 8, 11 и 13 дней считалась неподходящей [5, 108]. Окончание праздника зависело от продолжительности собачьих гонок и других соревнований, располагающихся на периферии обряда, ритуальная же часть оставалась неизменной. Большая протяженность периодического праздника во времени, особая к нему подготовка способствовали тому, что зрелищно-игровое начало здесь было представлено более последовательно и развернуто, чем в празднике, проводимом по поводу убитого на охоте медведя.

Проведение подобных акции всегда происходило в присутствии большого количества участников и зрителей, поэтому готовиться к ним начинали заранее. П. Я. Гонтмахер на основе экспедиционных наблюдений предположил, что перед началом праздников нивхи, орочи и другие этносы региона устраивали домашние репетиции [16, 22-23]. В рамках «семейного фольклорного театра» элементы художественной части праздника доводились до совершенства, прежде чем быть вынесенными на публику. Тренировочные игры, связанные с медвежьим праздником (*йоманте*), существовали у айнов Сахалина: дети из угля изготавливали маленького медведя, помещали его «голову» на цветы, а затем пели и плясали вокруг, подражая взрослым. Так они готовились к участию в настоящих церемониях [14, 108]. А. М. Золотарев также упоминает, что у ульчей проведению зимних «больших» медвежьих праздников могли предшествовать *зугзундэ* – «малые» праздники в качестве репетиции [5, 195].

Другое отличие этого варианта (также указывающее на усиление зрелищных элементов) связано с наличием специальной площадки, где и происходили главные события. Не случайно М. Г. Тэмина, анализируя медвежий праздник нивхов, в числе его ключевых атрибутов наряду с музыкальным бревном и амбаром для хранения черепов называет комплекс ритуальной площадки [18, 20]. Однако в реальности мест, с которыми связано проведение различных эпизодов праздника, было несколько. В этой связи нельзя не отметить, что в обрядовых зрелищах амурсахалинских этносов, существующих как «действие в среде», пространственные отношения более выражены, чем временные. А для медвежьего праздника, различные эпизоды которого проходили на разных площадках, мотив перемещения вообще выходит на первый план и, по существу, скрепляет все действие.

Во-первых, это пространство стойбища, в рамках которого действие начиналось со своеобразной процессии. Объявив о начале праздника, орочи под звуки бревна *удядинки* и женское ритуальное пение исполняли церемонию обхода медведем всех жилищ. Каждый член рода должен был угостить его лакомствами [2, 88]. Водят медведя, по словам В. П. Маргаритова, «с утра и под вечер, днем же орочи предаются общим играм и состязаниям» [13, 34]. Кормлением и торжественным вождением медведя был отмечен первый день праздника у нивхов и ульчей [5, 108]. После этого медведя привязывали к украшенным стружками столбам, чтобы зверь мог видеть гонки собачьих упряжек и другие состязания в свою честь. По окончании гонок его водворяли в клетку. Вторая процессия с медведем проходила по территории села перед его убиением. Примерно на восьмой день праздника орочи выводили медведя «смотреть стружки» – водили по стойбищу, а смельчаки старались сзади запрыгнуть на шею зверю. На следующий день медведя кормили, поили, мыли, – били палкой с привязанными ритуальными стружками, приговаривая «Я с тебя грязь счищаю. Человек, по нашей дороге шагай», – затем обводили вокруг проруби. Аналогичные действия проходили у негидальцев и нивхов [8, 227]. С медведем обращались как с дорогим гостем, который должен быть доволен увиденным. А поскольку вождение медведя сопровождалось общей процессией под звуки музыкального бревна, т.е. было ритмически организовано, его можно интерпретировать как архаический танец-шествие.

Вторая площадка, задействованная в ходе праздника, – это площадка для проведения гонок собачьих упряжек (*вагрдь*, нивх.; *гэйин*, нег.). Ее начинали готовить на льду залива, рядом с домом хозяина медведя сразу после официального открытия праздника. Сами соревнования (*вагрдь*,

нивх.; *гэйин*, нег.) проводились со второго дня празднования, когда съезжались гости (до убийства медведя, пока его водили по домам), и продолжались после ритуального убийства. О важности состязаний говорит то, что именно от их продолжительности зависела длительность праздника. Собачьи бега (*канлекрд*, нивх. – «играть в собак») включали несколько видов состязаний. Наиболее захватывающими были соревнования на больших упряжках, когда в нарты запрягали 10-12 собак, руководимых взрослым каюром. Являясь важным элементом амурской модели медвежьего праздника, гонки всегда проходили в присутствии огромного количества зрителей. Их зрелищно-игровой характер складывался не только на основе драматургии состязания, но и благодаря специфическому звуковому сопровождению, имеющему образительный характер: во время гонок нивхинки выстукивали на музыкальном бревне ритм «Собака лает?», сопровождая его звукоподражательными словами *хаве, хаве, хав-хав-хав*, имитирующими лай [12, 125].

В целом формировалось семиотически гетерогенное игровое пространство, в котором присутствовало несколько уровней. Во-первых, собственно игра-состязание – эмоционально насыщенные гонки собак. При очевидной зрелищности и огромном интересе со стороны присутствующих обращены они были к главному герою праздника и являлись еще одним способом порадовать его. Этим и объясняется присутствие медведя на гонках. Второй уровень игрового поведения – исполнение женщин на музыкальном бревне как возрождение голоса медведя. Поскольку для мифологического мышления любой звук всегда есть «голос», за которым стоит конкретное существо, благодаря женскому исполнению медведь превращался в партнера по коммуникации, в участника событий. Но женщины не просто возрождали голос медведя, а голос, имитирующий собачий лай (ритм «Собака лает»). В звуковом сопровождении происходило уже двойное перевоплощение, создание не второй, а даже третьей игровой реальности – женщины возрождают голос медведя, который подражает собакам. И, наконец, акустическую палитру завершают голоса самих женщин, имитирующих лай собак через звукоподражательные слова. Такие слова не только передавали атмосферу самого действия, но и включались в систему зримых образов, призванных увлечь публику.

В-третьих, площадкой обрядово-зрелищной акции были соседние стойбища. Поскольку на медвежий праздник приглашались сородичи из окрестных селений, территория праздника расширялась. По свидетельству иеромонаха Ионы (Голубцова), по льду Амура медведя возили из деревни в деревню. Для этого его связывали и укладывали на украшенные нарты, запряженные собаками [6]. У ульчей, нивхов и айнов на собак надевали султаны *гараха* из конского волоса и дерева, окрашенные в один цвет для всей упряжки. Согласно более поздней информации, приводимой А. С. Колосовским, собак и медведя украшали красным лентами [7, 397]. По приезду процессии во главе с медведем в каждой деревне «пируют и показывают свою удаль» [6].

В-четвертых, местом кульминационной части праздника была ритуальная площадка – «*арачу*» (ороч.), «*лед'ан*» (негид.), «*н'аню*» (нивх.). Место для убийства медведя устраивали в тайге на седьмой день, тогда же готовили ритуальное угощение и стружки. Орочи расчищали площадку в 30 м от жилья, обязательно с запада на восток, освобождая от пней и бугров. «Для медведя-самца площадку расчищали длиной 30 саж. (примерно 64 м – Я.К.), шириной 5 саж. (10.7 м), для самки – длина 40 саж. (85 м), ширина 5 саж. (10.7 м)» [15, 11]. С западной стороны ставили четыре столба, украшенные стружками, к ним привязывали медведя. Отдельный столб высотой от 3 до 5 м с разветвлениями ставили с южной стороны. Каждое разветвление украшалось изображением змей, лягушек или рыб. На нем гости развешивали праздничные халаты, цветные лоскутки, чучела птиц. Здесь же привязывали собаку (черного самца). В конце все украшения снимались хозяином праздника.

Обязательным атрибутом, расположенным поодаль ритуальной площадки, но во взаимосвязи с ней, было музыкальное бревно. В функции обозначения места действия музыкальное бревно (*тятян ч'х'ар* – нивх.) воздействовало своими декоративными возможностями. Подвешенное на специальных елочках пяти-шестиметровое бревно с высеченной головой зверя само по себе достаточно презентативно. Его украшали ритуальными стружками *инау*, служившими символическим знаком сакрального разговора [11, 150]. Эти стружки могли окрашиваться красным соком ягод. Количество стружек, а также количество красных полос на них кодировало пол животного: 2 или

4 – женское число, 3 – мужское. У ульчей дополнительным украшением бревна были чучела уток с расправленными крыльями и привязанными окрашенными стружками или тряпичным лентами. У нивхов упоминаются изображения летящей гагары из сухой травы. Картина особенно оживлялась, когда стружки и ленты колыхались на ветру. Таким образом, музыкальное бревно превращалось в яркую зрелищную доминанту, организующую вокруг себя не только акустическую, но и визуальную среду.

Наконец, пятая площадка, связанная с проведением эпизодов праздника, – это пространство жилища. Уже после ритуального убийства голову медведя и его шкуру вносили и помещали на почетное место. В зависимости от типа жилья существовало два способа внесения головы в дом: первый, более древний, – через дымовое отверстие в полуземлянке (у нивхов); второй – через противоположное входу (заднее) окно в наземных домах (айны). Голова укладывалась мордой к людям, т.к. медведь все еще был участником праздника. Перед этим в землянке устанавливали музыкальное бревно. Весь процесс проникновения головы медведя в жилище хозяина и возложения ее на почетную нару сопровождался непрерывной игрой женщин на ритуальном бревне, а также женскими сольными плясками, основанными на имитации медвежьей пластики.

Таким образом, анализируя амуро-сахалинский медвежий праздник в рамках зрелищной парадигмы, можно говорить о рассредоточении места действия, когда в зависимости от характера происходящего были задействованы разные фрагменты единого пространства. Сама акция праздника мыслилась в пространственных категориях – как последовательное перемещение из одного локуса в другой. Площадка играла роль ограничителя действия, разделяющего эпизоды драматургического целого. Общее игровое действие развивалось последовательно, продвигаясь (в буквальном смысле) от одного места к другому. Такая организация соответствует представлениям традиционной культуры, в которой пространство мыслится не бесконечным и однородным, но дискретным, разделенным на фрагменты, в зависимости от наполнения. В истории театра похожее явление известно как симультанная сцена, характерная, например, для средневекового мистериального театра. Сущность симультанной сцены заключается в одновременном показе разных мест действия на одной или нескольких площадках, расположенных в зрительном зале. Переход исполнителя от одной декорации к другой означал перемену места действия [1, 5, 243]. Обращает внимание, что в этом решении театрального пространства достигается наиболее полное слияние сценической и зрительской зон, границы которых подчас трудно определить.

Исследователи неоднократно отмечали, что одной из проблем театра является диалектическое противопоставление сцены и зрительного зала, и на разных этапах истории театра эта проблема решалась по-своему [4, 29]. В фольклорном театре, генетически связанном с обрядовыми представлениями, такого противопоставления не было, пространство народного театра функционировало как целостное, в котором участники и зрители связаны. Признавая дискуссионность отнесения амуро-сахалинского медвежьего праздника к фольклорному театру, обратим внимание на явные аналогии в организации игрового пространства. Зрелище медвежьего праздника не было сосредоточено в одном локусе, но как бы смешалось. В отличие от более поздних театральных акций речь идет о размытости границ пространственной субстанции, когда не действие разворачивается в определенном месте, а само пространство, объединяя присутствующих, трансформируется вслед за действием. Пространство в данном случае не абстрактно, а конкретно, измеряется не отвлеченными отрезками, а движениями участников. Симультанная сцена, места действия в пределах которой располагались рядом, лишала «зрителей» единственного направления взгляда, так как участник медвежьего праздника, собственно, зрителем и не был, а был активным сообщником, воспринимая мистериальное представление в процессе движения от одного места к другому. Сюжетно-композиционная основа обрядового зрелища выстраивается как многоэпизодная композиция, где каждый фрагмент – нечто дискретное, по-своему замкнутое, но вместе они скреплены темой перехода – перемещения – превращения.

Тема преодоления пространства крайне важна в организации медвежьего праздника, который начинался торжественной процессией с медведем. Процессия, открывающая мистериальное представление, – один из самых устойчивых элементов в структуре архаических зрелищ: в Древ-

ней Греции она открывала представление трагедии, не менее яркими были процессии перед древнеримскими цирковыми играми, а также триумфальные шествия римских полководцев. Но, в отличие от античных, предполагающих наличие зрителей, шествия в фольклорном театре, а также в более ранних обрядовых зрелищах предполагают не созерцание, но участие. Именно это видим на примере медвежьего праздника, где процессия с медведем есть состояние нерасчлененного актерско-зрительского континуума. На протяжении праздника такие процессии в сопровождении ритмов музыкального бревна проходили неоднократно. В античных и средневековых религиозно-праздничных шествиях всегда присутствовали объекты, предназначенные для демонстрации. В случае с медвежьим праздником таким демонстрируемым объектом выступал сам медведь как главный герой.

В организации зрелища медвежьего праздника симультанная сцена предстает не как застывшая система с неизбежным порядком организации, но как открытая и внутренне подвижная, сочетающая в себе пространство пребывания и пространство движения. В связи с этим нельзя не напомнить о роли и характере женских танцев, сопровождавших важные моменты ритуала: это танец у клетки с медведем, в момент убийства зверя и во время обрядовых действий с головой или черепом. Их отличают ограниченный пространственный рисунок и активность верхней части туловища, – почти не сходя с места, исполнительницы производили покачивание корпусом, приседания, движения плечами и руками. В один ряд с женскими хореографическими композициями медвежьего праздника может быть поставлена и «игра в ладоши», – своеобразный феномен на грани хореографии и инструментализма, также характеризующийся пространственной устойчивостью и, одновременно, динамизмом. Игра в ладоши – «ныты занд», «иты занд леерд» (нивх. – букв. «играть, ударяя о свою челюсть») – проводилась во время собачьих гонок в начале праздника и сопровождала обряд свежевания медвежьей головы в конце [9, 279]. В ней, как и в танце с погремушками (елочками, *инау*), женщина, стоя на месте, поочередно ударяла себя по нижней челюсти, щекам, губам, лбу. Движения рук при этом одновременно направлены на достижение и звукового, и зрелищного результатов.

Симультанная сцена свойственна мистерии медвежьего праздника не случайно, ибо предполагает одновременное существование метафизических начал мироустройства: мифологические архетипы, лежащие в основе традиционной амуро-сахалинской культуры, отражаются не только в структуре обрядового зрелища, но и в оформлении площадки, на которой происходит действие. В горизонтальной плоскости здесь отражена мифологическая модель: вертикаль «мир человека» – «мир горных людей-сородичей медведя», располагавшаяся в границах мистериального представления медвежьего праздника горизонтально («стойбище» – «ритуальная площадка»). И персонажу, а за ним и участникам необходимо было сделать всего несколько шагов, чтобы попасть из одного места в другое. При этом симультанное пространство праздника, соответствующее его эпизодической композиции, замыкается. После убийства медведя и разделки туши табуированные части, которые можно поджаривать на костре, находящемся на ритуальной площадке, везут из дома на нартах не по прямой, а тем же длинным путем, по которому шел на площадку убитый медведь [8, 245].

Таким образом, однопространственность медвежьего праздника, всеобщая вовлеченность в происходящее не только не разрушали иллюзию, а, наоборот, обуславливали активизацию зрительской психики. Происходило расширение пространственных рамок, сопряжение далеких (мифологических) расстояний на небольшом реальном пространстве сценического действия. Зрелищно-игровое пространство праздника мыслилось нелимитированным, безграничным и обладало свойством меняться в масштабах на небольшой площадке.

По своему наглядно-зрелищному характеру и наличию игровых элементов медвежий праздник амурских этносов близок к театрально-зрелищным формам культуры. В его организации представлены (в той или иной степени сформированности) черты, специфичные для драматургии фольклорного театра. Такие характеристики, как однопространственность, когда участники и зрители представляют единое целое, интерактивность, предполагающая соучастие всех, обрядово-игровой характер действия, синкретическое взаимодействие разных элементов – не только драматических, но и хореографических, анимационных, изобразительных («театр вещей и изображе-

ний»), зрелищно-спортивных, присутствуют в медвежьем празднике амуро-сахалинского типа. При этом он, выполняя ритуальную функцию, не являлся художественной формой, располагаясь «на границах искусства и самой жизни» (М. Бахтин). Однако яркая игровая природа праздника, наличие игровых форм выражения создавали предпосылки и возможности для формирования фольклорного театра, которые и должны были реализоваться в новых исторических условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базанов, В. В. Техника и технология сцены / В. В. Базанов. – Л.: Искусство, 1976. – 366 с.
2. Березницкий, С. В. Мифология и верования орочей / С. В. Березницкий. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 208 с.
3. Васильев, Б. А. Медвежий праздник / Б. А. Васильев // СЭ. – 1948. – № 4. – С. 78-104.
4. Заболоцкая, П. Е. Специфика театрально-игровых традиций якутов в системе обрядово-ритуальных форм культуры (Опыт историко-театроведческого исследования): дисс. ... канд. искусствоведения / П. Е. Заболоцкая. – Улан-Удэ, 2005. – 157 с.
5. Золотарев, А. М. Родовой строй и религия ульчей / А. М. Золотарев. – Хабаровск: Дальгиз, 1939. – 206 с.
6. Иона (Голубцов) Религия, нравы и обычаи амурцев // Домашняя беседа для народного чтения. – 1859. – Вып. 34.
7. Колосовский, А. С. Воспоминания Г. С. Хохловой – источник сведений по истории и этнографии Нижнего Амура и Сахалина / А. С. Колосовский, Л. А. Колосовская, А. А. Саньков // Вестник Сахалинского музея. – 2011. – № 16. – С. 391-413.
8. Крейнович, Е. А. Нивхгу / Е. А. Крейнович. – Южно-Сахалинск: Сахалинское кн. изд-во, 2001. – 520 с.
9. Крейнович, Е. А. О культе медведя у нивхов: публикация и анализ текстов / Е. А. Крейнович // Страны и народы Востока. Страны и народы Тихого океана. – М., 1982. – Вып. 24. – Кн. 5. – С. 279-282.
10. Лопатин, И. А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские: Опыт этнографического исследования / И. А. Лопатин // Записки ОИАК Владивостокского отделения ПО РГО. – Владивосток, 1922. – Т. 17. – 372 с.
11. Мамчева, Н. А. Магическая роль звуковой культуры нивхов / Н. А. Мамчева // Известия института наследия Бр. Пилсудского. – 2006. – № 10. – С. 138-163.
12. Мамчева, Н. А. Звукоподражания и сигналы в культуре нивхов / Н. А. Мамчева // Известия Института наследия Бр. Пилсудского. – 2006. – № 10. – С. 121-137.
13. Маргаритов, В. П. Об орочах Императорской гавани / В. П. Маргаритов. – СПб.: ИАН, 1888. – 56 с.
14. Осипова, М. В. Айны острова Сахалин: традиции и повседневность (очерки обрядовой культуры) / М. В. Осипова. – Хабаровск: РИОТИП, 2008. – 192 с.
15. Сидоров, Н. П. Записи по орочам / Н. П. Сидоров // Архив МАЭ РАН. Ф. К-V. Оп. 1. Д. 626. – 15 л.
16. Скоринов, С. Н. Мифология и обрядовая культура нивхов / С. Н. Скоринов. – Хабаровск: ДВГНБ, 2004. – 416 с.
17. Таксами, Ч. М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов: сер. XIX – нач. XX вв. / Ч. М. Таксами. – Л.: Наука, 1975. – 238 с.
18. Тэмина, М. Г. Медвежий праздник нивхов (вторая половина XIX – нач. XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. Г. Тэмина. – Владивосток, 2006. – 28 с.

Шахматова Е. В.
E. V. Shakhmatova

АНТРОПОЛОГИЯ СМЕРТИ В «ГОСУДАРСТВЕ ВРЕМЕНИ» ВЕЛ. ХЛЕБНИКОВА

ANTHROPOLOGY OF DEATH IN THE «STATE OF TIME» BY VEL. KHLEBNIKOV

Шахматова Елена Васильевна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры философии Государственного университета управления (Россия, Москва); 109542, г. Москва, Рязанский пр-т, д. 99. E-mail: Elena.Shahmatova@gmail.com.

Mrs. Elena V. Shakhmatova – PhD in History of Arts, Associate Professor of the Philosophy Department, State University of Management (Russia, Moscow); 109542, Moscow, Ryazan Ave, d. 99. E-mail: Elena.Shahmatova@gmail.com.

Аннотация. В статье рассматривается утопическая идея Велимира Хлебникова о создании «Государства времени» и начале нового летоисчисления. Самым важным своим вкладом в сокровищницу человеческого духа Хлебников считал открытые им «законы времени», «доски судеб». В антропологической мифопоэтике Хлебникова человек – это «местовременная точка». Знание законов времени убеждает его, что человек находится во власти объективных закономерностей и подвержен закону кармы. Человеческий дух, считает он, подчиняется математическим закономерностям и, воплощаясь с интервалом в 365 лет, продолжает работать над поставленной перед собой задачей. Хлебников отвергает смерть, создавая её гротескный образ в своих произведениях. Идея метемпсихоза оказалась популярной в эпоху Серебряного века. Русские философы Н. Бердяев, С. Булгаков, Б. Вышеславцев, В. В. Зеньковский, Г. Флоровский, С. Франк в эмиграции высказались на эту тему в специальном сборнике. Данный дискурс поддержали также Н. Лосский и В. Вернадский.

Summary. The article considers the utopian idea of Velimir Khlebnikov about the creation of the "State of Time" and the beginning of the new calendar. Khlebnikov considered the "laws of time" and "boards of destinies" as the most important contribution to the treasury of the human spirit. In Khlebnikov's anthropological mythopoetics, a man is a "temporal point". Knowledge of the laws of time convinces him that a man is in the power of objective laws, and he is subjected to the law of karma. He believes that the human spirit, is subjected to mathematical patterns, and, embodying within the interval of 365 years, continues to work on the task assigned to him. Khlebnikov rejects death, creating its grotesque image in his works. The idea of metempsychosis was popular in the era of the Silver Age. Russian philosophers, N. Berdyaev, S. Bulgakov, B. Vysheslavtsev, V. V. Zenkovsky, G. Florovsky, S. Frank, spoke about this issue in emigration in a special collection. This discourse was also supported by N. Lossky and V. Vernadsky.

Ключевые слова: В. Хлебников, «Государство времени», Серебряный век, рубеж XIX-XX веков, карма, метемпсихоз, перевоплощение

Key words: V. Khlebnikov, "State of Time", Silver Age, The turn of the XIX-XX centuries, karma, Metempsychosis, reincarnation.

УДК 13

В. Хлебников выдвинул идею о новом человеческом сообществе – «Государстве времени» – и упорно работал над его основополагающими законами. Поэт был уверен, что человечество должно осознать свое единство и совершить «постепенную сдачу власти звездному небу». История, по его мнению, такая же точная наука, как и математика. На основе своих расчетов он полагал, что время уже начало вести отсчет «новой Кальпы 25 декабря нового стиля 1915 г.» (см. прим. 1) [7, Т. V, 161, 162].

В своем подходе к изучению истории Хлебников исходил из предположения о цикличности времени. Ему было хорошо известно древнеиндийское учение о перевоплощении и повторении истории, повлиявшее и на другие философские системы Дальнего Востока. В университете он

изучал санскрит и точные науки, а в своих математических пристрастиях, оперируя числами-образами, сближался с древнеиндийской и древнекитайской традицией почитания числа как основу мироздания. Немалую роль в становлении мистической поэтики Хлебникова сыграли труды Е. Блаватской, особенно ее «Тайная доктрина», в которой описывалась космическая эволюция и раскрывался числовой код Вселенной.

Законы времени не дают ему покоя, и он пытается разгадать их тайну, прибегая то к научному инструментарию, то к помощи искусства, и таким образом создаёт единое научно-поэтическое учение о времени. Время в его понимании – это не историческая категория, где каждое событие имеет конкретную точку на оси пространственно-временных координат, его время многомерно и содержит в себе одновременно все события настоящего, прошлого и будущего. «Время, – по замечанию Блаватской, – есть лишь иллюзия, создаваемая последовательными чередованиями наших состояний сознания на протяжении нашего странствования в Вечности, и оно не существует, но “покоится во сне” там, где нет сознания, в котором может возникнуть Иллюзия. Настоящее есть лишь математическая линия, отделяющая ту часть Вечной Длительности, которую мы называем будущим, от части, именуемой нами Прошлым» [2, Т. 1, 81].

Ясновидящий способен настроить своё внутреннее “я” на восприятие “мировой души” – универсального посредника, записывающего на субстанции атомов всё происходящее в мире, и увидеть яркие картины, связанные с историей какой-то вещи. Если человек способен увидеть прошлое, то таким же способом он может проникнуть и в будущее. Каббалисты считают, что будущее в виде зародыша существует в астрале, так же, как ранее существовало настоящее в прошлом. Человек свободен в своих поступках, но образ его действий остаётся неизменным, и по принципу музыкальной гармонии (или математических соответствий, что одно и то же), можно с уверенностью предсказать событие. Художник на уровне своего подсознательного “Я”, которое “небыть”, способен почуять, откуда “дует ветер богов слова”. “Я в чистом неразумии писал “перевертень”, – отмечает Хлебников, – и только пережив на себе его строки: “Чин зван мечем навзничь” (война) [стихотворение написано накануне 1-й мировой в 1912 г. – Е. Ш.] и ощутив, как они стали позднее пустотой: “Пал, а норов худ и дух ворона лап”, – понял их как отраженные лучи будущего, брошенные подсознательным “Я” на разумное небо. Ремни, вырезанные из тени рока, и опутанный ими дух остаются до становления будущего настоящим, когда воды будущего, где купался разум, высохли и осталось дно [8, 37]. И сама форма стихотворения, где каждая строчка имеет возможность двойного прочтения с начала и с конца, и состояние медиумического транса (“Я в чистом неразумии писал...”) говорят о том, что Хлебников был пророком по вдохновению и в моменты поэтического экстаза проникал в высшие слои Тонкого мира. Он сам был поражен до глубины души, когда осознал в 1917 г. какому государству в своём диалоге “Учитель и ученик”, написанном в том же 12-м году, предсказал крушение. “Заклинаю художников будущего, – писал он, – вести точные записи восхода и захода звёзд своего духа” [8, 37].

Свои интуитивные предчувствия Хлебников решил выразить с помощью языка, не допускающего двойного прочтения, языка точных чисел. Числа – тайнопись древних цивилизаций, шифр, который еще предстоит разгадать будущим поколениям. Числовые закономерности, установленные Хлебниковым, имеют соответствие с тайной доктриной древних. Пифагор, которого Хлебников называл своим последователем (от будущего к прошлому) [у русского философа Н. Фёдорова линия времени также устремлена в прошлое – Е.Ш.], исходил из представления о числе как основе всего существующего. Гимн единому началу, лежащему в основе всех явлений, мы находим в стихотворении «Числа» (1912) [8, 79]:

Я всматриваюсь в вас, о, числа,
И вы мне видите одетыми в звери, в их шкурах,
Рукой опирающимися на вырванные дубы.

В мифологической Вселенной Хлебникова числа одушевлены и могущественны. В уподоблении чисел зверям можно усмотреть близость с доктриной Будды «Колесо времени» (Калачакра), в которой двенадцатеричная система зодиакального круга (период обращения Юпитера) была разделена на 12 равных отрезков, получивших имена разных животных. Главное, за что поэт

готов преклоняться перед числами, – «Вы позволяете понимать века». Хлебников пишет, подобно Платону, диалог «Учитель и ученик» (1912 г.), в котором размышляет о словах, городах и народах. В этом диалоге он впервые приводит формулу времени, которое отделяет важнейшие исторические события друг от друга. Время $Z = (365 \pm 48y) \cdot x$. На основе ранней редакции своего основного закона времени, где число 365 – частное времён года и дня, а 48 отражает сроки вращения, Хлебников пришел к следующему умозаключению: «Но в 534 году было покорено царство Вандалов; не следует ли ждать в 1917 году падения государства?». Математическая формула не уточняла, какому государству вскоре придёт конец, и когда данное пророчество осуществилось, Хлебников был ошеломлён столь очевидным практическим результатом, подтвердившим его теорию. «Ясные звёзды юга разбудили во мне халдеянина. В день Ивана Купала я нашел свой папоротник – правило падения государств. Я знаю про ум материка, нисколько не похожий на ум островитян. Сын гордой Азии не мирится с полуостровным рассудком европейцев» [8, 589].

Хлебников рассчитывает по своей формуле глобальные исторические катаклизмы: гибель Египта, падение Испании, гибель Царьграда, поражение Персии.

- A. *Через степени три*
- B. *Смена военной зари.*
- C. *Древнему чету и нечету*
- D. *Там покоряется меч и тут. («Зангези»)*

Самым важным своим вкладом в сокровищницу человеческого духа Хлебников считал не словотворчество, а открытые им «законы времени», «доски судеб» (уравнение 317 ± 48 ; возврат событий по счету $2n$ для положительных и $3n$ для отрицательных явлений). Категория времени у Хлебникова приобретает черту относительности подобно новейшим теориям в физике (в свёрхповести «Война в мышеловке» он упоминает уравнение немецкого математика и физика Германа Минковского [1864-1909], учителя А. Эйнштейна, который разработал геометрию чисел, а в 1907 г. ввёл понятие четырёхмерного пространства, объединяющего пространство и время в специальной теории относительности).

Математическое познание истории составляет одну из существенных характеристик поэтических антимиров Хлебникова. «Мой основной закон времени..., – писал он. – Когда будущее становится благодаря этим выкладкам прозрачным, теряется чувство времени, кажется, что стоишь неподвижно на палубе предвидения будущего. Чувство времени исчезает, и оно походит на поле впереди и поле сзади, становится своего рода пространством» [8, 14]. Знание законов времени убеждает, что человек находится во власти объективных закономерностей, подвержен закону кармы, как сказали бы индусы.

Хлебников ощущал себя божеством – Числобогом, правителем будущего государства времени. Он задается вопросом, как относятся друг к другу тяготение и время? И устами ученого 2222 года, составляющего уравнение смерти, приходит к парадоксальному заключению: «...время так же относится к весу, как бремя к бесу. Но можно ли бесноваться под тяжелой ношей? Нет. Бремя поглощает силы беса. И там, где оно, его нет. Другими словами, время поглощает силы веса, и не исчезает ли вес там, где время? ...время и вес – два разных поглощения одной и той же силы» [8, 525]. Продолжив его мысль, можно прийти к выводу, что человек, оставляя тело (вес) в момент смерти, попадает в антимир, где события не имеют жесткой привязанности ко времени, и могут свободно варьироваться, и даже...изменить своё течение на противоположное. Хлебников рассматривает данный вариант в пьесе «Мирсконца» (см. прим. 2). Герои скетча прокручивают киноплёнку жизни в обратном направлении – от смерти к рождению: похороны, взаимоотношения со взрослыми детьми, потом свадьба, любовь, первые свидания, гимназия, а в последней сцене мальчик и девочка проезжают в детских колясках с воздушными шарами.

В небольшом отрывке 1916 г. из его ненаписанной пьесы (см. прим. 3) на улице будущего встречаются два персонажа и обмениваются приветствиями, звучащими довольно странно с точки зрения рационалистической логики:

«1-й. Куда вы спешите, дружок? (...) Ведь вы умрете завтра?

2-й (роется в записной книжке). Я родился третьего листопада. Дважды два четыре. – Да! Как это ни грустно, я умру завтра».

Из диалога выясняется, что смерть для героев – дело обыденное, 2-й персонаж вспоминает, что последний раз, окунаясь в ледяную воду забвения, он «немного простудился и схватил насморк», но на этот раз он предусмотрительно собирается захватить с собой набрюшник. Персонажи обсуждают возможность соединить своё нынешнее существование с будущим на основе нескольких законов, свидетельства судьбы, уплаты налога, визита в полицию. В общем, вполне бюрократическая процедура. И при длительном расставании до следующего воплощения, 2-й персонаж просит подарить ему в день рождения мешочек с пеплом оставляемого тела, а 1-й персонаж просит кланяться умершим знакомым и друзьям, и на прощание – светское пожелание: «Будьте мертвы, не забывайте!» [7, Т. V, 142-143].

Другая его пьеса «Ошибка смерти» в гротескной форме показывает смерть Барышни Смерти. Веселье в харчевне мертвецов прерывает неожиданный визит 13-го посетителя, которому не досталось свободной кружки. Настойчивый посетитель, осознав, куда он попал, решает выпутаться из затруднительной ситуации, предлагая барменше использовать в качестве ёмкости её пустой череп. Манипуляция удалась, но Смерть не в состоянии определить, в какой чаше находится смертельный напиток. Она предлагает посетителю перейти на самообслуживание, но по настоянию других клиентов он требует с её стороны строгого выполнения служебных обязанностей. Слепая Смерть совершает роковую ошибку. Посетитель заставляет барменшу первой отведать напиток, и Смерть... умирает. Упав на подушки, она, по ремарке автора, требует сценарий и, удостоверившись в том, что доиграла роль до конца, присоединяется к трагической буффонаде. В этом скетче проявилось безжалостное отношение Хлебникова к смерти, без всякого пиетета и уважения (он с легкостью рифмует «насморк» и «на смерть») [8, 105]. Лишение смерти романтического ореола таинственности, роковой неизбежности, перевод её из категории ужасного в персонажи буффонной клоунады – все эти кощунственные безобразия означали грандиозный перелом в сознании эпохи.

В Европе тоже потешались над смертью. В Париже на Монмартре был кабачок, именованный «Cabaret du Néant» («Погреб Небытия»). Каждый посетитель мог полюбоваться на метаморфозы своего тела в процессе приобщения к Небытию. «Для того он должен был встать среди маленькой сцены перед открытым гробом; – свидетельствует А. Бенуа, – полная же иллюзия превращения его в гниющий труп достигалась посредством хитроумной комбинации сменяющихся одна другую проекций. Омерзительное это зрелище сопровождалось шарманкой, игравшей похоронный марш, причем надо было хохотать (c'était de rigueur) и всячески выражать испытываемое удовольствие. Факельщики подавали пиво под наименованием «холеры» и «чумы» [1, Т. 2, 134].

В антропологической мифопоэтике В. Хлебникова человек – это «местовременная точка» [7, Т. V, 265]. Он был уверен, что смог проникнуть в тайну закона перевоплощения. На основе своих вычислений он приходит к выводу, что «...луч, гребни волн которого отмечены годом рождения великих людей с одинаковой судьбой, совершает свое колебание в 365 лет» [4]. В доказательство он составляет ряды великих людей, среди которых есть и такой: Сократ (458 г. до н. э.) – Дзонкава, основатель ламаизма в Тибете (1357, 365×5) – Григорий Сковорода (1722, 365×6) [9, Т. 6, Кн. 2, 32]. Человеческий дух, считает он, в новом воплощении продолжает работать над поставленной перед собой задачей.

В. Хлебников пишет в автобиографии о своих прежних воплощениях. Детство, проведенное в калмыцких степях, где сохранилась буддийская вера, пробуждает его прапамять, и он видит себя монгольским мальчиком, задумавшимся о судьбах своего народа: «Тогда у меня было поручение достать монгольских кумиров, но я его позорно не выполнил» [7, Т. IV, 119]. В. Хлебников примеряет на себя биографии персидского поэта, философа, математика и астронома Омара Хаяма, создателя неевклидовой геометрии Н. Лобачевского, отца английской поэзии Д. Чосера... В небольшом стихотворном фрагменте 1920-1921 гг. он выстраивает цепь своих прежних рождений:

Я, Хлебников, 1885.

За (365+1)3 до меня

Шанкарья Ачарья творец Вед

В 788 году,

В 1400 Аменхотеп IV,

Вот почему я велик.

Я, бегающий по дереву чисел,

Делаясь то морем, то божеством,

То стеблем травы в устах мыши,

Аменхотеп IV – Евклид – Ачарья – Хлебников [9, Т. 6, Кн. 2, 72].

Эзотерическая родословная Хлебникова построена на интервале в 365 лет: в неё вошли великий реформатор Аменхотеп IV, провозгласивший единого бога Атона; автор первого математического трактата – Евклид; индийский философ, мистик, поэт и основатель школы Адвайта-Веданты – Шанкара-Ачарья.

Смерть не пугает В. Хлебникова. В качестве первостепенной задачи Председателей Земного Шара, международного общества деятелей культуры, возглавляющих Правительство единого человечества, объединившегося в «Государство времени», он определяет: «Плевков всегда в глаза смерти под всеми видами» [9, Т. 6, Кн. 2, 86].

Философия Серебряного века, подпитываясь теми же мифологическими устремлениями, что и искусство рубежа XIX-XX вв., не осталась равнодушна к идее метемпсихоза. В эмиграции русские философы Н. Бердяев, С. Булгаков, Б. Вышеславцев, В. В. Зеньковский, Г. Флоровский, С. Франк издали на эту тему сборник статей [6]. К этому же дискурсу относится работа Н. Лосского «Учение о перевоплощении» [5]. Тема переселения душ не оставила в стороне и основоположника ноосферы В. Вернадского, который отметил, что представление о метампсихозе «...ни в чем, может быть, не противоречит современным научным представлениям. Ход научной мысли нигде с выводами из этого представления не сталкивается» [3, 32].

Мифопоэтическая концепция «Государства времени» утопична, но, возможно, поэтические антимирры В. Хлебникова точнее отразили картину мироздания, чем это было доступно физике рубежа XIX-XX вв. Действительно ли В. Хлебникову удалось раскрыть тайну перевоплощения? Уравнение смерти еще не составлено ученым 2222 года...

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенуа, А. Мои воспоминания: в 2 т. / А. Бенуа. – М.: Наука, 1980.
2. Блаватская, Е. П. Тайная доктрина: в 2 т. / Е. П. Блаватская. – Минск: Лотаць, 1997.
3. Вернадский, В. И. Научная мысль как планетное явление / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 1991. – 271 с.
4. Кедров, К. Формула бессмертия Велимира Хлебникова / К. Кедров. Параллельные миры. М., 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hlebnikov.lit-info.ru/hlebnikov/about/keдрov-formula.htm>.
5. Лосский, Н. О. Учение о перевоплощении. Интуитивизм / Н. О. Лосский. – М.: Прогресс, 1992. – 208 с.
6. Переселение душ. Проблема бессмертия в оккультизме и христианстве / сб. ст. Н. Бердяева, О. Сергия Булгакова, В. Вышеславцева [и др.]. – Париж: YMCA PRESS, 1935. – 167 с.
7. Хлебников, В. Собр. произведений в 5 т. / В. Хлебников; под общ. ред. Ю. Тынянова и Н. Степанова. – Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1928-1933.
8. Хлебников, В. Творения / В. Хлебников. – М.: Советский писатель, 1987. – 735 с.
9. Хлебников Велимир. Собрание сочинений: в 6 т. / В. Хлебников; под общ. ред. Р. В. Дуганова; сост., подгот. текста и примеч. Е. Р. Арэнзона и Р. В. Дуганова. – М.: ИМЛИ РАН, 2000-2006.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «20 декабря 1915 был избран королём времени. Это была шутка («31 декабря 1915 Осип Брик провозгласил тост за короля времени В. Хлебникова»). Но Хлебников принял её всерьез, и других заставил поверить. В уравнении своей жизни он отметил: «Выбран председателем Земного Шара на $3^8 + 3^8 - 3^7 - 48$, 20.XII.1915, от рождения» и постановил: «Считать первым днём новой Кальпы 25 декабря нового стиля 1915 года» (См.: Бабков В. Законы времени Велимира Хлебникова // Человек. – № 6, 2000, № 1, 2001).
2. Сюжет обратного хода времени, переживаемого семейной парой, по мнению Б. Ленквист, был заимствован Хлебниковым из «Рассказа о Ксанфе, поваре царя Александра, и жене его Калле» (1910, п. 1913) Михаила Кузмина, восходящего к почтенной восточной литературной традиции – легенде об Искандере (Александре Македонском восточного эпоса и лирики, а также Талмуда). См.: Ленквист Б. Мироздание в слове. Поэтика Велимира Хлебникова. СПб., 1999.
3. По предположению А. Крученых, пьеса должна была называться «13 в воздухе».

Чебанюк Т. А.
T. A. Chebanyuk

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КУЛЬТУРЫ

INFORMATION APPROACH TO DEFINITION OF CULTURE

Чебанюк Татьяна Алексеевна – доктор культурологии, профессор кафедры философии и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. 8(4217) 53-75-06. E-mail: tchebanyuk2010@yandex.ru.

Ms. Tatiana A. Chebanyuk – doctor in Cultural Studies, Professor, Philosophy and Cultural Studies Department, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin avenue; tel. + 7 (4217) 537506. E-mail: tchebanyuk2010@yandex.ru.

Аннотация. В статье выявляется специфика информационного подхода к определению культуры как сверхсложной системы.

Summary. The article reveals the specificity of the information approach to the definition of culture as a super-complex system.

Ключевые слова: культура, информация, подход.

Key words: culture, information, approach.

УДК 008

Культуру в ряду множества определений исследователи рассматривают как информационную среду, как «свернутую» информацию о человеке и обществе, как способ организации, хранения и декодирования информации. «Развитие культуры как высокоорганизованной системы определяется устойчивой, усиливающейся в ходе эволюции тенденцией к наращиванию скорости переработки и накопления информации» [3, 395]. Кроме того, динамика культуры определяется в значительной мере и способом получения и передачи информации: прямой, вертикальный – от поколения к поколению, из уст в уста, горизонтальный, обуславливающий появление способов самостоятельного получения и усвоения знаний.

Информация (от лат. изобретать, составлять, осведомлять) – любые сведения, передаваемые человеком посредством тех или иных сигналов: речь, жест, собственно сигналы и др. Ю. М. Лотман в работе «Культура и информация» дает определение культуры с точки зрения ее информационной природы: «Культура – знаки и совокупность знаков (текстов), в которых зашифрована информация (духовная, мировоззренческая, социальная и др.)» [3, 395]. Поэтому культура на каждом этапе своего развития может рассматриваться, отмечает исследователь, как «свернутая» информация о человеке и обществе. В работе «Культура и информация», вошедшей в сборник его трудов «О семиосфере», он указывает: «Культура – совокупность всей ненаследственной информации, способов ее организации и хранения» [3, 397]. Вместе с тем исследователь акцентирует положение о том, что информационная составляющая является структурной частью культуры.

Исследователь указывает на одну из закономерностей человеческого существования: «...человек включен в два процесса: выступает как потребитель материальных благ и как аккумулятор информации» [3, 401]. Он рассматривает информацию как одну из качественных характеристик культуры, обусловленную средствами коммуникации, как одну из форм передачи, закрепления, хранения и использования информации как знания о культуре, ее формах, динамике и – шире – как знания о мире.

Носителями информации (знания) о культуре являются ее артефакты, которые, в отличие от природных предметов, имеют и объективную, и субъективную значимость, определенность, так как в них заключен «человеческий смысл».

А. Моль, в соответствии с признанием информационной природы культуры, пишет: «Культура – интеллектуальное оснащение, «память общества», огромное поле сообщений, интеллектуальная сторона искусственной среды, которую создает человек в процессе общественной жизни» [4, 186]. Исследователь выделяет три уровня знания (информации) в культуре:

1. «сводная таблица» знаний мира, памяти мира;
2. социокультурная таблица – информация, распространяемая в обществе и являющаяся его достоянием;

3. культурная таблица индивида: отбор, оценка, выбор, отвечающий запросам индивида.

Кроме того, исследователь выявляет два параметра характеристики культуры как информационного потока:

1. количественный, то есть имеющиеся в распоряжении человека слова, тексты, знаки;
2. качественный, который определяется объемом ассоциаций, творческим переосмыслением, созданием человеком новой информации.

В соответствии с этим он определяет два типа человека по отношению к информации: человек – носитель информации, потребитель, даже при условии, что он может быть эрудитом, и творческий человек, приумножающий информацию о мире и человеке.

Исследователи, занимающиеся проблемой, указывают типы информации в культуре:

- памятники (так называемый архив): искусство, книги, архитектура и другое;
- артефакты культуры, которые, в отличие от природных предметов, имеют и объективную, и субъективную значимость, определенность, в них заключен «человеческий смысл»;
- традиции;
- религия;
- орудия труда;
- институты – типы организации общества, государства, все то, в чем запечатлен, по мнению М. Вебера, смысл человеческой деятельности;

- кроме того, имеется еще один, пожалуй, самый существенный источник информации о культуре – сам ее творец. Человек – создатель и носитель смыслов: он считывает информацию о его жизни, деяниях, поведении, творчестве. В этом смысле всё в человеке есть информация о культуре: одежда, поведение, творчество, повседневная жизнь, увлечения, речь и т.д.

Основным способом (механизмом) получения информации является процесс декодирования «смыслов», заложенных в артефактах культуры: ритуал, табу, миф, символ и др. Условием декодирования культурно-исторической информации являются культурные коды эпох. «Код – это способ, которым один субъект культуры дает значение, а другой его считывает. ... Свое значение знак приобретает только в конкретном коде, и это значение различается в зависимости от кода», – пишет один из авторов коллективного труда «Основы культурологии» [5, 139].

Культурные коды – совокупность знаков, символов, систем правил, условных обозначений, названий, сигналов, при помощи которых информация может быть представлена, закодирована в виде словесного или визуального текста, знака.

Код понимается исследователями, занимающимися проблемой знакового способа информационной связи, в частности, Л. Ф. Чертовым, следующим образом: «В широком смысле код можно рассматривать, в первом приближении, как набор правил, норм, ставящих в соответствие определенным сигналам или знакам некоторые фиксированные «значения», под которыми, опять же в первом приближении, могут пониматься какие-либо состояния источника информации, канала связи (например, другие сигналы и знаки) или приемника информации, в частности определенные психические образы: понятия, представления и т.п.» [6, 34].

Культурные коды (культурно установленные коды), как отмечает исследователь, могут «предписывать соответствующую реакцию с разной степенью жесткости. В пространстве культуры (особенно искусства) в качестве кода наиболее эффективно выступает символ, аккумулирую-

щий в себе культурную информацию. В искусстве символическую нагрузку, которая может быть декодирована, несут визуальные образы, «различные способы изобразительного представления пространственных отношений, структур», цветовые и световые решения и др. Основное отличие художественных символов от других, отмечает Л. Ф. Чертов, «состоит главным образом в особенно тесной, органической связи между презентативными и репрезентативными кодами» [6, 36].

Таким образом, код определяет программу информационной реакции приемника на поступающую извне информацию, знаки, сигналы.

Человек входит в культуру как определенную информационную среду, накапливает ее в процессе своего существования и передает поколениям. Поэтому культура в ее динамике может и должна рассматриваться как процесс возрастания информации, утверждает Ю. М. Лотман. В статье «Культура и информация» он пишет: «Человек в борьбе за жизнь включен в два процесса: он выступает как потребитель материальных, вещественных ценностей и как аккумулятор информации» [6, 393]. В статье «Феномен культуры» он рассматривает информацию как условие исторического существования человека и культуры: человек накапливает, хранит и передает информацию, преобразует (переосмысливает) сообщения, создает новые сообщения (информацию), т.е. новые тексты.

Информация существует, передается только в коммуникативной среде, коммуникативном процессе. При этом он выделяет два типа передачи сообщения. Первый условно можно назвать механическим, когда информация передается в определенной системе – схеме: 2x2: вода – АШ 2 О и др. В таком алгоритме не может быть сдвига информации, искажения, утраты. Результат приема информации – идентичный. Кроме того, как отмечает исследователь, сложные тексты в процессе передачи могут быть редуцированы (миф, ритуал и др.), подвержены изменениям (былины, сказки, мифы о богах, героях, легенды и предания, ритуалы и др.). В результате деформации утрачивается первичный смысл того или иного текста культуры, он наделяется новой информацией.

В таком случае мы получаем, как указывает Ю. М. Лотман в статье «Текст и структура аудитории», «текст-2». Основной причиной, по его мнению, является вариативность человеческой личности. Условием рождения «нового» текста является способность человека к выбору и оценке, интерпретации.

С точки зрения характера информации, способа ее восприятия (получения) важен тип адресата (приемника):

человек	сигнальная система
адаптивная (искаженная)	полная, исчерпывающая
	условия «искажения»
естественные (шум)	дезинформация (шум)

Шум – совокупность разного рода помех, которые затрудняют процесс коммуникации, т.е. процесс извлечения информации приемником, ее декодирования.

Таким образом, культура в целом и любой ее текст может рассматриваться как коммуникативно-информационная система.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голицын, Г. А. Социальная и культурная динамика: долговременные тенденции (информационный подход) / Г. А. Голицын, В. М. Петров. – М.: УРСС, 2005. – 269 с.
2. Дриккер, А. С. Эволюция культуры: скорость переработки информации и демографический процесс / А. С. Дриккер // Фундаментальные проблемы культурологии. Т. V: Теория и методология современной культурологии. – М. – СПб.: Новый хронограф – Эйдос, 2009. – С. 133-141.
3. Лотман, Ю. М. Культура и информация / Ю. М. Лотман // Семиосфера. – СПб.: Искусство – СПб, 2000. – 704 с.
4. Моль, А. Социодинамика культуры / А. Моль. – М.: КомКнига, 2005. – 416 с.
5. Трошин, А. А. Знаково-символические интерпретации культуры / А. А. Трошин // Основы культурологии. – М.: КомКнига, 2005. – 416 с.
6. Чертов, Л. Ф. Знаковость: опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи / Л. Ф. Чертов. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 1993. – 388 с.

Баранов А. С.
A. S. Baranov

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

THE COMMUNIST RELIGION IN THE CONTEXT OF THE SOVIET SOCIETY CULTURE

Баранов Александр Сергеевич – кандидат культурологии, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Академии социального управления (Россия, г. Москва). E-mail: bars.68@bk.ru.

Mr Aleksandr S. Baranov – PhD in Culture Studies, Head of Humanities and Social Science Department, Academy of social management (Russia, Moscow).

Аннотация. Статья посвящена выявлению признаков, характеризующих коммунистическую религиозность в СССР, анализу основных этапов развития способов (уровней) отношений по поводу сакральных явлений и понятий в рамках советского общества и в контексте советской культуры второй половины 1920-х – начала 1930-х годов, исследованию механизма сакрализации в культуре. Автор предпринимает попытку определения последовательности становления атеистической (материалистической) марксистско-ленинской идеологии, массового политического культа и личной коммунистической религиозности СССР.

Summary. The article is devoted to identification of signs characterizing the Communist religion in the Soviet Union. The analysis of the development of the relations methods (levels) concerning the sacred phenomena and concepts within the Soviet society and in the context of Soviet culture in the second half of 1920s – early 1930s as well as the study of the mechanism of becoming sacralized in the culture are given. The author attempts to determine the sequence of the atheistic (materialistic) Marxist-Leninist ideology formation, mass political and personal cult of the Communist religion of the USSR.

Ключевые слова: атеизм, материализм, идеология, коммунистическая религия, политический культ, марксизм-ленинизм, коммунизм.

Key words: atheism, materialism, ideology, Communist religion, political cult, Marxism-Leninism, communism.

УДК 304.2

По широте и разнообразию интерпретаций понятие «религия» не имеет себе равных в социально-гуманитарном знании. Эти определения могут тяготеть к максимальной подробности, фактически сужающей масштабы рассматриваемого явления до границ одной или нескольких родственных конфессий, или к максимальной широте, отождествляющей религию с универсальными явлениями человеческой психики. Примером первого рода может считаться определение Э. Дюркгейма, для которого религия – «единая система верований и действий, относящихся к священным, т.е. к отделенным, запрещенным, вещам; верований и действий, объединяющих в одну нравственную общину, называемую Церковью, всех тех, кто им привержен» [1, 230-231]. Противоположным примером может служить трактовка Э. Фромма, понимавшего религию как «любую принимаемую группой систему мышления и действия, наделяющую индивида схемой ориентации и объектом для поклонения» [2, 14] или концепция «предельного интереса» П. Тиллиха [3, 240].

Широкий разброс суждений в отношении специфических черт религии существенно затрудняет решение вопроса о том, какова роль религии в становлении и развитии культуры советского общества. Выбрав один из возможных ракурсов, мы сможем утверждать, что эта роль была крайне незначительной. Выбрав другой, с равными основаниями, что религия пронизывала собой все ее уровни и едва ли не все формы бытования.

Заслуга «открытия» религиозной природы советского марксизма, как известно, принадлежит Н. А. Бердяеву, который в своих произведениях 1920-х – 1940-х годов подверг критике тезис о «научности» марксизма, о его действительной приверженности материализму. К числу черт

марксизма, которые свидетельствуют о его религиозном характере, Бердяев относил: догматизм, разделение на ортодоксию и ересь, наличие «священного писания», разделение на верующих и неверующих, наличие иерархической «церкви», перенесение совести «на высший «собор», тоталитаризм, фанатизм, отлучение и расстрел еретиков. А также «признание первородного греха (эксплуатации)» и «ожидание преобразования мира и наступления Царства Божьего» [4, 123]. По Бердяеву марксизм, став религией, потерял значительную часть своей теоретической и познавательной ценности, но приобрел «динамизм и действенность. /.../ Научная теория и политическая практика никогда не могли бы играть такой роли» [4, 124]. Усиливая полемическую заостренность своей аргументации, Бердяев использует для характеристики марксизма христианскую терминологию (собор, еретики, первородный грех, Царство Божье), чем устанавливает связь не просто между марксизмом и религией, но между марксизмом и христианством. Связь, непосредственно выражающую его идею о вырастании русского коммунизма из недр русской религиозной культуры. В некоторых случаях именно используемая терминология, а не характеризующее качество, придает устанавливаемым Бердяевым чертам религиозный характер. К примеру, «отлучение и расстрел еретиков» – перестали бы выражать сходство с религией, если бы были названы исключением и расстрелом оппонентов. Указание на иерархичность перестанет выполнять ту же функцию, если не использовать с ним слово «церковь», поскольку термин иерархичность, хотя и имеет церковное происхождение, к XX веку давно превратился в универсальный признак бюрократических систем, а советское общество являлось именно централизованной бюрократической системой. Сказанное равным образом относится к «тоталитаризму», «фанатизму», «догматизму», которые с равными основаниями могут рассматриваться в качестве политических, а не религиозных понятий. Что касается разделения на «верующих-верных» и «неверующих-неверных», то подобное разделение на приверженцев «наших» и «чуждых» идеалов присуще любым социальным, культурным, политическим группам.

Противопоставляя религию политической практике марксизма и научной теории, Бердяев фактически установил три основных способа возможного существования марксизма в обществе, но, по его мнению, советский марксизм, приобретя первое (религиозное) качество, утратил черты, присущие второму и третьему.

В данной статье мы попытаемся описать функционирование в контексте культуры советского общества каждого из трех названных Бердяевым аспектов марксизма, с выявлением не только разницы между ними, но и основных способов и результатов их взаимодействия. Признавая религиозный характер советской идеологии, отметим, что, по нашему мнению, эта религиозность представляла собой глубоко оригинальное явление, не сводимое к преломлению христианских идей, ценностей и образов в новом социокультурном и идеологическом пространстве, а значит и описание этой религиозности должно проводиться в ее собственной понятийной системе.

На наш взгляд, можно говорить о сосуществовании в жизни советского общества названных выше трех теснейшим образом переплетенных вариантов или уровней отношений по поводу сакральных предметов и явлений. Каждый из них был порожден советским вариантом марксизма, имел собственную историю возникновения и функционирования, свою социальную базу, свой вклад в историю культуры советского общества. Первый – уровень *атеистической (материалистической) идеологии*. Второй – уровень *массового политического культа*. Третий – уровень *личной коммунистической религиозности*. Строго говоря, каждый из названных уровней может быть назван главным по отношению к остальным или производным от них, в зависимости от того критерия, который будет использоваться для их анализа. Если исходить из степени близости к изначальной теории Маркса – уровень атеистической идеологии окажется первым как по концептуальной значимости, так и по хронологии возникновения. При анализе с позиции максимальной эффективности функционирования политической системы, основанной на специфическом типе солидарности, и влияния СССР на процессы, происходившие в мире – основным выступит уровень массового политического культа. И если мы расположим рассматриваемые явления по степени их влияния на личность индивидов, по уровню концентрированности в его сознании коммунистических ценностей – личная религиозность окажется первым и наиболее значимым явлением. Именно

этот уровень выступал основным генератором революционной и созидательной энергии, обеспечивавшей все этапы восходящего качественного развития советского общества. Именно его угасание привело к понижению эффективности системы и деградации идеологии:

1. *Атеистическая (материалистическая) идеология* последовательно (хотя и с различной степенью интенсивности) проводилась в СССР на всех этапах его истории с целью формирования новой культуры, через «просвещение» освобожденного от «религиозного дурмана» общества. Главная функция атеизма – «расколдовывание» мира. Главная форма деятельности – антирелигиозная пропаганда. Являясь непосредственным порождением марксизма, одним из изначальных положений которого является тезис об антагонистическом противопоставлении религиозного и научного мировоззрений, атеистическая идеология получила резкое усиление на русской почве в начале XX века. В двадцатые годы она превратилась в господствующее явление в советской идеологии и культуре. Основной социальной средой, с которой связано функционирование атеистического способа отношения к религиозным феноменам, была российская, а потом и советская интеллигенция. Труды А. В. Луначарского [5], атеистическая периодика и публицистика, государственная наука, система массового образования, популярные лектории, библиотеки, музеи, кинематограф, литература, театр, диспуты – все эти информационные каналы, институты и практики обеспечивали господство атеистической (материалистической) идеологии в СССР. Достигнув пика своей силы в 1920-е годы, атеистическая идеология века сохраняла значительную долю своей ответственности на протяжении всего периода истории СССР.

2. С уровнем *массового политического культа, или атеистической квазирелигии*, связано иное измерение сакральных представлений. Если официальный атеизм «расколдовывал» социальный мир, массовый политический культ, пользуясь упрощенными идеологическими клише, заново заколдовывал его. Массовый культ представляет собой иерархически выстроенный набор лозунгов, фетишей, практик, мифологизированных концепций, связанных с ними ритуалов различной степени массовости и организованности. Это псевдоматериалистическое учение, в котором научные установки сочетались с утопическими социальными целями, а разработанные на их основе программы социально-экономического и культурного развития «усиливались» при помощи эклектичного мифоритуального комплекса и агрессивного политического культа, мотивировавшего советский народ «на труд и на подвиг». Изображения вождей, выпуски газеты «Правда», собрания сочинений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина – основные материальные компоненты массового политического культа. «Краткий курс истории ВКПб» представляет эссенцию содержания его главного исторического мифа. Речь идет о внутренне противоречивом явлении, характеризующимся подменой как христианских, так и марксистских ценностей, встречей сознательной безрелигиозной идеологии и бессознательной религиозности постхристианской культуры. Начальная фаза становления политического культа относится к предреволюционным годам. Место оформления – царская тюрьма, каторга, ссылка. Первичная социальная база – профессиональные революционеры, в среде которой оформлялась специфическая революционная субкультура. Именно в тюремных камерах, в локальном и замкнутом мире складывались ритуалы и практики, получившие в двадцатые годы мощный импульс к своему развитию. В эти годы политический культ был невероятно динамичен. Побывавший в 1926 году в Москве В. Беньямин с интересом отмечал: «Географическая карта так же близка к тому, чтобы стать центром нового русского визуального культа, как и портрет Ленина. Тем временем старый культ продолжает существовать в церквях» [6, 75]. Карта «проиграла» портрету после торжества концепции построения социализма в отдельно взятой стране, хотя и осталась важным элементом в интерьере советских жилищ и учреждений. Социальной средой развития политического культа в его зрелой фазе (1930-е годы) являлась партийно-бюрократическая «номенклатура», носители ролей и статусов, отвечавшие за обеспечение необходимого уровня лояльности и солидарности в конечном итоге за целостность и эффективное функционирование всей системы.

3. Уровень *коммунистической религии* – уникальный феномен, понимание свойств которого не может быть сведено к изучению процесса соединения исходных компонентов. Самостоятельное явление в истории мировой религии, подобно буддизму, действовавшее на различных

«этажах» породившей его культуры и обладавшее значительным потенциалом к распространению в разнообразных этнокультурных пространствах, без потери собственного религиозного содержания. Здесь религиозное содержание может пониматься не в качестве искажения или противоречия, дискредитирующих материалистическую теорию, а как постепенно оформившаяся религиозная «сердцевина» коммунистического движения, обеспечивающая его устойчивость и выживание в течение определенного времени. Рассмотрим ее основные компоненты.

Первым компонентом этой религии, главным мотиватором ее носителей ко всем проявлениям активности, является личная *вера в коммунизм*. Направленность помыслов и чувств на предвкушение, восторженное ожидание «светлого будущего». Эта вера особым образом окрашивает жизнь адепта, изменяя восприятие всех событий, явлений, процессов. Равнодушие к перспективам построения светлого будущего равнозначно неверию, оно непереносимо для человека, погруженного в религию. Персонаж советского историко-революционного фильма «Служили два товарища» (1968) обращается с вопросом к своему другу: «Ты про что думаешь, когда жрать хочется? – Про мясо. – А я про совсем другое. Я вот подумаю только, какая впереди обещается интересная жизнь – и сразу мне легче». Отметим, что понятие «вера» в 1920-е – 1930-е годы заменялось оборотом «глубокая убежденность», который дополнялся словами, свидетельствующими о готовности действовать в нужном направлении: *«глубокая убежденность в победе коммунизма, преданность делу революции»*. Случаи использования понятий «вера» и «религия» в саморефлексии верующих коммунистов редки. Один из них в воспоминаниях П. Григоренко (1907 – 1987): «Мы с энтузиазмом воспринимали эти идеи. Они становились нашей верой, нашей религией. Счастье всего народа – вот цель. И ради этой великой цели можно всем пожертвовать, в том числе своей жизнью» [7, 64]. Уникальность Григоренко в том, что он проделал полный «религиозный цикл»: от «детского православия» (1910-е годы) к вызреванию коммунистической религиозности (гражданская война – коллективизация). Полностью оформившаяся религиозность – 1929 год. Затем жизнь верующего коммуниста под давлением массового политического культа, мучительное осознание принципиального несоответствия первого и второго. В 1950-е годы – радостное предчувствие очищения «истинного ленинизма» от «культа личности», вызванное выступлением Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС (1956), и постепенное разочарование. И только после потери коммунистической веры П. Григоренко смог назвать ее – верой, а эту религию – религией.

Из личной веры в коммунизм вытекала особая направленность действий ее носителя, которую мы отнесем ко **второму** основному компоненту коммунистической религии – *соучастию в построении «светлого будущего»*. Коммунистическая религия не принимала созерцательной отрешенности. Качества «настоящего коммуниста» проявляются в общей работе, направленной на переустройство мира. Действенное служение определяется двояким характером представлений о способе наступления коммунизма. С одной стороны, коммунизм – неизбежное будущее человечества. С другой стороны, построение коммунизма – титаническая работа, с которой необходимо справиться. Эффект наступления «светлого будущего» должен был явиться результатом *деятельности* братства трудящихся, а не реализации закона природы. Указанная двоякость не является противоречием: коммунизм для носителей этой религии представлялся *объективно неизбежным, т.к. он имманентен природе людей, составляющих класс, который его построит*. Коммунист не принимает решения об участии или неучастии в этом процессе. Он объективно является коммунистом, поскольку строит коммунизм.

Качества «настоящего коммуниста» проявлялись в двух направлениях его деятельности: в общей работе по построению коммунизма и в напряженной работе над самим собой. Коммунист строит новый мир и строит самого себя. Подобно Божко, персонажу из неоконченного романа А. Платонова «Счастливая Москва» (1932 – 1936), он: обретает грамотность, постигает иностранные языки и труды классиков марксизма, помогает товарищам, создает вокруг себя поле, новую повседневность. Все эти усилия направлены на *приближение* индивида к партии, к особой моральной общине коммунистов. Это **третий** из основных компонентов коммунистической религии – *стремление к достижению индивидом того уровня личного совершенства, который дает ему право стать членом партии*. Отметим именно процессуальный характер, *приближение к партии*,

а не членство как таковое. Формальное членство в партии не рассматривалось в качестве единственной организационной формы существования «настоящих коммунистов». «Беспартийные коммунисты» были членами организаций или групп, окружающих партию как центральный элемент системы концентрических окружностей. Магнит, создающий вокруг себя поле особого притяжения. Можно быть настоящим коммунистом, *еще* не имея партийного билета, но нельзя считаться коммунистом, не имея стремления к его получению. В конечном итоге результатом работы над собой должно было явиться превращение несовершенно человека в личность, достойную жизни в коммунистическом обществе.

Осознание индивидом своего личного несовершенства – важнейший симптом религиозности переживаемых чувств. При всей переплетенности элементов массового культа и коммунистической религии именно этот пункт наиболее очевидным образом способствует их различению. Политический культ не имеет личного измерения, не побуждает к аскетическому подвигу в борьбе с самим собой, не предписывает нравственного воздействия на непосредственное окружение, его функция – установление поклонения лидеру, лозунгам, правящей партии (как политической организации, а не моральной общине), в мобилизации сознания и сплавлении «энергии масс» ради достижения актуальных задач.

Яркий пример презентации коммунистической религии – роман Н. Островского «Как закалялась сталь» (1932). В жизни Павла Корчагина нет места политическому культу: лозунгам, вождям, фетишам. Корчагин – верующий коммунист, отдающий себя революции, достигающий (благодаря личной вере, героическим усилиям, примеру идеального рабочего-коммуниста – Жухрая) высшего уровня чистоты.

Итак, коммунистическая религия складывается из трех основных компонентов: личной веры в коммунизм, участия в деятельности, направленной на его построение, в целенаправленной работе индивида над самим собой. Все остальные элементы этой религии вторичны. Из всего их разнообразия отметим тот, который зачастую ошибочно воспринимается в качестве центрального – культ вождей. Вождизм в советской культуре сыграл особую роль. Он – центральная часть политического культа и второстепенный компонент коммунистической религии.

Подобно тому, как в другой атеистической религии, в буддизме, культ Будды, присутствует, но не является основным, передает не смысл учения, а только иллюстрирует его эпизодами из жизни просветленного, культ вождей никогда не занимал центральную позицию в коммунистической религии, хотя и стал ее символом. Не культ Ленина, а *переживание его смерти*, не сакрализация произведений «классиков», а сакрализация невероятно трудного *процесса изучения* этих произведений, не членство в партии, а *стремление приобщиться к партии* и страх *потери* доверия товарищей объединяли представителей поколения «ровесников века», испытавших религиозный шок, сделавший их коммунистами, в основном в период между 1928 и 1932 годами. Социальная база этого поколения – молодые люди, находившиеся в движении. Вырванные из крестьянского мира или мира рабочих, так и не успокоившиеся (даже несмотря на внешние признаки жизненного успеха) в роли представителей «новой» интеллигенции, партийной номенклатуры или военной элиты. Принадлежность к этому религиозному поколению объединяет фигуры Н. Островского, Н. Хрущева, П. Григоренко и многих других.

Действия политического культа и коммунистической религии на личность имели противоположную направленность. Лояльность, солидарность, конформизм – в одном случае. Индивидуализация через партийную общину, самоусовершенствование, стремление к религиозному подвигу – во втором. В конечном итоге коммунистическая религия стала такой же жертвой тоталитарного политического режима, как и все остальные религии, существовавшие в пространстве СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дюргейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии / Э. Дюргейм // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. – М.: Канон+, 1998. – С. 230-231.
2. Фромм, Э. Психоанализ и религия / Э. Фромм. – М.: АСТ, 2010. – С. 14.

3. Тиллих, П. Избранное. Теология культуры / П. Тиллих. – М., 1995. – С. 240.
4. Бердяев, Н. А. Царство духа и царство кесаря / Н. А. Бердяев. – Париж: YMCA-PRESS, 1951. – С. 123-124.
5. Луначарский, А. В. Религия и просвещение / А. В. Луначарский. – М.: Советская Россия, 1985. – 544 с.
6. Беньямин, В. Московский дневник / В. Беньямин. – М.: Ad Marginem, 2012. – С. 75.
7. Григоренко, П. В подполье можно встретить только крыс / П. Григоренко. – Нью-Йорк: Детинец, 1981. – С. 64.

Рымаренко О. С.
O. S. Rymarenko

АВТОБИОГРАФИИ ВЫДАЮЩИХСЯ ФИЗИКОВ В КОНТЕКСТЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

THE GREAT PHYSICISTS' AUTOBIOGRAPHIES IN THE CONTEXT OF SCIENTIFIC ACTIVITY REPRESENTATION

Рымаренко Оксана Сергеевна – аспирантка Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва). E-mail: roxanas@rambler.ru.

Ms. Oksana S. Rymarenko – a post-graduate student, Russian State University for the Humanities (Russia, Moscow). E-mail: roxanas@rambler.ru.

Аннотация. Статья посвящена репрезентации научной деятельности и научного поля в эго-документах выдающихся немецких ученых лауреатов Нобелевской премии Макса Планка, Макса Борна, Отто Гана и Вернера Гейзенберга и сравнению образов ученых из автобиографий с образами ученых из мира читательской референции, которые создаются текстами различных семиотических систем в массовой культуре. Автобиографии являются гипертекстовыми документами, и читатель прочитывает вместе с образами ученых образ социальных отношений и социальных практик в научном поле конца XIX – первой половины XX вв.

Summary. This article paper is dedicated to the representation of scientific activity and scientific field in the ego-documents by outstanding German physicists, Nobel prize winners Max Plank, Max Born, Otto Hahn, and Werner Heisenberg, and the comparing the images of the scientists which the readers can find in the autobiographies and the images cultivated by mass-culture in the texts written in the different semiotic systems. The autobiographies are the hypertext documents and the reader gets the information about the images of the scientists and the images of the social relationships and social practices in the scientific field from the end of XIX to the first half of the XX centuries.

Ключевые слова: репрезентация научной деятельности, автобиография, мы-группа, диалогичность, гипертекст, Отто Ган, Макс Планк, Макс Борн, Вернер Гейзенберг, образ учёного.

Key words: representation of scientific activity, autobiography, we-group, dialogueness, hypertext, Otto Hahn, Max Planck, Max Born, Werner Heisenberg, image of scientist.

УДК 001-057.4:165.4

Проблемы создания положительного образа научной деятельности и ученых остро встали в XX в., когда в общественном сознании наряду с эйфорией по поводу всесия науки нарастали антисциентистские настроения. Дискуссии между сторонниками сциентизма и антисциентизма нашли отражение в массовой культуре, где наиболее эксплуатируемым образом учёного, стал учёный-монстр, гений, не задумывающийся о последствиях своей деятельности [9, 62]. Люди науки вовлекались в обсуждение роли естествознания в разных форматах, в частности через такой популярный литературный жанр, как эго-документы. Для кинематографистов, писателей, журналистов автобиографии являются источником цитат и вдохновения при создании персонажей конкретных ученых и собирательных образов. В фокусе данного исследования – автобиографии немецких ученых («Научная автобиография» Макса Планка, «Автобиографические заметки» Отто Гана, «Моя жизнь и мои взгляды» Макса Борна и «Часть и целое» Вернера Гейзенберга) – обладателей Нобелевской премии, чья творческая активность пришлась на конец XIX – первую половину XX вв. Проанализируем образ социального поля ученых и научной деятельности, которые создают М. Планк, О. Ган, М. Борн и В. Гейзенберг, вступая друг с другом в диалог посредством текстов.

Макс Планк – основатель теоретической и квантовой физики, начавший научную карьеру в конце 1870 г., получал образование в реформированной университетской системе Германии, одной из особенностей которой была мобильность студентов. «Научное сообщество олицетворяло

именно межуниверситетские связи» [1, 226], что дало ему возможность обучаться в Мюнхене и в Берлине, где он слушал самих Гельмгольца и Кирхгофа. Тогда науку рассматривали как базу для проведения прикладных исследований, а диссертация Планка была посвящена теоретическим вопросам, поэтому после защиты он «напрасно ждал приглашения в профессию, на что, конечно, было мало шансов, так как теоретическая физика тогда еще не была отдельным предметом» [7, 627].

Для того чтобы попасть в социальное поле ученых и получить признание, накопленных Планком научного и социального капиталов не было достаточно из-за высокой конкуренции в научном поле – «поле с высокой степенью автономии» [5, 479]. Поэтому Планк занялся накоплением символического капитала через написание работы на премию Гёттингенского философского факультета и воспользовался социальным капиталом отца, профессора права в Кильском университете, – его связями в научном мире. Выбранная стратегия принесла плоды, и Планк в 1892 г. стал ординарным профессором кафедры теоретической физики Берлинского университета: «Это были годы, в течение которых я испытал, пожалуй, сильнейшее расширение всего своего научного кругозора ... я непосредственно общался с людьми, занимавшими тогда ведущее положение в мировых научных исследованиях» [7, 628].

Планк был уже маститым ученым с мировым именем, когда первые шаги в науке начал делать Макс Борн. Его отец был профессором анатомии Бреславльского университета, и хотя Борн не пишет, пользовался ли он символическим капиталом своего отца намеренно, с детства он был знаком с учеными, совершившими открытия в разных областях естествознания. Несмотря на то что со времен университетов Планка прошло почти 30 лет, студенты по-прежнему были мобильны: Борн слушал лекции знаменитых ученых в разных университетах, в том числе Дж. Дж. Томсона (см. прим. 1) в Кембридже, чьи «лекционные демонстрации ... были великолепны и впечатляющие» [3, 9]. Социальные связи, установленные Борном в университетские годы, дали возможность после получения диплома работать с лучшими учеными, в том числе с Планком: Борн «получил профессию в Берлине, чтобы облегчить Планку бремя его преподавательской деятельности» [3, 10], а затем был переведён во Франкфурт на должность директора Института теоретической физики.

Проникновение в социальное поле учёных у Вернера Гейзенберга, несмотря на другой социально-политический контекст, развивалось по схожему с Планком и Борном сценарию: его семья относилась к научной элите – отец Гейзенберга был профессором средневековой и современной греческой филологии в университете Вюрцбурга, в их доме «царила научная атмосфера» [3, 3]. Именно отец устроил встречу Гейзенберга-школьника с одним из основоположников квантовой механики А. Зоммерфельдом, ведущего переписку с Планком, и на семинарах у которого Гейзенберг познакомился с В. Паули, будущим лауреатом Нобелевской премии, обсудив с ним при знакомстве квантовую гипотезу Планка.

Поступив в Мюнхенский университет, Гейзенберг посетил в Гёттингене лекции Нильса Бора по атомной теории, где встретился с Борном, а выдвинутые возражения Бору во время лекции стали началом дружбы с выдающимся датчанином. С новой сетью связей, увеличив свой символический и научный капитал, вдохновленный Гейзенберг возвращался в Мюнхен: «Так передо мной блеснуло будущее, полное новых надежд и возможностей» [6, 173]. В том же году Гейзенберг посетил лекцию А. Эйнштейна в Лейпциге, а в период с 1923 по 1925 гг. защитил дипломную работу и, продолжая увеличивать свой научный и социальный капитал, работал ассистентом Бора и Борна, о чем Борн вспоминал: «В лице своих первых двух ассистентов – Вольфганга Паули и Вернера Гейзенберга – я имел энергичнейших и исключительно квалифицированных сотрудников, каких только можно себе представить» [3, 15]. Когда в 1926 г. Гейзенберг получил приглашение выступить на физическом коллоквиуме в Берлинском университете, который «считался тогда оплотом физической науки в Германии ... Здесь Планк открыл квантовую теорию ... Эйнштейн сформулировал общую теорию относительности и теорию гравитации» [6, 191], он уже занял свое место в социальном поле ученых, занимающихся новой дисциплиной, – квантовой механикой, а в начале следующего года сформулировал знаменитый принцип неопределённости, названный его именем (см. прим. 2).

Отто Ган – единственный из рассматриваемых нами ученых, чей отец не входил в поле науки – он был из среды предпринимателей. Интерес к химии Ган проявил ещё в школе и в старших классах посещал вечерние лекции по органическим пигментам в Физическом Обществе Франкфурта. С середины XIX в. промышленность Германии была тесным образом связана с научно-исследовательскими лабораториями, изобретения очень быстро внедряли в производство, поэтому лаборатории были оторваны от университетов, их сотрудники образовывали свое социальное поле, численность которого росла с ростом экономической мощи Германии. Специалисты в химии пользовались большим спросом, поэтому Ган в 1897 г. поступил в Марбургский университет и, не имея намерения стать ученым, сконцентрировался на химии. В рамках научного турне он провел несколько семестров в Мюнхене, где, среди прочих, слушал курсы Нобелевского лауреата А. фон Байера по органической химии. Защитив диссертацию в 1901 г., Ган претендовал на должность химика одного из предприятий химической промышленности, но по условиям нанимателя специалист должен был прожить какое-то время в другой стране и владеть иностранным языком. Поэтому научный руководитель рекомендовал Гана главе Института химии Лондонского университета, будущему Нобелевскому лауреату сэру У. Рэмзи. В Лондоне Ган увлекся научной работой и открыл новый радиоактивный элемент, назвав его радиоториум (см. прим. 3). Рэмзи посоветовал Гану не уходить в промышленность, а продолжать заниматься в Берлинском, «самом значительном из университетов» [10, 20], новой перспективной областью – радиохимией.

Вдохновленный успехом Ган продолжил работу у лучшего в этой области – у Э. Резерфорда в Монреале. Вспоминая пребывание в Лондоне, Ган называет себя счастливым, указывая, что изменение его жизненного пути произошло из-за того хорошего впечатления, которое он произвел на Рэмзи, и из-за попадания в самое начало развития радиохимии. Несмотря на опыт работы у Рэмзи и Резерфорда, Ган определяет стартовой точкой научной карьеры Германию, куда вернулся после почти годовой работы в Канаде, где открыл новый радиоактивный элемент. Несмотря на уже накопленный солидный социальный и научный капитал, он сомневался: «Смогу ли я утвердиться в новой области дома без превосходного руководства со стороны Резерфорда и без помощи старших коллег?» [10, 23]. Начинаящему ученому снова помог маститый коллега – при содействии лауреата Нобелевской премии Э. Г. Фишера Отто Ган получил в Институте химии Берлинского университета в свое распоряжение лабораторию, которая не была предусмотрена штатным расписанием.

Таким образом, для того чтобы войти в социальное поле ученых, наши герои должны были накопить достаточный социальный, символический и научный капитал. Однако заработанный однажды научный авторитет, а с ним и социальная власть, были недостаточны, чтобы продолжать находиться в научном поле, так как «группа, обеспечивающая признание, постоянно ... стремится ограничиться совокупностью учёных, т.е. соучастников» [5, 474], и должна постоянно доказывать, что те, кто вошел в группу, лучше кандидатов. Каждый из ученых продолжал работать в выбранной области, стремясь получить «более существенную символическую выгоду» [5, 477], и постоянно встречался с трудностями принятия своей точки зрения. Планк, несмотря на высокую должность и всемирную известность, называл свое положение «не совсем легким» [7, 629], ему казалось, что коллеги считают его «в сущности, ненужным человеком» [7, 629], так как он «был среди всех физиков единственным теоретиком, до некоторой степени физиком *sui generis*» [7, 629]. Планк сетовал: «Горьким испытанием в моей научной жизни являлось то, что лишь изредка мне удавалось, а точнее – никогда не удавалось, получить всеобщее признание какого-нибудь нового утверждения, правильность которого я мог доказать совершенно строго, но только теоретически» [7, 630]; еще сложнее было противоречить маститым ученым: «Ведь нельзя было выступать против таких авторитетов, как В. Оствальд, Г. Гельм, Э. Мах» [7, 630]. И, конечно же, самые серьезные удары Планку приходилось держать, когда он доказывал существование кванта: «Мои тщетные попытки как-то ввести квант действия в классическую теорию продолжались в течение ряда лет и стоили мне немалых трудов. Некоторые из моих коллег усматривали в этом своего рода трагедию» [7, 635].

Борн рассказывает об острых спорах с Эйнштейном, о том, что против его идеи выступали «такие крупнейшие учёные, как Планк, Эйнштейн, де Бройль и Шрёдингер, которые были лидерами на первом этапе развития квантовой теории» [3, 17]. Споры ученых с Эйнштейном, который ранее сам столкнулся с неприятием своих теорий, очень показательны: друг Эйнштейна Пауль Эренфест, физик из Лейдена в Голландии, сказал: «Эйнштейн, мне стыдно за тебя; ведь ты споришь против новой квантовой теории теперь точно так же, как твои противники против теории относительности». Но и это «дружеское увещание не смогло убедить Эйнштейна» [6, 207], – вспоминал Гейзенберг, чьи теории Эйнштейн называл чушью.

Несмотря на то что каждый из ученых сталкивался с трудностями понимания своей точки зрения, каждый в свою очередь поддерживал существующую систему конкуренции даже внутри квантовой физики, в которой Планк, Борн, и Гейзенберг были пионерами. Рассуждая о причинах непонимания между коллегами, Гейзенберг писал, что для принятия нового «надо ещё и изменить саму структуру мышления. К этому многие явно не расположены или не готовы» [6, 198], и этот тезис отсылает нас в область философии.

Мы знаем многих представителей естественно-научного поля, ставших профессиональными философами; Планк, Борн и Гейзенберг занимались философией со времен студенчества. Планк увеличил свой символический капитал, разобрав «проблему о сущности энергии, поставленную Гёттингенским философским факультетом» [7, 627], Борн посещал лекции Гуссерля в Гёттингене – оба ученых охотно предаются философским размышлениям в своих автобиографиях; а Гейзенберг вынес название науки всех наук в заглавие своего эго-документа, назвав его «Физика и философия». Приход каждого из ученых в естественные науки начался с желания ответить на философские вопросы, с желания найти законы мира, и очевидным путем в этом направлении казались занятия физикой. Планк писал: «Внешний мир представляет собой нечто не зависящее от нас, абсолютное, чему противостоим мы, а поиски законов, относящихся к этому абсолютному, представляются мне самой прекрасной задачей в жизни ученого» [7, 625]. В свою очередь Борн признавался: «Философская сторона науки интересовала меня больше, чем специальные результаты» [3, 8], оксфордские лекции 1948 г. Борн опубликовал под названием «Натуральная философия: причины и случаи», попытавшись «сформулировать философские идеи о науке» [3, 20].

Гейзенберг еще школьником предавался размышлениям о мельчайших частицах, читая на древнегреческом платоновский диалог «Тимей» и испытывая желание постичь строение атома: «Важнейшим результатом того чтения явилась, пожалуй, убежденность, что если мы хотим понять материальный мир, то должны знать что-то о его мельчайших частях» [6, 144]. И уже позже, принимая решение о будущей специальности, он поднял философские вопросы при знакомстве с Зоммерфельдом, получив ответ: «Понимаю Вашу увлечённость проблематикой теории относительности; современная физика и в других областях проникает в сферы, где под вопрос ставятся основные философские установки и где, стало быть, речь идет об открытиях самого волнующего рода» [6, 150].

В связи с прикладными аспектами открытий и теорий ученые в автобиографиях рефлексировали над проблемой ответственности. Борн до 1951 г. верил, что точные науки предпочтительнее «более субъективных способов формирования картины мира – философии, поэзии, религии. Я даже думал, что ясный и однозначный язык науки должен представлять собой шаг на пути к лучшему пониманию между людьми. ... И хотя в своей области физики всех стран хорошо понимали друг друга, они явно ничего не сделали для лучшего понимания народов, а, напротив, лишь помогли изобрести и применить самые ужасные орудия уничтожения» [4, 7]. Несмотря на такую критическую оценку, мы знаем, что многие ученые занимали активную гражданскую позицию.

Гейзенберг в этом аспекте был очень эмоционален, называя Германию с момента прихода к власти национал-социалистов, миром недоверия, годами невыносимого одиночества, временем унижения. Он воспроизводит диалог с Планком 1930 г., в котором они обсуждали безнравственность установившегося режима, изгнание [6, 268] физиков-евреев из Германии, намерение Лейпцигских учёных, в том числе Гейзенберга, отказаться от профессуры в знак протеста, и убежденность Планка в том, что такой поступок ничего уже не изменит, а также встречу Планка с Гитле-

ром: «Просто не существует языка, на котором вообще можно было бы добиться взаимопонимания с таким человеком ... ибо он одержим так называемыми идеями, недоступен никаким разумным внушениям и приведет Германию к чудовищной катастрофе» [6, 269]. Гейзенберг принял решение не эмигрировать, согласившись с Планком, что надо «создать островки устойчивости, сплотить молодых людей и по возможности провести их через катастрофу живыми и невредимыми» [6, 272].

Ученый также касается темы атомного оружия, вспоминая разговор с лордом Резерфордом и Бором, когда они сошлись во мнении, что «разговоры о применении энергии атомного ядра – полная чушь» [6, 276], и делает отсылку к О. Гану: «Никто из нас не подозревал тогда, что уже через несколько лет открытие расщепления ядра урана Отто Ганом в корне изменит ситуацию» [6, 276]. В 1938 г. Гейзенберг узнал от Гана о возможности расщепления ядра атома и в 1939 г. обсуждал с Э. Ферми (см. прим. 4) опасность получения цепной реакции, т.к. это приведет к созданию атомного оружия. Немецкие ученые, в числе которых были и Гейзенберг, и Ган, были в плену, когда поступила информация о взрывах бомб над японскими городами: «Потрясенный и разбитый, Ган ушел в свою комнату, и мы серьезно опасались, что он что-то сделает с собой» [6, 307], «даже в Германии при всяком удобном случае Ган высказывался за применение расщепления урана лишь в мирной атомной технике, идею военного применения он всегда отвергал и осуждал. Но ясно, что на развитие дел в Америке он никакого влияния оказать не мог» [6, 309]; физики обсуждали степень вины индивидуального ученого в случившейся трагедии, и Гейзенберг был уверен, что «историческое развитие ставит данного индивида на решающее место, и ему остается только выполнить заданную ему задачу; больше ничего. Возможно, он достигнет тем самым большего влияния на дальнейшее использование своего открытия, чем другие» [6, 309].

Некоторые из ученых считали, что вина может быть возложена на изобретателя, который, используя открытия, намеренно создает оружие, но и в этом случае проблема не может быть решена однозначно, ведь изобретатели, создававшие атомную бомбу, были уверены, что этим они предотвратят еще бóльшую катастрофу. В словах Гейзенберга об атомной бомбе и американских физиках чувствуется некоторое облегчение: «По-видимому, в данном конкретном случае нам просто больше повезло, чем нашим друзьям по ту сторону океана» [6, 313]. Тем не менее Гейзенберг, как, по-видимому, и Планк, и Ган считали ошибкой со стороны американских физиков отойти от политики, поэтому по окончании Второй Мировой войны Планк, которому было почти 90 лет, начал трудиться над созданием организации – координатора научных исследований в Германии. После кончины Планка председателем общества, названного Обществом Макса Планка, работал Отто Ган, а Вернер Гейзенберг стал его активным членом и хотел «добиться для науки определённого права на инициативу в общественных делах» [6, 316], использование «естественнонаучного мышления» [6, 316] с целью уменьшения влияния эмоций на принятие решений на политической арене. Итак, мы видим, что каждый из ученых не только считал, что несет ответственность за политическую ситуацию в мире, но и действительно играл важную социальную роль в жизни общества.

Диалогичность эго-документов четверых ученых проявляется и в том, что каждый считает необходимым упомянуть о своем интересе в «гуманитарно-художественной» [6, 135] области. Ган, будучи студентом, лекции по химии посещал не регулярно: «Вместо них я ходил на лекции по искусству, истории искусства» [10, 20]. Особые отношения у ученых-теоретиков сложились с музыкой: Борн играл с Эйнштейном скрипичные сонаты; Гейзенберг играл концерты и с Эйнштейном, и с Планком, который был прекрасным пианистом: «Мне посчастливилось снять для своей семьи дом в непосредственной близости от жилища Планка ... вечерами он иногда заходил к нам в дом, когда мы занимались камерной музыкой» [6, 314]. Филология была ещё одним важным для физиков занятием: Борн и Гейзенберг читали на древнегреческом, Планк хотел заниматься классической филологией.

Все ученые, попавшие в поле нашего исследования, принадлежат к одному социальному полю, и каждое из «Я» ученого связано с «Мы-группа» – тексты находятся в диалоге и можно наблюдать перекрестные референции между ними. В своих автобиографиях ученые создают привлекательный образ научной деятельности: наука для них – это возможность «разыскать то абсо-

лютное» [7, 635], которое составляет законы мира, способ получения философского удовлетворения от раскрытия сокровенных тайн природы, так как «теоретическая физика есть подлинная философия» [2, 36], возможность находиться в общении, так как «наука возникает в диалоге» [6, 135]; это – творчество, в тоже время и большая ответственность, что подчеркивает каждый из них. Таким образом, мы видим несоответствие автобиографических образов ученых с образами ученых, созданными в массовой культуре, в которой одинокий человек науки представляет свою деятельность как единственно возможную цель, достижение которой оправдывает все средства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бен-Дэвид, Д. Роль учёного в обществе / Д. Бен-Дэвид. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 344 с.
2. Борн, М. Моя жизнь и взгляды / М. Борн. – М.: Прогресс, 1973. – 176 с.
3. Борн, М. Размышления и воспоминания физика / М. Борн. – М.: Наука, 1977. – 260 с.
4. Борн, М. Физика в жизни моего поколения / М. Борн. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. – 536 с.
5. Бурдьё, П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдьё. – СПб.: Алетейя, 2005. – 576 с.
6. Гейзенберг, В. Физика и философия. Часть и целое / В. Гейзенберг. – М.: Наука, 1989. – 400 с.
7. Планк, М. Научная автобиография / М. Планк // Успехи физических наук: вып. 4 – М.: Редакция журнала УФН, 1958. – Т. 64. – С. 624-637.
8. Фолта, Я. История естествознания в датах / Я. Фолта, Л. Новы. – М.: Прогресс, 1987. – 495 с.
9. Bell, D. Science, Technology and Culture / D. Bell. – Open University Press, 2005.
10. Hahn, O. Autobiographical notes / O. Hahn // Bulletin of the Atomic Scientists. March, 1967. – pp. 19-24.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дж. Дж. Томсон (1856 – 1940 гг.) – английский физик, лауреат Нобелевской премии по физике 1906 г.
2. Речь идет о принципе неопределенности Гейзенберга.
3. Изотоп тория *Th*.
4. Именно Э. Ферми построил первый ядерный реактор и сделал возможным управление цепной реакцией.

Шунейко А. А.
A. A. Shuneyko

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО ТЕРРИТОРИИ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

INFORMATION SPACE OF KHABAROVSK TERRITORY

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. 8 (4217) 52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru.

Mr. Alexander A. Shuneyko – Dr. of Philology, Associate Professor, Professor, Linguistics and Cross-cultural Communication Department, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin St.; tel. +7 (4217) 529818. E-mail: shuneyko@knastu.ru.

Аннотация. В статье рассматривается информационное пространство территории Хабаровского края как коммуникативное образование, состоящее из ориентированной на жителей края информации. По результатам исследования делается несколько выводов. Устанавливаются три характеристики, совмещение которых позволяет говорить о том, что конкретный сегмент информации относится к конкретной территории. Выявляется, что информационное пространство определённой территории как целостный объект не существует, представляет собой совокупность разрозненных сегментов, которые распределены в общих информационных потоках. Констатируется, что удельный вес сегментов информации, относящихся к конкретному территориальному образованию, в соотношении с общими информационными потоками мал.

Summary. The article considers the information space of Khabarovsk Territory as a communicative sphere consisting of information oriented to the inhabitants of the region. Based on the results of the study, several conclusions are drawn. Three characteristics are established. The combination of these characteristics allows us to say that a specific segment of information refers to a specific territory. It is revealed that the information space of a certain territory as an integral object does not exist, it is a collection of disparate segments that are distributed in general information flows. It is ascertained that the specific weight of information segments related to a particular territorial formation in relation to the general information flows is small.

Ключевые слова: информационное пространство территории, Хабаровский край, темы.

Key words: information space of the territory, Khabarovsk Territory, topics.

Исследование проведено при поддержке Правительства Хабаровского края. Договор № 192/2017 Д от 19.06.2017 о предоставлении гранта на проведение научных исследований в области гуманитарных и общественных наук.

УДК 654.19:002.2(571.62)

Современные исследователи СМИ устойчиво с различными целями и установками проводят анализ информационных пространств различных территорий (далее – ИПТ), совмещая границы ИПТ с государственными и внутригосударственными территориальными границами. В силу этого существование ИПТ по умолчанию признаётся очевидным и не требующим каких-либо специальных доказательств. Но вопрос о том, насколько серьёзно и содержательно верно в начале XXI века можно говорить об ИПТ Хабаровского края, равно как и любой другой территории, является не таким уж простым, ответ на него, если учитывать особенности коммуникации, далеко не очевиден.

В традиционном представлении ИПТ X (икс) является совокупность информации, которая отвечает следующим характеристикам: 1. Получает материальный носитель (издаётся, производится) на территории X. 2. Является продуктом происходящих на территории X событий. 3. Предназначается для проживающих на территории X людей. Эти характеристики внутренне членимы, так как предполагают детализацию. Исследователи, как правило, при идентификации ИПТ обходятся первой. Но даже их общее использование не даёт ясной картины.

Механическое использование первой характеристики, то есть простое совмещение границ ИПТ с границами определённой (всё равно какой) территории упускает из виду тот очевидный факт, что любые границы всегда проницаемы, а в современном мире мера их проницаемости такова, что приводит к их полному стиранию. Аналогично и с двумя другими характеристиками.

Чтобы было понятно, о чём идёт речь, обратимся к трём примерам, которые существенно отстоят друг от друга практически по всем исходным параметрам упоминаемых в них объектов.

Первый пример. С 1857 по 1867 год А. И. Герцен и Н. П. Огарёв издают в «Вольной русской типографии» на русском языке газету «Колокол». Попытки осуществить более или менее строгую топографическую привязку этого издания, то есть определить, к какому в пространственном отношении ИПТ оно принадлежит, сталкиваются с существенными сложностями: 1. «Колокол» издаётся, то есть информация получает материальный носитель в Великобритании. В экономическом, политическом, цензурном и других отношениях он связан с ИПТ Великобритании. 2. «Колокол» отражает события, происходящие главным образом в России. Большинство его корреспондентов живёт в России, но при этом наибольший удельный вес материалов принадлежит А. И. Герцену, который живёт в Лондоне. 3. «Колокол» предназначается для людей, проживающих на территории России, но не только. Издание является аккумулятирующим центром, собирает информацию из разных стран, распространяет её в разных странах, при этом печатается на русском языке и имеет установку на стирание государственных границ.

По сложности определения отнесённости к конкретному ИПТ легендарная газета «Колокол» вовсе не исключение. Она, скорее, демонстрирует общее правило, которое в различных вариациях устойчиво проявляется в современном мире.

Второй пример. В 2011 году живописец и поэт А. С. Трипольский издаёт в Комсомольске-на-Амуре на русском языке журнал «Огни Комсомольска» (вышло три номера). Попытки осуществить более или менее строгую топографическую привязку этого издания, то есть определить, к какому в пространственном отношении ИПТ оно принадлежит, не менее сложны, чем в случае с «Колоколом», хотя по характеру публикаций и направленности два эти издания полностью противоположны: 1. Журнал «Огни Комсомольска» издаётся в Комсомольске-на-Амуре, то есть информация приобретает материальный носитель в ИПТ Хабаровского края. 2. Не более 25 % от общего количества материалов отражают события, происходящие в Комсомольске-на-Амуре, а 75 % – это информация, которая касается любых точек планеты в их различных природных и социальных проявлениях. При этом у материалов отсутствует формально выраженное авторство, что можно считать проявлением честности со стороны издателя, который активно черпает их из общедоступных источников. 3. Журнал «Огни Комсомольска» формально адресуется жителям Комсомольска-на-Амуре, но характер его информационного содержания не позволяет говорить о наличии какого-либо локализованного адресата. Перед нами, как и в первом случае, аккумулятирующий центр (естественно, не того уровня, что «Колокол»), который собирает информацию где угодно и адресует её неопределённому читателю, условно говоря, в равной мере может быть интересен или не интересен любому человеку, владеющему русским языком.

Третий пример характеризует гораздо более сложные механизмы пространственного распространения информации, которые лежат в основании отмеченного первым и вторым примером действительного положения дел. В. И. Даль в своих художественных произведениях неоднократно останавливается на вопросах распространения информации. Так, в опубликованной в 1839 году повести «Бедовик» содержится показательное рассуждение: «<...> на рынке знали иногда такие вещи, которые происходили накануне за пятьсот или тысячу верст <...> Каким образом это делается – объяснить не умею».

В этом случае все три характеристики отнесения информации к определённому ИПТ вообще теряют смысл, поскольку предполагают только самые общие ответы: неизвестно и неопределённо. Проницательный филолог, всю свою жизнь посвятивший сбору и осмыслению информации, еще в начале XIX века понимал, что распространение информации не ограничивается материальными носителями и подчиняется законам самоорганизации.

Информация всегда мобильна, её авторство всегда относительно, её пространственная привязка всегда временна. Но объёмы информации могут задерживаться в определённых территориальных границах, зависеть, актуализироваться или отмечаться в них. И только в смысле этих фиксированных задержек можно говорить об ИПТ Хабаровского края. При этом формальными показателями принадлежности информации именно к данному ИПТ можно считать случаи, когда по крайней мере две из перечисленных выше трёх характеристик прямо или косвенно связаны с определённой территорией.

При этом необходимо отметить, что и в случаях, когда две характеристики свидетельствуют о принадлежности к ИПТ, наблюдается масса объектов с размытой принадлежностью. Это касается в первую очередь интернета, издания центральных газет с региональными вкладками, распространения рекламной продукции, которое, в принципе, имеет весьма относительную территориальную привязку, издания научной продукции, издания нормативных документов, издания художественных текстов.

То есть приходится признать существование в чём-то парадоксальной ситуации: вся информация, циркулирующая на территории Хабаровского края, имеет отношение к ИПТ Хабаровского края. Но при этом существенная часть этой информации имеет отношение не только к ИПТ Хабаровского края, какая-то часть к ИПТ Хабаровского края не имеет отношения вообще, и далеко не вся эта информация характеризует ИПТ Хабаровского края как особенный объект, обладающий некоторыми специфическими свойствами.

Отдельное место занимает вопрос о качестве или достоверности информации. Например, в 1946 – 1947 годах вышел лживый по идеологическим установкам и фактическому содержанию, беспомощный в художественном отношении роман В. Н. Ажаева «Далеко от Москвы», в котором подневольный труд заключённых был подменён свободной вдохновенной работой. В конце XX – начале XXI века публикуется серия книг историка и краеведа М. А. Кузьминой, в которых раскрывается правда о характере и участниках так называемых коммунистических строек. Вне зависимости от качества информации тексты обоих типов могут иметь непосредственное отношение к ИПТ.

К ИПТ могут иметь отношение не только вербализованные тексты, но и изображения. Существующие и продуцируемые изображения с точки зрения отнесённости к конкретной территории неоднородны. Здесь проявляются те же характеристики. Например, инстаграм конкретного лица, проживающего в Хабаровском крае, во-первых, не обязательно и всегда является продуктом происходящих именно в крае событий, а во-вторых, в большинстве случаев адресован не только жителям края.

Общие объёмы информации в настоящее время по различным причинам подсчёту не поддаются. Считать можно только удельный вес тем в том или ином источнике. Но это достаточно надёжное свидетельство хотя и не даёт абсолютных цифр, позволяет делать содержательные заключения [1; 2].

Всё сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что ИПТ Хабаровского края как целостного объекта не существует. Оно представлено в качестве отдельных не связанных друг с другом включений в общие информационные потоки, не имеющих никакой конкретной территориальной привязки.

Проведённые подсчёты, осуществлённые на базе тематического анализа срезом различных функциональных стилей и источников, позволяют сделать вывод: количество информации, которая может быть отнесена к ИПТ Хабаровского края в общем объёме так или иначе транслируемой на территории края информации, составляет не более 15 %.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чибисова, О. В. Газеты как компонент информационного пространства Хабаровского края / О. В. Чибисова // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2017. – № III-2(31). – С. 73-78.
2. Шульгина, И. А. Характеристика интернет-ресурсов в информационном пространстве Хабаровского края / И. А. Шульгина, А. А. Шунейко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2017. – № III-2(31). – С. 79-84.

Мальцева Е. А.
E. A. Maltseva

АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБРАЗ РОССИЙСКИХ ВОКЗАЛОВ

THE ARCHITECTURAL IMAGE OF RUSSIAN STATIONS

Мальцева Елена Александровна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры «Философия и культурология» Сибирского государственного университета путей сообщения (Россия, Новосибирск); 630049, г. Новосибирск, ул. Д. Ковальчук, 191; тел. 8(383)328-04-54. E-mail: eamaltseva@yandex.ru.

Ms. Elena A. Maltseva – PhD in Arts, Associate Professor, Philosophy and Cultural Studies Department, Siberian State University of Communications (Russia, Novosibirsk); 630049, Novosibirsk, ul. D. Kovalchuk, 191; tel. 8 (383) 328-04-54. E-mail: eamaltseva@yandex.ru.

Аннотация. Объектом исследования выступает железнодорожный вокзал, предметом – его архитектурный образ. В статье прослеживается эволюция архитектурного образа российского вокзала с момента проектирования первых вокзалов до строительства современных железнодорожных станций. Первые российские вокзалы задумывались как центры для увеселения публики. Постепенно задача архитекторов менялась и усложнялась. Основной становилась идея функциональности здания, при этом рождались образы вокзала-портала, арки, вокзала-дворца. Современный вокзал – это многофункциональный комплекс, осмысленный в духе современной бионической архитектуры.

Summary. The target of research is the railway station; the scope is its architectural image. The article traces the evolution of the architectural trends of the Russian stations from the design of the very first stations to the construction of modern ones. The first Russian stations were conceived as public entertainment centers. Gradually the problem of architects changed and became more complicated. The main idea was the functionality of the building, at the same time images of the station-portal, the arch, the station-palace were born. The modern station is a multifunctional complex, meaningful in the spirit of modern bionic architecture.

Ключевые слова: художественная культура, архитектура, архитектурный образ, железная дорога, вокзал.

Key words: art culture, architecture, architectural image, railway, railway station.

УДК 008:725.31

История железной дороги тесно связана с историей художественной культуры. Во всех видах искусства в XIX – XXI вв. создавались и продолжают создаваться многочисленные произведения, создающие её образ, железная дорога стала источником вдохновения для большого числа писателей, поэтов, живописцев, скульпторов, музыкантов, режиссеров, архитекторов [9; 11]. Правда, когда речь идёт об архитектуре, о вдохновении мы часто говорим во вторую очередь. Строительство тех или иных зданий начинается с решения практической задачи. Такой важной задачей в ходе строительства железных дорог было возведение технических и общественных сооружений, необходимых для обеспечения её работы. Несомненно, наиболее ярким и многоликим типом железнодорожных построек является вокзал – сложное, многофункциональное сооружение, внутри и вокруг которого концентрируется жизнь железной дороги. Отсюда происходит управление процессами перевозок, здесь концентрируется информация, организуется работа персонала и пребывание пассажиров. Строительство вокзалов является сложной и интересной задачей для архитекторов. Как совместить функциональность и эстетичность? Как придать объекту образность и выразительность? Как передать идею, и какую идею? Данные проблемы в разные эпохи решались по-разному.

Изучению истории строительства российских вокзалов, их влияния на градостроительство, стилистическому анализу отдельных зданий посвящено достаточно много исследовательских трудов отечественных специалистов. Авторы работ, посвящённых стилистическим проблемам в искус-

стве XIX – XX вв., обязательно дают характеристику вокзалов, построенных выдающимися зодчими и являющихся яркими образцами того или иного стиля. Исследования развития архитектуры данного периода содержат описания некоторых вокзальных сооружений. Целый ряд работ посвящен вопросам проектирования железнодорожных вокзалов, выявления их градообразующей роли.

К анализу вокзалов с точки зрения их образного решения обращались немногие специалисты. Из отечественных исследований назовём работы И. Г. Явейна [21; 22; 23] и В. М. Батырева [4], ярких теоретиков и практиков транспортной архитектуры. Исследования данных авторов дают полную и глубокую характеристику эволюции вокзальной архитектуры, в числе прочего затрагивающую и проблему архитектурного образа, но данная проблема не является основной для авторов. Кроме того, работы изданы в 1960-1980-х гг. В последующие десятилетия строительство вокзалов продолжалось, здания приобрели новые формы, воплотили новые образы, а значит, вполне достойны научного осмысления, включения в общий ряд эволюции железнодорожного вокзала.

Современные исследования довольно разнообразны, часть авторов, обращаясь к теме железнодорожного вокзала, разрабатывает проблему изучения и сохранения историко-культурного наследия вокзальных комплексов отдельных регионов [2; 3; 12; 14], опубликован целый ряд работ, посвящённых отдельным сооружениям [1; 6; 15; 16; 19], проводится анализ типологии железнодорожных вокзалов [13]. Однако теме образности железнодорожного вокзала не уделено значительного внимания.

Сам термин «архитектурный образ» не очень распространен в исследовательской литературе, однако ряд авторов употребляет его и дает ему характеристику. Так, А. В. Иконников в монографии «Функция, форма, образ в архитектуре» раскладывает образ в архитектуре на «образ-замысел», «образ-восприятие» и «образ-процесс» и указывает на то, что наиболее значительную роль в формировании архитектурного образа играют знаки и символы «языка» архитектуры [7, 135]. Современный автор Е. А. Бирюкова посвящает свою работу установлению содержания данного термина и приходит к выводу о том, что «архитектурный образ является не только образом художественным, но и образом культурным, образом национально-эстетическим, образом глобально отражающим национальные, культурные предпочтения через эстетические понятия и категории» [5].

Опираясь на подход данных авторов к пониманию термина, обозначим основные этапы эволюции архитектурного образа железнодорожного вокзала в России, выделим ключевые образные характеристики.

История появления вокзалов в России начинается со строительства Царскосельской железной дороги. Одной из задач строительства «воксала» в Павловске было увеличение пассажиропотока. Публику привлекали возможностью приятного отдыха на лоне природы, различными увеселениями, такими как балы, маскарады, танцы, концерты. Центром развлечений и должен был стать «воксал», построенный по проекту архитектора А. И. Штакеншнейдера (см. рис. 1). О конструкции здания Ф. А. фон Герстнер в одном из писем пишет: «Здание строится полукружием на протяжении 350 футов и состоит из круглого зала 35 фут в поперечнике, из большага зала, коего одна ось имеет в длину 119, другая 63 фута: этот зал предназначается для балов, концертов и вместе столовою; по сторонам два меньших зала, длиною в 35 фут, шириною в 21 фут; далее 3 зимних сада, в обоих флигелях 40 жилых комнат для найма и 12 комнат для хозяина гостиницы с прислугою» [18]. Как видим, здание проектировалось для решения не столько транспортных задач, сколько эстетических. Соответственно, создавался образ праздничного заведения, лёгкого и светлого. В здании должно было поселиться искусство, и это произошло.

Открытие вокзала состоялось 22 мая 1838 г., а уже 5 января 1839 г. сюда был приглашен профессиональный оркестр под управлением Й. Германа. В набравшем популярность зале выступали известные музыканты – вокалисты, инструменталисты, концертные программы постепенно теряли увеселительный характер, здесь можно было услышать лучшие классические произведения в исполнении величайших мастеров. Достаточно перечислить имена лишь некоторых из них (А. К. Глазунов, Р. М. Глиэр, Ф. И. Шаляпин, Л. В. Собинов, С. С. Прокофьев), чтобы понять: Павловский вокзал в XIX в. стал одним из центров петербургской музыкальной жизни, своего рода филармонией.

Здание вокзала в Царском Селе строилось по проекту архитектора Г. Фоссати с той же целью, что и в Павловске, здесь также некоторое время проводились танцевальные вечера и концерты, но большого признания они не получили и постепенно прекратились. Облик же вокзала был гораздо строже и серьезнее (см. рис. 2). Здание, выполненное в английском готическом стиле, представляло собой двухэтажное кирпичное сооружение с четырёхугольной башней, на которой развевался государственный флаг, и боковыми одноэтажными деревянными пристройками. Здесь же были навесы, опирающиеся на внушительные чугунные столбы и кованые фигурные кронштейны. Симметрия, строгость, лаконичность постройки создавали совершенно особый образ вокзала, отличающийся от Павловского, – деловой и солидный. Здание трижды перестраивалось, но его первоначальный облик нам известен, в частности, благодаря реконструкции Л. И. Коренева.

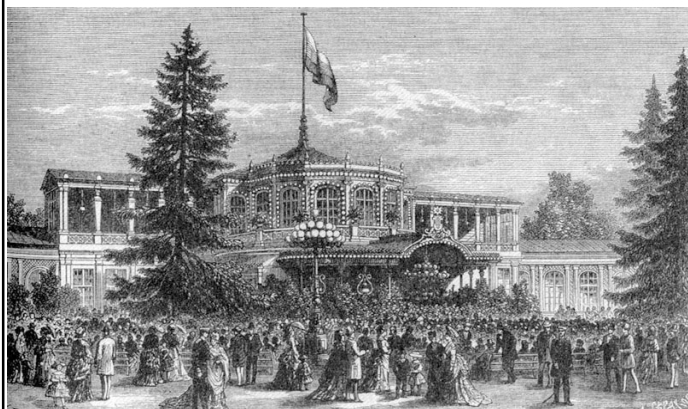

Рис. 1. Павловск. Вокзал

Рис. 2. Царское село. Вокзал

Первое здание вокзала в Санкт-Петербурге было построено в 1849-1852 гг. по проекту К. А. Тона. Царскосельский вокзал, просуществовавший до начала XX в., представлял собой двухэтажное прямоугольное здание, в котором размещался небольшой зал, билетные кассы, правление дороги, жилые помещения для сотрудников. В правом крыле располагались залы ожидания, в левом – императорские комнаты. Перрон был перекрыт стеклянным шатром, пропускавшим естественное освещение.

Яркой страницей в истории строительства железнодорожных вокзалов в России стало возведение двух однотипных станционных зданий в Санкт-Петербурге (Московский вокзал) (см. рис. 3) и Москве (Ленинградский вокзал) (см. рис. 4), конкурс на строительство которых выиграл К. А. Тон. Облик вокзалов напоминает европейские городские ратуши с двухъярусной башней в центре здания, на которой располагаются часы и флагшток. Вокзалы строились одновременно и архитектурно объединили два города, создав своего рода арку, огромный величественный портал с пилонами-вокзалами. Таким образом вокзал приобрёл новую функцию – символическую.

Рис. 3. Москва. Ленинградский вокзал

Рис. 4. Санкт-Петербург. Московский вокзал

Во второй половине XIX в. архитекторы вырабатывают особый тип здания железнодорожного вокзала, его специфической чертой становится функциональность: архитектурно-художественное решение соответствует практическому назначению здания, в архитектурной композиции выделяются просторные залы ожидания, арочные перекрытия дебаркадеров, удобные входы.

Одним из наиболее крупных вокзалов, построенных во второй половине XIX в. в России, был пассажирский вокзал в Одессе (см. рис. 5). По удобству планировки и богатству отделки он не уступал лучшим европейским железнодорожным станциям. Здание было построено в 1884 г. по проекту В. А. Шрётера, руководил строительством А. О. Бернардацци. Будучи достаточно современным по композиционной схеме, функциональному решению (огромный дебаркадер, отдельные боковые павильоны прибытия и отбытия, большой объем главного зала), в оформлении он обращался к стилистике прошлого (что в целом характерно для архитектуры России конца XIX в.) – три огромные арки-портала на главном фасаде, дорические колонны, шпили над башенками.

В связи с мощным развитием железнодорожной сети родилась идея создания «образцовых» железнодорожных вокзалов, в жизнь она была воплощена, в частности, Р. А. Желязевичем. Вокзальные сооружения делились на четыре класса: в крупных городах строились вокзалы I и II классов с большими объемами и развитой инфраструктурой, между ними возводились промежуточные станции III и IV классов, рассчитанные на меньший пассажиропоток и потому более компактные. Таким образом, происходило сочетание двух методов строительства: типового, использовавшегося для станций магистральных железных дорог, и индивидуального, применявшегося при строительстве вокзалов в крупных городах. Наиболее яркие объекты, несущие в себе художественную образность, безусловно, создавались во втором случае.

На рубеже XIX-XX вв. вокзал окончательно утвердился в роли «ворот в город», своего рода «визитной карточки» города. В это время в искусстве утверждается стиль модерн, вдохновивший архитекторов на строительство ярких и выразительных вокзальных комплексов. Для модерна в отечественной архитектуре характерно обращение к традиционным русским мотивам, не остались в этом смысле в стороне и авторы вокзальных зданий. Один за другим возводятся вокзалы, похожие на терема допетровской Руси с кокошниками, поребриками, резными наличниками. При этом авторы учитывали архитектурные традиции того региона, в который отправлялись поезда, т.е. здание вокзала уже своим обликом готовило пассажира к путешествию в определенном направлении, к встрече с определенной культурной информацией.

Так, Ярославский вокзал, являющийся начальным пунктом Транссибирской магистрали, в 1902-1904 гг. был реконструирован Ф. О. Шехтелем и принял облик русского сказочного терема с барельефами, изображающими моржей, белых медведей, чаек, с растительным орнаментом на декоративных керамических панно, с шатровыми башнями (см. рис. 6). Романтический образ русского Севера рождается в синтезе архитектуры, скульптуры, живописи, созданном талантливыми мастерами. В. Г. Шукин сравнивает здание вокзала со сказочным теремом, напоминающим «не то огромную русскую печь, не то сказочное чудовище, вытаращившее слуховые окна-глаза и разинувшее пасть центральный вход, то и дело глотающий и выплевывающий пассажиров» [20, 19].

Рис. 5. Одесса. Вокзал

Рис. 6. Москва. Ярославский вокзал

В 1912 г. вокзал во Владивостоке (завершающем пункте магистрали) перестраивается по подобию Ярославского вокзала в Москве. Своим образом здание, построенное под руководством инженера В. А. Плансона, напоминает русский терем XVII в. (см. рис. 7). В результате так же, как и в случае с вокзалами Т. А. Тона, возникла символическая арка, объединившая два города на концах великого железнодорожного пути, арка, опирающаяся на архитектурно похожие здания вокзалов. Интересно применение геральдики во владивостокском здании: на западном фасаде был размещён герб Москвы с Георгием Победоносцем, на восточном – герб Приморской области с сопками и царской короной, что несло явный символический подтекст – единство российской территории, Дальнего Востока и центральных районов, их опору на традиции русской культуры.

Рис. 7. Владивосток. Вокзал

Если Ярославский вокзал был воротами на русский Север, то воротами на Восток, связывающими Европу и Азию, стал Казанский вокзал, построенный по проекту А. В. Щусева (см. рис. 8). Автор умело соединил мотивы русской и восточной архитектуры, в частности стилизовав башни главного павильона под башню Сююмбике Казанского Кремля. При строительстве здания было применено много новаторских идей и приёмов, позволивших удачно спланировать и организовать внутреннее пространство огромного вокзального ансамбля. В целом данное сооружение принято оценивать как значительное сооружение в истории строительства российских вокзалов. Однако не все оценки были оптимистичны. Так, К. Малевич в статье «Архитектура как пощёчина бетону-железу», ярко и эмоционально называя вокзал нервным пульсом трепета, живой веной, трепещущим сердцем, описывает строящийся Казанский вокзал как проявление «русского умершего стиля», заявляет, что на этом месте должно было быть возведено «стройное, могучее тело, могучее принять напор быстрого натиска современности» [10].

Рис. 8. Москва. Казанский вокзал

Малевич смотрел в будущее. Время таких вокзалов, соответствующих стремительному напору железнодорожной техники, придёт позже. А пока отечественные архитекторы снова и снова обращаются к древнерусским традициям – мотивы русского зодчества ярко звучат в здании

Вандавского вокзала в Москве, старого вокзала г. Екатеринбурга, вокзалов Благовещенска, Хабаровска и др.

В 1930-е гг. – время поисков новых путей в искусстве в целом и в архитектуре в частности – создавались интересные проекты вокзалов в русле функционализма и конструктивизма. Однако ни один из них не был реализован. Осуществлённые же проекты были выполнены скорее в традиционном русле – в канонах классицизма (например, вокзалы Новосибирска, Алма-Аты) или историзма (вокзал в Баку). Первоначальный проект новосибирского вокзала принадлежит Н. Г. Волошину, в процессе строительства он несколько раз менялся, к работе привлекались различные архитекторы, в том числе новосибирские (см. рис. 9). Изначально проектировалось строгое, лаконичное здание в духе конструктивизма (получившего интересное развитие в архитектуре Новосибирска), но в дальнейшем облик вокзала был переосмыслен в идеологически выдержанном стиле так называемого «сталинского ампира» – центральная часть здания приобрела облик торжественной триумфальной арки с тосканскими пилястрами. Однако в целом сохранился первоначально задуманный образ стремительно несущегося паровоза.

Рис. 9. Новосибирск. Вокзал «Новосибирск-главный»

Характеризуя советские вокзалы, построенные в довоенный период, В. М. Богатырёв применяет эпитеты «вокзал-дворец», «свадебный торт», отмечая их пышность и декоративность, подчас чрезмерную. Архитектура вокзалов данного времени создала крайне мало каких-либо новых ярких идей и образов, скорее, это был возврат к стилизаторству и историзму.

Послевоенное десятилетие отмечено массовым восстановлением и строительством вокзалов. По большей части это были парадные сооружения, построенные в духе все того же ампира. Последние монументальные вокзалы-дворцы строятся в начале 1950-х гг. Легкие, светлые, воздушные вокзалы построены в это время в Сочи (см. рис. 10) и Симферополе по проектам А. Н. Душкина.

1960-е гг. – годы рациональных решений и функционализма. После постановления «о борьбе с архитектурными излишествами» облик архитектуры, в том числе и железнодорожной, кардинально меняется. Примеры нового облика – Финляндский вокзал в Санкт-Петербурге, вокзалы в Рязани, Челябинске, Нижнем Новгороде. Предельная простота, лаконизм архитектурных деталей, формы, являющиеся следствием конструкции здания, – их характерные черты. В целом в данный период образность уступает место функциональности. В архитектуре доминирует идея первичности строительного производства, а значит, технология берет верх над архитектурной формой, лидирующую роль играют инженеры. В результате замедляется темп поисков новых образных решений, доминируют стандартизация и техницизм.

Однако уже в 1970-е гг. начинаются поиски нового языка архитектуры, основанного на связи с городской средой, с новыми социокультурными установками. Индивидуальный образ вокзала строится в опоре, с одной стороны, на уже существующие архитектурные традиции, с другой – на современную градостроительную ситуацию. Несомненный интерес в этом смысле представляет здание вокзала во Владимире (архитекторы М. Готлиб, В. Евстигнеев, Ю. Мелюшкин, Е. Кмито-

вич, инженеры Л. Глиэр, М. Горбунова, Н. Козлова, 1974 г.) (см. рис. 11). Авторы проекта использовали современные пластические методы организации архитектурного пространства, но при этом сумели увязать их с окружающим пространством – памятниками древнерусской архитектуры. Облицовка белым известняком, скульптурность форм создают мощный монументальный образ, не вступающий в противоречие с лучшими образцами владими́ро-суздальского зодчества.

Рис. 10. Сочи. Вокзал

Рис. 11. Владимир. Вокзал

Одной из тенденций транспортного строительства данного периода становится совмещение в одном архитектурном пространстве разных общественных объектов. Так, вокзал в Набережных Челнах (архитектор Ю. Орлеанский, 1985 г.) обслуживает как железнодорожное, так и автобусное сообщение (см. рис. 12). Хорошо организованное пространство имеет главную доминанту – часовую башню. В целом здание вокзала создает образ маяка посреди достаточно открытого, свободного пространства.

Рис. 12. Набережные Челны. Вокзал

Особой страницей в истории строительства российских вокзалов являются железнодорожные станции Байкало-Амурской магистрали. Большинство из них имеет общий признак – контраст в цветовом решении, построенный на сочетании красного цвета кирпича и белого цвета архитектурных деталей. Художественная образность многих станций формировалась на основе территориальных культурных особенностей и обладала большой долей визуализации – похожая на огромный парусник станция в Северобайкальске, напоминающее раскинувшего крылья лебедя здание в Тынде и др. (впрочем, такая визуализация некоторыми авторами оценивается как излишняя и противоречащая конструкции).

Новая волна строительства и реконструкции вокзалов приходится на начало 2000-х гг. В 2004 г. была проведена крупная реконструкция Красноярского железнодорожного вокзала (архитекторы И. Башкиров, В. Григорьев, В. Егоров, 2004 г.). Результатом работы стало практически

новое современное здание, но решенное в классическом стиле – с куполом, завершающимся шпилем, гранитными колоннами, треугольными фронтонами, возвращающимся к образцам вокзала-дворца (см. рис. 13).

Рис. 13. Красноярск. Вокзал

С началом XXI в. наступило время новых технологий, новых форм, архитекторы делают первые попытки переосмысления образа железнодорожного вокзала. В 2001 г. завершилось возведение первой очереди вокзала железнодорожной станции Самара (архитектор Ю. Храмов, 2001 г.), получившей на международном конкурсе диплом за уникальное архитектурное решение и использование современных материалов (см. рис. 14). Корпус здания выполнен из сочетания металлоконструкций и затемненных стеклопакетов и выглядит скорее как деловой центр или солидный банк, доминирующий над окружающим городским ансамблем. Интересной идеей стало обустройство смотровой площадки на высоте 95 м и создание исторического музея Куйбышевской магистрали на 2-м этаже здания.

Рис. 14. Самара. Вокзал

Основная мировая тенденция современного строительства в данной сфере – создание крупных многофункциональных железнодорожных вокзальных комплексов, объединяющих множество зданий и сооружений. Таким крупным комплексом стал Санкт-Петербургский Ладожский вокзал (архитектор Н. Явейн, 2003 г.), объединивший вокзал дальнего следования, пригородный вокзал, станцию метрополитена, площадку для городского транспорта (см. рис. 15). По замыслу архитектора, вокзал должен был поддержать образность петербургских вокзалов конца XIX в. Однако среди его прототипов называют не только вокзалы-дебаркадеры конца XIX в., но и римские термы, триумфальные арки, даже своды готических соборов, однако трактовка форм, использованные материалы (сочетание гранита, металла, стекла), рациональная функциональность подчеркивают современность сооружения. Здание пронизано духом индустриальной эстетики. В. Фролов пишет о брутальности образа вокзала, сравнивает его с фабричным зданием, видя в цилиндрах над стеклянным объемом фабричные трубы, а в большом зале – пространство огромного цеха [19].

Рис. 15. Санкт-Петербург. Ладожский вокзал. Фото с сайта archi.ru

Совсем иначе решен другой вокзал, спроектированный группой архитекторов под руководством Н. Явейна, – «Олимпийский парк» («Студия 44», 2013 г.). Легкий, парящий, он вызывает двойную ассоциацию – это не то птица, устремляющаяся в полет, не то бурлящий водный поток (см. рис. 16). Авторы проекта стремились обыграть тему воды, вписывая здание в окружающий ландшафт. «Как две волны, бегущие навстречу друг другу, навесы над пассажирскими платформами сливаются воедино и вздымаются буруном над центральным объемом. Затем, резко изменив свое направление, они ниспадают вниз козырьком, который укрывает привокзальную площадь от солнца и словно выплескивает очередную порцию посетителей в Олимпийский парк» – так Н. Явейн представляет свой проект [24].

Рис. 16. Сочи. Вокзал «Олимпийский парк». Проект

Рис. 17. Адлер. Вокзал

Еще одно сооружение, обязанное своим рождением олимпиаде 2014 г., – вокзал в Адлере (архитектурная группа под руководством А. П. Даниленко, 2013 г.) (см. рис. 17). Проект продолжает тему морской волны, в данном случае звучащей особенно ярко, т.к. один фасад здания выходит на береговую линию. Впрочем, есть и ещё одна образная ассоциация, порождаемая данным строением – огромное крыло птицы. Грандиозное сооружение оказалось удачно вписанным в пространство, стало его яркой доминантой.

Итак, вокзал за свою относительно короткую историю проделал серьезный эволюционный путь от небольшого здания, решавшего не столько транспортную, сколько эстетическую функцию, до масштабного многофункционального комплекса. К этому привел целый ряд факторов: рост пассажиропотока, развитие технологий, изменение окружающей застройки, новые идейные установки, появившиеся требования по гуманизации среды и т.д. Решая новые задачи, каждый раз встраиваясь в конкретную градостроительную ситуацию, архитекторы вновь и вновь перерабатывали художественно-образную организацию зданий. Трансформация прошла от образа праздничного, легкого заведения первой половины XIX в. через идею величественного портала на рубеже XIX – XX вв., дворцовые образы советских довоенных вокзалов, поиски современного содержания во второй половине XX в. к пластичной, нелинейной бионической архитектуре современности. На этом история вокзала не заканчивается. В данный момент определяются пути дальнейшего разви-

тия, делаются шаги на пути нового осмысления такого яркого культурного феномена, как железнодорожный вокзал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов, А. Ж/Д вокзал «Олимпийский парк» / А. Белов // Проект Россия. – 2011. – № 60 (02). – С. 144-145.
2. Артемьева, А. А. Московский стиль в архитектуре железнодорожных вокзалов Дальнего Востока / А. А. Артемьева // АиСМ. – 2007. – № 3. – С. 15-18.
3. Баклыская, Л. Е. Первые дальневосточные вокзалы как отражение специфики русской архитектуры рубежа XIX – XX вв. / Л. Е. Баклыская // Вестник ВолгГАСУ. Серия: Строительство и архитектура. – 2007. – Вып. 7 (26). – С. 196-199.
4. Батырев, В. М. Вокзалы / В. М. Батырев. – М.: Стройиздат, 1988. – 216 с.
5. Бирюкова, Е. Е. Архитектурный образ как выразитель сущности архитектурного пространства (К вопросу о рассмотрении содержания категории «Архитектурный образ» в курсе «Объемно-пространственная композиция» специальности 2901 «Архитектура») [Электронный ресурс] / Е. Е. Бирюкова. – Режим доступа: http://de.cdo.vlsu.ru/distantionnoe_obuchenie/publikatsii/?eid=519.
6. Захарова, Н. Железнодорожный вокзал «Олимпийский парк» / Н. Захарова // Проект Россия. – 2014. – № 2. – С. 134-137.
7. Иконников, А. В. Функция, форма, образ в архитектуре / А. В. Иконников. – М.: Стройиздат, 1986. – 288 с.
8. Коренев, Л. И. Итальянец проектировал вокзалы для Царскосельской ж. д. и не только... [Электронный ресурс] / Л. И. Коренев. – Режим доступа: <http://korenev.org/index.php/ru/2011-04-07-13-55-37/2011-04-07-14-16-28/129-italyanets-proektiroval-vokzaly-dlya-tsarskoselskoj-zh-d-i-ne-tolko>.
9. Лесовиченко, А. М. Железная дорога в музыке и изобразительном искусстве / А. М. Лесовиченко, Е. А. Мальцева // Железнодорожный транспорт. – 2012. – № 5. – С. 72-77.
10. Малевич, К. Архитектура как пощечина бетону-железу [Электронный ресурс] / К. Малевич. – Режим доступа: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/malevich-kvadrat/malevich-kvadrat.html#work002002>.
11. Мальцева, Е. А. Железная дорога как часть культуры в контексте художественного осмысления / Е. А. Мальцева // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. – 2010. – № 24. – С. 122-129.
12. Никифоров, Ю. А. Архитектурное наследие железнодорожных вокзалов Уральского региона / Ю. А. Никифоров, Ю. В. Наливайко // Академический Вестник Уралниипроект РААСН. – 2013. – № 4. – С. 47-50.
13. Овчинникова, Е. А. Типология железнодорожных вокзалов / Е. А. Овчинникова // Мир транспорта. – 2012. – № 4. – С. 130-135.
14. Петухова, Н. М. Формирование архитектурного комплекса Вологодско-Архангельской железной дороги / Н. М. Петухова // Архитектурное наследие. – 2008. – Вып. 49. – С. 255-273.
15. Пинская, Н. П. Три образа одного вокзала / Н. П. Пинская, И. Д. Столбова // Мир транспорта. – 2014. – № 3. – С. 246-251.
16. Сапрыков-Фоминский, В. Н. Восточные ворота России / В. Н. Сапрыков-Фоминский // Архитектура и строительство Москвы. – 2004. – № 5. – С. 9-12.
17. Современная архитектура. Успешное сочетание традиций и новаций. Интервью с Е. Еловковым и В. Зенкевичем // Европейская столица. – 2003. – № 07-08.
18. Фролов, А. И. Санкт-Петербург от А до Я. Вокзалы. // А. И. Фролов. – СПб.: Изд-во «Глагол», 2008. – 160 с.
19. Фролов, В. Ладожский вокзал в Санкт-Петербурге / В. Фролов // Проект РОССИЯ. – 2003. – № 29 (3). – С. 18-19.
20. Щукин, В. Г. Вокзал как книга и здесь-пространство / В. Г. Щукин // Лабиринт. – 2015. – № 3. – С. 6-21.
21. Явейн, И. Г. Архитектура железнодорожных вокзалов / И. Г. Явейн. – М., 1938. – 304 с.
22. Явейн, И. Г. Вокзал и площадь – узел единой транспортной системы страны / И. Г. Явейн // Архитектура СССР. – 1961. – № 3.
23. Явейн, И. Г. Вопросы проектирования железнодорожных вокзалов: автореф. дис. ... д-ра архитектуры / Явейн И. Г.; Ин-т живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. – Л.: [б. и.], 1964. – 47 с.
24. Явейн, Н. И. Вокзал «Олимпийский парк» [Электронный ресурс] / Н. И. Явейн // Архитектурный Петербург. – 2014. – № 3. – Режим доступа: <http://archpeter.ru/arkhiv/2014/03/vokzal-olimpijskij-park/>.

Завалишин А. Ю., Костюрина Н. Ю.

«ДЕВЯНОСТО СОРТОВ СЫРА», ИЛИ ПРОБЛЕМА ВЫБОРА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ И ХАБАРОВСКА

Завалишин А. Ю., Костюрина Н. Ю.

A. Yu. Zavalishin, N. Yu. Kosturina

«ДЕВЯНОСТО СОРТОВ СЫРА», ИЛИ ПРОБЛЕМА ВЫБОРА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ И ХАБАРОВСКА

«NINETY KINDS OF CHEESE» OR SELECTION PROBLEM OF STUDENTS IN KOMSOMOLSK-ON-AMUR AND Khabarovsk

Завалишин Андрей Юрьевич – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Хабаровской государственной академии экономики и права (Россия, Хабаровск). E-mail: native59@rambler.ru.

Mr. Andrey Yu. Zavalishin – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Social-Humanities Department, Khabarovsk State Academy of Economics and Law (Russia, Khabarovsk). E-mail: native59@rambler.ru.

Костюрина Надежда Юрьевна – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: kosturina@mail.ru.

Ms. Nadezda Yu. Kostyurina – Doctor in Cultural Studies, Professor, Philosophy and Cultural Studies Department, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: kosturina@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена проблеме выбора в жизни современной студенческой молодежи. Исследование выполнено на материале анкетирования студентов вузов городов Комсомольска-на-Амуре и Хабаровска.

Summary. The article is devoted to the problem of the choice in the life of modern students. The research was carried out on the material of the questionnaire survey of students of Komsomolsk-on-Amur and Khabarovsk universities.

Ключевые слова: современная культура, культура Дальнего Востока, молодежная культура, аксиология, социология молодежи, аномия, социальная норма.

Key words: modern culture, culture of the Far East, youth culture, axiology, sociology of youth, anomie, social norm.

УДК 316.4

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Хабаровского края, договор № 147/2017Д от 05.06.2017.

«...со всем согласен я, сестра...»

Дм. Быков

В российском общественном сознании довольно широко распространено представление о том, что современная молодежь не знает многих норм, правил, регулирующих жизнь социума, либо не считает необходимым их соблюдать. Это мнение получает различную оценку: от резко отрицательной (молодежь деградирует), до восторженной («непоротое»/бесстрашное/свободное поколение). Очевидно, что основой таких интерпретаций становится позиция самого интерпретатора – охранительная/консервативная или обновленческая/инновационная. «Консерваторы» болезненно относятся к любым трансформациям в аксиологической системе общества и поведенческих стереотипах молодежи. «Новаторы», склонные к осмыслению/переосмыслению/изменению

форм культуры, приветствуют любые явления/свидетельства, которые возможно интерпретировать/понять как попытку ревизии традиции.

Однако насколько справедливо суждение о поколении двухтысячных как о свободолюбивом, привыкшем к выбору и приветствующем выбор? Избегая оценочного подхода, попробуем ответить на ряд вопросов, связанных с отношением молодежи к выбору и различным ограничениям в повседневной практической жизни.

В основе анализа – социологический опрос, проведенный в сентябре – октябре 2017 г. в 4 вузах двух дальневосточных городов – Комсомольска-на-Амуре и Хабаровска. Настоящая статья представляет собой сегмент исследования, базирующийся на результатах анкетирования, предполагавшего возможность развернутых ответов. Общее количество опрошенных – 418 чел., состав респондентов: 62,8 % девушек, 37,2 % юношей, 55,3 % представителей первого курса (17-19 лет), 44,7 % – старших курсов (20-25 лет), 49,5 % – студенты вузов Хабаровска, 50,5 % – студенты вузов Комсомольска-на-Амуре.

Основные задачи данной статьи – описание коллективного портрета молодого дальневосточника, характеристика его отношения к идее выбора: осознается ли сама возможность выбора, беспрецедентная в современной культуре; осознается ли она как благо или как утомительная необходимость; есть ли у представителей студенческой молодежи навык учитывать возможности, анализировать варианты, осуществлять выбор осознанно. Производной, но не менее важной задачей было выявление сфер жизнедеятельности, в наибольшей степени контролируемых респондентами (связанных с осознанным выбором), и тех сфер, где молодые люди оперируют социальными стандартами/стереотипами, не задумываясь о разнообразии возможностей выбора или даже сознательно избегая его.

Первая группа вопросов позволила выяснить, насколько благополучной видится респондентам их личная жизненная ситуация: устраивает ли человека он сам, город, где он живет, вуз, где учится; насколько эта жизненная ситуация есть результат осознанного выбора, стремится ли человек изменить то, что ему не нравится, осознает ли он свое недовольство существующим положением вещей:

1. Вам нравится Ваш цвет волос? – «Да» – 86,1 %, «Нет» – 13,9 %.
2. Хотели бы Вы изменить Ваш цвет волос? – ответили «Да» от числа выбравших ответ «Да» – 29,5 %, выбравших ответ «Нет» – 93,8 %.
3. Какого цвета волосы Вам хотелось бы иметь? (более 90 % респондентов, ответивших на этот вопрос, назвали «свой цвет» или оттенки «своего» цвета: темнее, светлее и т.д., и лишь единицы «выпали» из общего тренда: «красные», «фиолетовые», «розовые» и т.п.).
4. Вы бы хотели сменить место учебы? – «Да» – 22,4 %, «Нет» – 77,6 %.
5. Где бы Вы хотели учиться (страна/город/учебное заведение)?
6. Если бы Вы могли есть, что/когда/сколько хотите, изменился бы Ваш дневной рацион? – «Да» – 44,2 %, «Нет» – 55,8 %.
7. Где бы Вы хотели жить (страна/город/социальное окружение)?

В ходе анализа ответов оказалось, что большинству респондентов нравится их цвет волос (86,1 %), но при этом почти треть из них хотела бы иметь другой (29,5 %); 77,6 % опрошенных устраивает место их учебы, они не хотят его сменить, но одновременно хотели бы (!) учиться в другой стране, другом городе России (Гарвард, МГУ, ДВФУ и т.д., спектр названных вариантов очень большой); почти половина не ест что/когда/сколько хочет не потому, что на это нет времени/средств/иных возможностей, а потому, что это требует усилий: контроля за временем («есть чаще»), калориями («больше/меньше углеводов, жиров») и т.д.

На наш взгляд, это парадоксальное (и часто не осознаваемое самими респондентами) противоречие может иметь несколько вариантов объяснения: человек не задумывается о своих собственных желаниях; он не различает привычное и нужное; считает стереотипы, навязанные обществом, собственными потребностями и принципами.

Примером того, что респонденты не видят противоречий в собственных ответах, стал ответ на вопрос: «Считаете ли Вы, что соблюдение норм и правил русского языка абсолютно необходи-

мо в любой ситуации?» (ответили «Да» – 55,2 %, «Нет» – 37,6 %, «Другое» – 7,2 %, при этом ответы всех без исключения респондентов пестрят многочисленными ошибками).

Слабую степень саморефлексии демонстрируют и ответы на такие вопросы:

1. Если Ваш друг/родственник совершит серьезное преступление, должны ли Вы сообщить об этом властям? – «Да» – 33,5 %, «Нет» – 40,5 %, «Другое» – 26,0 %.

2. Что для Вас важнее – закон/право или семейные/дружеские связи? – «Закон/право» – 20,0 %, «Семейные/дружеские связи» – 67,3 %, «Другое» – 12,7 %.

3. Законы государства не всегда кажутся нам справедливыми. Как бы Вы предпочли жить: по закону или по справедливости? – «По закону» – 24,8 %, «По справедливости» – 63,5 %, «Другое» – 11,7 %.

Исследование показало, что 20,0 – 33,5 % респондентов предпочитают «жить по закону», для 63 – 67 % важнее «справедливость/семейные/дружеские связи» и 11,7 – 26,0 % затруднились в своем выборе, либо попытались найти компромисс: «Смотря какая ситуация», «Все важно», «Закон важнее, но любимого человека не предаю».

Интересны и ответы, связанные с личным выбором, личной свободой, готовностью отстаивать собственное мнение:

1. Для Вас важно чужое мнение в ситуации выбора? – «Да» – 38,8 %, «Нет» – 34,5 %, «Другое» – 26,1 %.

2. Сколько человек в Вашей жизни могут дать Вам дельный совет? – «1 – 2» – 35,2 %, «3 – 5» – 45,1 %, «Много» – 19,7 %.

3. Что для Вас важнее – личная свобода или поддержка друзей/родственников? – «Личная свобода» – 34,4 %, «Поддержка друзей/родственников» – 51,5 %, «Другое» – 14,1 %.

4. Чье мнение для Вас более важно – Ваше или коллектива? – «Мое» – 65,5 %, «Коллектива» – 15,2 %, «Другое» – 19,3 %.

5. Вы посещали секции/кружки по настоянию родителей? – «Да» – 36,4 %, «Нет» – 63,6 %.

6. Важно ли для Вас одобрение родителей при выборе будущей специальности? – «Да» – 47,3 %, «Нет» – 41,2 %, «Другое» – 11,5 %.

Пренебрежение собственной свободой (15,2 – 51,5 % ответивших по разным вопросам) закономерно оборачивается отрицанием свободы и для других: респонденты признают право/необходимость запрещать даже то, что не несет угрозы обществу, они нуждаются в цензуре и приветствуют такие инструменты уравнивания и интегрирования, как, например, единая школьная форма:

1. Как Вы относитесь к цензуре в кино/литературе/интернете? Нужна ли она? – «Нужна» – 48,5 %, «Не нужна» – 43,6 %, «Другое» – 7,9 %.

2. Считаете ли вы, что нужно запретить использование ненормативной лексики (мата) в кинематографе и художественной литературе? – «Да» – 32,9 %, «Нет» – 55,5 %, «Другое» – 11,6 %.

3. Считаете ли Вы, что соблюдение норм и правил русского языка абсолютно необходимо в любой ситуации? – «Да» – 55,2 %, «Нет» – 37,6 %, «Другое» – 7,2 %.

4. Считаете ли Вы, что родители вправе запретить ребенку доступ к отдельным сайтам в интернете? – «Да» – 74,8 %, «Нет» – 21,5 %, «Другое» – 3,7 %.

5. Считаете ли Вы, что секты нужно запрещать, даже если они не несут угрозы обществу? – «Да» – 57,6 %, «Нет» – 36,4 %, «Другое» – 6,0 %.

Склонных запрещать «все и вся» среди опрошенных респондентов по всем данным вопросам преимущественно больше (48,5 % против 43,6 %) или намного больше (74,8 % против 21,5 %), чем склонных разрешать. Единственное исключение – отношение к использованию ненормативной лексики в сфере искусства (32,9 % против 55,5 %). При этом рационального отношения респондентов к табу не выявляется. Утверждение значимости личной свободы не мешает большинству выстраивать мощную систему запретов вокруг себя и делегировать право принятия решений другому.

Интересные, не всегда объяснимые варианты ответа были даны на вопрос о возможности ограничений в таких сферах жизни, как бытовая, личная (интимная), профессиональная, досуг

(увлечения), религиозная вера, политические убеждения. Больше половины респондентов признают возможным наличие ограничений в отношении религиозной веры (59,4 %) и политических убеждений (50,9 %), далее по убывающей следуют – бытовая сфера (43,3 %), профессиональная (40,6 %), личная/интимная (28,0 %), досуг (27,3 %). Преобладание принятия ограничений над свободой выбора в отношении религиозной веры и политических убеждений кажется нам симптоматичным – оно свидетельствует о заметном распространении в молодежной среде конформистских настроений, которые большинству кажутся само собой разумеющимися.

Психологический дискомфорт в ситуации ответственности/сложности выбора проявился при ответе, казалось бы, на банальный вопрос: «Вы покупаете сыр/колбасу. Что бы Вы предпочли: выбор между 4 сортами, 15 сортами или 90 сортами?» (выбрали варианты ответа: «4 сорта» – 39,4 %, «15 сортов» – 41,8 %, «90 сортов» – 18,8 %).

«Сырный» и коррелирующие с ним по смыслу вопросы показали, что большинству респондентов выбор не только не нужен, но, напротив, представляет собой дополнительное затруднение, фрустрирует: выбор «вообще» желателен, но более комфортным оказывается выбор из небольшого числа вариантов. Тем же принципом молодые люди руководствуются при работе с поисковыми системами в интернете – из тысяч страниц ссылок просматривают первые 3-5 независимо от источника/достоверности информации.

Возможность выбора заставляет сомневаться; примерно половина респондентов утверждает, что часто сомневается в своём выборе и сомнения мешают им в жизни:

1. Часто ли Вы сомневаетесь в своем выборе? – «Часто» – 28,5 %, «Редко» – 65,6 %, «Никогда» – 4,2 %.

2. Мешают ли Вам сомнения в практической жизни? – «Да» – 48,5 %, «Нет» – 42,4 %, «Другое» – 9,1 %.

Примеры ситуаций, когда сомнения мешают, названы следующие: выбор одежды; расчет времени; выбор «правильного» ответа; выбор покупки; невозможность доверять; неумение многое сделать самостоятельно: куда-то пойти или что-то купить; проблемы в общении с людьми; выбор какой-либо вещи; сомнение в чувствах к людям; сомнение в выборе почти каждого объекта; сомнения в том, правильно ли я поступаю и правильно ли живу; страх перед российским агрессивным восприятием внешности и взглядов.

Представляют интерес вопросы, связанные с профессиональной сферой деятельности и местом жизни, предполагающие собственный вариант ответа.

Так, при выборе сферы профессиональной деятельности почти половина респондентов учитывает рекомендации родителей (47,3 %) и ценит такие качества, как собственный интерес к работе, удовольствие от нее, востребованность/престижность профессии, высокую заработную плату, удобный график и возможность карьерного роста. Интересно, что в этих ответах нет ни гендерных, ни возрастных различий. Можно сказать, что выбор профессии на 50 % обусловлен социальным одобрением.

Личные желания, мечты не учитываются при выборе сферы деятельности даже гипотетически. При ответе на вопрос: «Если бы Вы могли изобрести/придумать/создать для себя уникальную профессию, чем бы Вы хотели заниматься?» – оригинальных идей не было вообще, уникальные профессии также никто не придумал (никто не мечтает «переворачивать черепах на пляже после шторма» или «разгонять облака в пасмурный день»). Практически все респонденты, ответившие на этот вопрос (а значительная часть его просто проигнорировала, что также является симптоматичным, свидетельствуя об отсутствии/нежелании фантазировать, выходить за рамки обыденного), назвали социально приемлемые, даже престижные/популярные профессии и сферы деятельности: создание и разработка компьютерных игр; физическая и юридическая защита граждан; музыкальное творчество; декорирование чего-либо; летчик; футболист; общение с людьми, организация мероприятий; бизнес; политический руководитель; парикмахер-стилист; работа, связанная с энергетикой и инновациями; рисовать и учить языкам; быть хорошей мамой; чем-то, что приносит пользу мне/окружающим/планете одновременно; дегустировать новый алкоголь; вся индустрия красоты в одном; переводчик.

Всего четыре ответа на этот вопрос можно отнести к оригинальным, возможно, связанным с увлечениями фэнтези (или массовым кинематографом), компьютерными играми: киберспорт, учитель киберспортсменов; сжигание чего-нибудь; инженер космолета; десантник из фильма «Звездный десант».

Несколько респондентов продемонстрировали желание заниматься любимым делом, но не смогли его обозначить/обнаружить/детализировать: чем захочу; творчеством; своим любимым делом; хобби.

Отвечая на вопрос о желаемом/предпочтительном месте жительства, около половины респондентов отметили, что хотели бы жить в больших городах (Уфа, Санкт-Петербург, Сочи, Москва, Владивосток, Краснодар), либо вообще в другом регионе России, за границей – в Швейцарии, Канаде, Японии, Корее, Финляндии, Франции, Австрии, Германии, США, Норвегии, Дании, Швеции, Новой Зеландии, в любой другой стране мира, «где хорошо», «среди добрых и отзывчивых людей», на Ямайке, «в окружении растаманов», в любой стране, городе «без быдла и хамства». Чуть меньше половины хотели бы «жить там, где живу сейчас».

Исследование показало, что почти каждому второму из опрошенных жителей Комсомольска-на-Амуре нравится жить в маленьком провинциальном городе. Их устраивает его быт, его имидж, его профессиональные перспективы, они ценят семью, четкие и простые правила жизни, не стремятся к разнообразию, не имеют ярко выраженных увлечений, не любят нового, не готовы бороться/возражать против несовершенства мира даже там, где они его видят, руководствуются в практической жизни стереотипами, а не принципами, не склонны к рефлексии, хотят жить по закону, но личные/дружеские/родственные связи ценят больше, готовы принять ограничения в религиозной сфере и, как следствие, считают необходимым запретить секты. Они не мечтатели, а, скорее, прагматики, стремящиеся интегрироваться в общество, имеют финансовые проблемы, поэтому финансовая стабильность, необременительная работа и свободное время, семья являются их главными жизненными ориентирами.

Большинство опрошенных представителей «непоротого» поколения дальневосточников продемонстрировали желание «убежать от свободы», выбора и ответственности вполне во фроммовском варианте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хомякова, Е. «Поколение Y» в контексте социального взаимодействия в современном обществе [Электронный ресурс] / Е. Хомякова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokolenie-y-v-kontekste-sotsialnogo-vzaimodeystviya-v-sovremennom-obschestve>.
2. Петрановская, Л. Советы «непоротому поколению» [Электронный ресурс] / Л. Петрановская. – Режим доступа: <https://newizv.ru/article/general/14-06-2017/lyudmila-petranovskaya-sovety-neporotomu-pokoleniyu>.
3. Сбербанк: 30 фактов о современной молодежи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adindex.ru/files2/news/2017_03/158487_youth_presentation.pdf.
4. Завалишин, А. Ю. От аномии к сверхнормативности: молодежь в поисках границ / А. Ю. Завалишин, Н. Ю. Костюрина // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2017. – № III-2(31). – С. 91-96.

Старинов Г. П., Цевелева И. В.
G. P. Starinov, I. V. Tseveleva

**ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ
В РАБОТЕ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ**

**PECULIARITIES OF USING CRIMINOLOGICAL FORECASTING IN WORK
ON PREVENTION OF DELINQUENT YOUTH BEHAVIOR**

Старинов Геннадий Петрович – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Публичное и частное право» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. 8(4217)241121. E-mail: gpsms@mail.ru.

Mr. Gennady P Starinov – PhD in Economics, Associate Professor, Public and private law Department, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin pr.; tel. 8(4217)241121. E-mail: gpsms@mail.ru.

Цевелева Ирина Вячеславовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Публичное и частное право» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. 8(4217)241121. E-mail: irina@knastu.ru.

Ms. Irina V. Tseveleva – PhD in Psychology, Associate Professor, Public and private law Department, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin pr.; tel. 8(4217)241121. E-mail: irina@knastu.ru.

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы профилактики правонарушений в молодежной среде. Авторы рассматривают криминологическое прогнозирование как основу профилактической работы правоохранительных и иных социальных органов с подростками и молодежью. Описаны особенности криминологического прогнозирования и сформулированы проблемы реализации данного вида деятельности в современных условиях.

Summary. The article deals with the prevention of violations in the youth environment. The authors consider criminological forecasting as the basis for the preventive work of law enforcement and other social bodies with adolescents and young people. Features of criminological forecasting are described and problems of realization of this type of activity in modern conditions are formulated.

Ключевые слова: делинквентное поведение, криминологическое прогнозирование, профилактика противоправного поведения, криминогенные факторы, прогностические данные.

Key words: delinquent behavior, criminological forecasting, prevention of unlawful behavior, criminogenic factors, prognostic data.

УДК 343.9:316

В настоящее время несмотря на снижение в целом уровня преступности существует объективная необходимость противодействия вовлечению молодежи в криминальную среду. Особое внимание следует уделять процессам и деятельности, препятствующей совершению подростками и молодыми людьми различного рода противоправных деяний. При этом профилактика криминального поведения молодежи должна начинаться с профилактики правонарушений в целом, так как большинство предпреступных правонарушений (деликтов) в конечном счете приводит к совершению преступления.

Делинквентное поведение подростков и молодежи в последние годы активно изучается представителями различных наук: социологии, психологии, педагогики и криминологии. Анализируя смысловую нагрузку определений этого понятия из различных сфер научных знаний, можно сделать вывод о том, что под делинквентным поведением понимается противоправное антиобщественное поведение.

ственное поведение личности, выраженное чаще всего в действиях, наносящих вред общественным отношениям. Делинквентные поступки и действия не подпадают под категорию уголовной ответственности, но с точки зрения криминологии являются той основой, на которой впоследствии может сформироваться криминальное поведение.

Анализируя особенности деликтов, совершаемых подростками и молодежью, можно отметить, что в основном данные правонарушения обусловлены ситуативностью, чаще всего совершаются в состоянии наркотического или алкогольного опьянения. К наиболее характерным правонарушениям лиц 14-25 лет можно отнести хулиганские действия, нецензурную брань и распитие спиртных напитков в общественном месте, мелкие кражи и т.п.

Предупреждение возможных противоправных действий, оценка изменений поведения подростка, учет неблагоприятных и позитивных воздействий окружающей социальной среды – это так называемая прогностическая задача системы профилактики правонарушений. Данная задача в настоящее время наиболее комплексно решается в рамках криминологии. Криминология, синтезируя знания различных наук, анализирует причины и условия совершения преступлений, способствует познанию личности преступника и механизмов совершения преступлений, разрабатывает системы предупреждения и профилактики преступлений [4].

Одним из основных методов, позволяющих реализовать прогностическую функцию криминологии, является криминологическое прогнозирование. Г. А. Аванесов считал, что криминологическое прогнозирование является разновидностью социального предвидения в сфере противодействия преступности. Он выделил ряд задач, которые должен решать метод криминологического прогнозирования: выявление лиц, склонных к противоправному поведению, а также особенностей их поведения в будущем, определение факторов и условий для эффективного профилактического воздействия на данную категорию лиц [2].

Результаты криминологического прогнозирования позволяют подготовиться к развитию ситуации, использовать рациональные методы воздействия или противодействия, способствуют принятию оптимальных решений, обеспечивают выполнение задач в системе профилактики делинквентного поведения.

Рассматривая криминологическое прогнозирование как основу системы профилактики противоправного поведения, следует определить основные принципы построения прогноза. В настоящее время криминологическое прогнозирование должно основываться на принципах долгосрочности и соответствия особенностям развития общества, непрерывности и своевременности, оперативности и профессионализма, доступности и последовательности.

Криминологическое прогнозирование является по своей сути комплексной методикой исследования такого социального явления, как преступность. В рамках криминологического прогнозирования используются такие методы, как анализ статистических данных, методы экстраполяции, моделирования, опроса, экспертных оценок и др. Рассмотрим использование данных методов в системе профилактики правонарушений среди молодежи.

Сущность метода экстраполяции заключается в изучении прогнозируемого явления с точки зрения динамики его развития в историческом аспекте. То есть прогнозируются возможные показатели или динамика на основе закономерностей, выявленных в прошлом. В основном метод экстраполяции используется для краткосрочных прогнозов, в системе профилактики делинквентного поведения данный метод следует использовать с большой осторожностью в связи с тем, что достаточно динамично меняются ценности и приоритеты современной молодежи, поведение современных подростков все более зависит от социальных сетей и информации в них, а в данном случае отсутствует в исторической ретроспективе модель противодействия зависимости от Интернета. Данный метод следует использовать во взаимодействии с методиками психологической оценки личности, методиками определения уровня социально-психологической зависимости – независимости личности подростка.

Метод экспертных оценок достаточно часто используется при работе с молодежью в различных направлениях деятельности, его сущность заключается в том, что для прогноза учитывается мнение специалистов. Специалистами в данном случае выступают либо ученые, либо практи-

ки. В ситуации криминологического прогнозирования делинквентного поведения молодежи в качестве экспертов следует привлекать и научных деятелей, и практиков, непосредственно работающих с подростками и молодежью. При этом следует учитывать и области их профессиональной и научной деятельности. Думается, что для построения научных и достоверно вероятностных прогнозов следует в данной деятельности опираться на экспертные оценки не только юристов и сотрудников правоохранительных органов, но и психологов, педагогов, социологов. В некоторых ситуациях, связанных с прогнозированием вероятностного противоправного поведения несовершеннолетних, следует привлекать в качестве экспертов и родителей, у которых также существует некоторая собственная оценка, пусть и заинтересованная, поведения детей.

Следующим методом, который достаточно часто используется в рамках криминологического прогнозирования противоправного поведения молодежи, является метод моделирования. Моделирование – изначально математический метод, представляет собой построение образа (модели) какого-либо события или явления. Данный метод основывается на собранном эмпирическом материале и используется преимущественно для качественного описания развития прогнозируемого явления. В качестве эмпирического материала выступают данные статистики не только относительно количества и качественных характеристик совершаемых правонарушений, но и социальные, психологические и иные характеристики лиц, совершающих криминальные и предпреступные деяния.

Анализ данных статистики основывается на данных, предоставляемых правоохранительными и иными органами. В настоящее время практически всеми правоохранительными органами и их подразделениями формируется статистическая отчетность для подведения итогов, для оценки деятельности, для сравнения эффективности работы различных служб и подразделений. Однако приводимые в отчетах статистические значения показателей не содержат качественных характеристик и анализа факторов, влияющих на увеличение и снижение показателей в тот или иной период времени в том или ином регионе.

Рассмотрим пример. Увеличилось количество правонарушений несовершеннолетними в мае – июне, а именно их задержание в нетрезвом виде после 23 ч. Данные статистики фиксируют только количество данного вида правонарушений, вместе с тем при анализе этих данных следует учитывать: социальные события (в данный период времени большое количество праздников), климатические условия (повышение температуры и увеличение длительности светового дня, позволяющие длительно находиться в различных зонах отдыха) и т.п. При проведении анализа статистических показателей в рамках криминологического прогноза делинквентного поведения следует учитывать не только статистику, но и вероятностные условия и факторы, влияющие на ее динамику.

Достоверность криминологического прогноза в системе профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних зависит и от того, какое прогнозирование осуществляется: групповое или индивидуальное. В данном случае под групповым криминологическим прогнозированием понимается процесс построения вероятностной модели поведения определенной социальной группы, обладающей схожими социально-психологическими характеристиками, а также выявление условий и факторов, влияющих на данную группу как в плане формирования правового поведения, так и в плане предотвращения противоправных деяний, при этом следует учитывать, что это могут быть различные условия и факторы. Например, для формирования правового поведения могут использоваться своевременное правовое просвещение, организация досуговой занятости подростка, а для предотвращения противоправных деяний – иные методы воздействия.

Индивидуальное криминологическое прогнозирование осуществляется в отношении определенной личности. Индивидуальное криминологическое прогнозирование осуществляется путем выявления и анализа признаков, характеризующих социально-демографические и нравственно-психологические особенности личности, а также анализ воздействия макро- и микросреды на исследуемое лицо. В случае работы с молодежью и несовершеннолетними особое внимание следует уделять факторам воздействия микросреды, к которой относятся прежде всего семья и референтная группа сверстников. Согласно позиции Р. М. Абызова индивидуальное криминологическое прогнозирование состоит из трех этапов:

1. выявление криминогенных факторов при помощи метода экспертных оценок;
2. построение количественной статистической модели личности делинквента;
3. преобразование модели в программу профилактики и использование прогностических данных на практике [1].

Осуществляя криминологическое прогнозирование делинквентного поведения молодежи, следует учитывать и так называемый территориальный аспект, а именно изучение и анализ информации о криминальной ситуации, оперативной обстановке в регионе, особенностях социума и т.п. Например, в Дальневосточном регионе достаточно низкая плотность населения и при этом достаточно большое количество исправительных учреждений, так, в Хабаровском крае их 14, в Приморском – 23, в Амурской области – 6, а в Еврейской автономии – 5. Большинство лиц, освобождающихся из мест лишения свободы, остаются на постоянное место жительства в регионе, что не может не оказывать влияние на распространение криминальной субкультуры, в том числе и в молодежной среде.

В целом в последнее время все более активно происходит распространение криминальной субкультуры в молодежной среде посредством социальных сетей; так, по данным «Независимой газеты», в социальной сети «ВКонтакте» существует около 40 групп криминальной направленности, распространяющих криминальную субкультуру, с количеством подписчиков более 1,5 млн чел. В «Одноклассниках» найдено 1,5 тыс. сообществ, где состоит не менее 650 тыс. чел. В YouTube количество просмотров видеоклипов, видеороликов криминальной направленности, демонстрирующих различные формы противостояния всем нормам и нравственным ценностям общества, превышает 24 млн [5].

Тревожным симптомом становится распространение элементов преступной субкультуры в повседневной жизни. Многие слова и выражения из жаргона осужденных перемещаются в быденную речь, употребляются в публикациях средств массовой информации, используются политиками, руководителями различного уровня.

Всё это в конечном итоге направлено на формирование в общественном сознании своеобразной извращённой криминальной нравственности.

Разработка комплексной программы предупреждения и профилактики противоправного поведения молодежи предполагает учет территориальной специфики создания системы социальной профилактики, ведомственного и межведомственного взаимодействия и должна иметь как краткосрочные, так и долгосрочные цели и распределение во времени. Разрабатывая программы профилактики противоправного поведения несовершеннолетних и молодежи на основе данных криминологического прогнозирования, нужно понимать, что ни одна профилактическая программа не достигнет результата, если ее свести просто к ряду мероприятий.

Рассматривая криминологическое прогнозирование как основу создания системы профилактики делинквентного поведения, можно выделить основные проблемы его осуществления на современном этапе.

В настоящее время в правоохранительных органах отсутствуют специальные подразделения и специалисты, занимающиеся данной деятельностью. В основном криминологическое прогнозирование осуществляется учеными в рамках научной деятельности, написания статей, монографий, диссертационных исследований. Правоохранительные органы занимаются сбором статистических данных, но в их деятельности отсутствует анализ сопутствующих социальных, экономических и иных факторов, влияющих на появление криминального и противоправного поведения молодежи. На наш взгляд, в подразделения по работе с несовершеннолетними следует включать специалистов-аналитиков, способных составлять как краткосрочные, так и долгосрочные криминологические прогнозы.

У большинства специалистов правоохранительных органов, занимающихся статистической деятельностью, отсутствует профильное образование в области математики (в частности, статистики). Как показывает анализ учебных планов учреждений высшего образования, занимающихся подготовкой бакалавров юриспруденции, в большинстве их отсутствует дисциплина «Правовая статистика».

При осуществлении криминологического прогнозирования необходимо решать и организационные проблемы, а именно: определять субъекты и объекты прогнозирования, методики прогноза, уметь строить комплексные модели и своевременно скорректировать прогностические данные с учетом изменения ситуации и т.д. Решение названных задач, как правило, на практике перерастает в проблему, прежде всего связанную с отсутствием специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов в сфере организации криминологического прогнозирования и криминологической профилактики. В связи с этим целесообразно предложить внедрение программ повышения квалификации для действующих сотрудников аналитических подразделений и служб правоохранительных органов, целью которых будет освоение знаний, умений и навыков криминологического прогнозирования, использования его результатов для разработки комплексных программ криминологической профилактики противоправного поведения для различных социальных групп.

Обобщая вышеизложенное, можно сформулировать ряд выводов. Криминологическое прогнозирование является одним из основных методов современной криминологии, основой построения любых программ профилактики противоправного поведения. В настоящее время криминологическое прогнозирование осуществляется при помощи системы междисциплинарных методов и методик, основывается на синтезе знаний криминологии, уголовного права, психологии, социологии, математики и других наук.

Специалисты-аналитики, занимающиеся криминологическим прогнозированием, необходимы в каждом правоохранительном органе, т.к. их деятельность должна стать основой пресечения и предупреждения правонарушений. К сожалению, в настоящее время данные специалисты нуждаются в дополнительном переобучении, им необходимы знания математики, статистики, психологии, социологии, также необходимы специализированные программы, позволяющие обрабатывать статистический массив данных, рассчитывать корреляционные показатели. Система криминологического прогнозирования должна стать основой криминологической политики государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абызов, К. Р. Проблемы криминологического прогнозирования и предупреждения региональной преступности (по материалам Сибирского федерального округа): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Абызов Константин Равилевич. – М., 2004. – 199 с.
2. Криминология: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Г. А. Аванесов, С. М. Иншаков, С. Я. Лебедев и др. – М.: Юнити, 2015. – 575 с.
3. Ларченко, М. Методологические основы и практика применения индивидуального прогнозирования в криминологии / М. Ларченко // Научно-практический журнал «Теория и практика». – 2014. – № 2. – С. 64-67.
4. Старинов, Г. П. К вопросу о влиянии на правомерность поведения субъектов права / Г. П. Старинов, И. В. Цевелева // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2015. – № IV-2(24). – С. 72-77.
5. Независимая газета. Официальный сайт. – Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2017-10-04/1_7087_282.htm.

Яковлева Т. А., Гордиенко В. А.
T. A. Yakovleva, V. A. Gordienko

КЛЮЧЕВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ В ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЕ

KEY PERFORMANCE INDICATORS IN INNOVATIVE SPHERE

Яковлева Татьяна Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика, финансы и бухгалтерский учет» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: efbu@knastu.ru.

Ms. Tatiana A. Yakovleva – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economics, Finance and Accounting, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: efbu@knastu.ru.

Гордиенко Виктория Александровна – магистрант 2-го курса факультета экономики и менеджмента направления «Экономика» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: belovedwind@mail.ru.

Ms. Victoria A. Gordienko – Master's Degree student major in Economics, Faculty of economics and management, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: belovedwind@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена формированию системы премирования на базе ключевых показателей эффективности в инновационной сфере. Рассматриваются основные этапы разработки системы мотивации на основе данных показателей. Приводится пример расчета премии показателей эффективности для работников, задействованных в процессе создания нового инновационного продукта.

Summary. The article is devoted to the formation of a bonus system based on key performance indicators in the innovation field. The main stages of the motivation system development based on the given indicator are considered. An example of calculating the bonus of performance indicators for employees involved in the process of creating a new innovative product is given.

Ключевые слова: ключевые показатели эффективности, KPI, мотивация, премирование, оплата труда, инновации.

Key words: key performance indicators, KPI, motivation, bonus, remuneration, innovation.

УДК 658:001.895

Один из значимых вопросов, возникающих в процессе деятельности предприятия, связан с созданием системы оплаты труда работников, занятых созданием новых инновационных проектов. Работник, получающий за разработку проекта только оклад, ориентирован лишь на выполнение должностных обязанностей. Для того чтобы мотивировать его на развитие, повышение качества и эффективность выполняемой работы, необходимо создать четкую, объективную систему премирования, которая будет учитывать и оценивать вклад работника в деятельность организации. Опыт отечественных предприятий показал, что одним из самых оптимальных методов повышения заинтересованности работников в результате проделанной работы является система мотивации, основанная на ключевых показателях эффективности.

Ключевые показатели эффективности (КПЭ) – это показатели деятельности, которые используются в качестве числового измерителя выполнения основных целей и задач организации. Внедрение данной системы помогает оценить эффективность каждого сотрудника и обеспечить коллективную ответственность за результаты деятельности предприятия.

Показатели KPI должны соответствовать следующим критериям:

- корректность – показатели должны быть понятны, четко сформулированы и не допускать иных трактовок;
- измеримость – показатели должны быть выражены в числовом выражении;

- достижимость – показатели должны быть достижимы, соответствовать действительности;
- уместность – установленные показатели должны соответствовать целям и задачам организации и быть ориентированными на результат;
- установка временных рамок – показатели должны быть выполнены за определенный промежуток времени.

Разработка системы КПЭ включает в себя четыре основных этапа (см. рис. 1).

Рис. 1. Этапы разработки системы КПЭ

На первом этапе проводится анализ основных целей и задач, характеризующих деятельность специалиста или подразделения. Выявляются приоритетные направления, которые напрямую влияют на работу организации, приводятся к единому измерителю. На следующем этапе происходит разработка системы показателей и методики их расчета с учетом специфики организации. На третьем этапе происходит формирование внутренних локально-нормативных актов, согласование с высшим руководством и руководством подразделений, администрирующим выполнение данных показателей. На заключительном этапе происходит апробация новой системы премирования в рамках действующей системы оплаты труда.

Создание нового инновационного продукта имеет четкую проектную направленность, поэтому для оценки эффективности реализации инновационного проекта используются проектные КПЭ. Данные показатели формируются на основании проектных целей и задач, а также основных этапов планирования, разработки и внедрения проектного решения.

Формула расчета размера премии для работников, задействованных в процессе создания инновационного продукта, можно представить в следующем виде:

$$\text{Премия за работу над проектом} = P_{\text{отчет}} * P_{\%} * \text{КПЭ}_{\text{общ}},$$

где $P_{\text{отчет}}$ – размер премии за работу по результатам отчетного месяца; $P_{\%}$ – дополнительный процент премирования для работников, участвующих в процессе создания инновационного продукта; $\text{КПЭ}_{\text{общ}}$ – ключевой показатель эффективности.

Рассмотрим пример расчета КПЭ для сотрудников, задействованных в разработке инновационного проекта (см. табл. 1).

Таблица 1

КПЭ для работников, задействованных в разработке инновационных продуктов

КПЭ	Показатели	Доля КПЭ в проценте премирования, за работу в разработке нового продукта
1	Срок выполнения этапов проекта	50
2	Отклонение от бюджета	10
3	Оценка качества	40
	Итого	100

Основными проектными задачами являются:

1. своевременное выполнение этапов проектирования;
2. соблюдение бюджета затрат;
3. качественное выполнение всех этапов проектирования.

КПЭ 1 «Срок выполнения этапов проекта». Показатель направлен на своевременную реализацию всех этапов создания и разработки инновационного проекта. КПЭ рассчитывается по формуле

$$\text{КПЭ}_1 = \frac{\text{Количество выполненных этапов}}{\text{Количество запланированных этапов}}.$$

Показатель считается выполненным, если в отчетном периоде отношение количества выполненных к количеству запланированных этапов равно 1.

КПЭ 2 «Отклонение от бюджета». Показатель направлен на соблюдение лимитов денежных средств, направленных на создание и разработку инновационного проекта. Показатель считается выполненным, если отклонение сумм от запланированного бюджета без учета затрат, вызванных изменением, инициированным заказчиком, не превышает 5 %.

КПЭ 3 «Оценка качества». Показатель направлен на соблюдение качественного выполнения всех этапов проектирования. Показатель считается выполненным, если количество рекламационных актов от заказчиков равно 0.

При выполнении всех показателей КПЭ сотрудник получает максимальный размер премии. В случае невыполнения одного из показателей он теряет часть заявленной премии в соответствии с весом не выполненного КПЭ. Поэтому сотрудник, задействованный в разработке инновационных проектов, получает дополнительный стимул к выполнению всех проектных КПЭ, следовательно, повышает эффективность реализации инновационного проекта.

Элементы предлагаемой системы премирования за разработку инновационного продукта планируются к внедрению на предприятиях машиностроительного комплекса г. Комсомольска-на-Амуре. Совершенствование действующей в настоящее время на предприятиях системы оплаты труда обусловлено необходимостью повысить заинтересованность работников в результатах проделанной работы.

Развитие инновационной сферы стало одной из приоритетных задач для Российской экономики и Хабаровского края. Производство новых инновационных продуктов способствует оптимизации бизнес-процесса, увеличению производительности труда, улучшению качества выпускаемой продукции, а также повышению конкурентоспособности выпускаемой продукции не только в России, но и в других странах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каплан, Р. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию / Р. Каплан, Д. Нортон. – М.: Олимп-Бизнес, 2015. – 210 с.
2. Ключков, А. К. КРІ и мотивация персонала / А. К. Ключков. – М.: Эксмо, 2015. – 103 с.
3. Парменгер, Д. Ключевые показатели эффективности. Разработка, внедрение и применение решающих показателей / Д. Парменгер. – М.: Олимп-Бизнес, 2016. – 77 с.

Яковлева Т. А., Фомина О. С.
T. A. Iakovleva, O. S. Fomina

**РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ОРГАНИЗАЦИИ И ПОДДЕРЖКИ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

REGIONAL ASPECT OF THE ENTERPRISE ACTIVITY ORGANIZATION AND SUPPORT

Яковлева Татьяна Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика, финансы и бухгалтерский учет» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: kaf_et@knastu.ru.

Ms. Tatiana A. Yakovleva – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economics, Finance and Accounting, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: efbu@knastu.ru.

Фомина Оксана Станиславовна – магистрант кафедры «Менеджмента, маркетинга и государственного управления» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: odzhulay@inbox.ru.

Ms. Oksana S. Fomina – Master's Degree student major in Economics, Faculty of economics and management, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: odzhulay@inbox.ru.

Аннотация. В статье проанализированы инструменты организации и поддержки предпринимательской деятельности в различных форматах экономического развития территорий. Более пристальное внимание авторы уделяют такой форме региональной организации экономической деятельности, как территория опережающего социально-экономического развития, в том числе созданной в городе Комсомольске-на-Амуре. При разработке механизма поддержки резидентов ТОР предложено комплексно использовать два подхода: взаимосвязи и взаимообусловленности проблем и разделения проблем в зависимости от источника возникновения.

Summary. The article analyzes instruments of organization and support of entrepreneurial activity in various formats of economic development of territories. The authors pay more attention to this form of regional organization of economic activity, such as the territory of advanced social and economic development, including the one created in the city of Komsomolsk-on-Amur. When developing the mechanism for supporting the residents of the TPD, it was proposed to use two approaches in a complex way: the interrelations and interdependence of problems and the separation of problems depending on the origin of origin.

Ключевые слова: территориальное развитие, особые экономические зоны, зоны территориального развития, свободные экономические зоны, территории опережающего социально-экономического развития, «дерево проблем», «дерево решений».

Key words: territorial development, special economic zones, territorial development zones, free economic zones, territories of priority development, «problems tree», «decision tree».

УДК 332.122:334.7

Современная хозяйственная практика показывает, что в эпоху глобализации не потерял актуальность региональный подход к организации экономической, в том числе предпринимательской, деятельности.

Согласно российскому законодательству, возможно несколько форматов экономического развития территорий. К таковым относят:

- особые экономические зоны;
- зоны территориального развития;
- свободные экономические зоны;
- территории опережающего социально-экономического развития.

Цель организации деятельности в рамках указанных форматов одна – создание благоприятных условия для успешного социально-экономического развития определенной территории посредством стимулирования и поддержки предпринимательской деятельности. При этом каждый формат предполагает использование «своих» инструментов.

Например, для резидентов всех типов (технично-внедренческих, промышленно-производственных, туристско-рекреационных, портово-логистических) особых экономических зон (ОЭЗ) применяют следующие налоговые льготы:

1. пониженная ставка налога на прибыль, подлежащего зачислению в бюджеты субъектов РФ;
2. освобождение от уплаты налога на имущество на срок от 5 до 10 лет в зависимости от типа зоны с момента постановки имущества;
3. преференции по транспортному налогу, устанавливаемые субъектами РФ, на территории которых создаются особые зоны;
4. освобождение от уплаты земельного налога на 5 – 10 лет в зависимости от типа зоны.

Кроме того, в зависимости от типа зоны их резидентам предоставляют дополнительные льготы. Например, для организаций, имеющих статус резидента технико-внедренческой ОЭЗ, применяются пониженные тарифы страховых взносов на переходный период 2011 – 2019 гг. [1].

В настоящее время в мире действует более 3000 ОЭЗ, большая часть которых сосредоточена на Среднем Востоке, в Юго-Восточной Азии и в Европе. В России на начало 2017 г. действовало 23 ОЭЗ [2].

Альтернативным вариантом оживления инвестиционных процессов и, соответственно, предпринимательской деятельности являются *зоны территориального развития* (ЗТР), создание которых предусматривается утвержденной в установленном порядке стратегией социально-экономического развития субъекта РФ. В этом случае обязательно должны быть указаны прогнозные изменения значений показателей социально-экономического развития соответствующего субъекта РФ, достигаемые в период функционирования ЗТР.

Резидентам ЗТР предоставляются меры государственной поддержки, а также иные преференции, в том числе:

1. предоставление бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда РФ для реализации инвестиционных проектов с участием резидентов;
2. создание объектов капитального строительства в области энергетики, транспорта, находящихся в государственной собственности РФ и необходимых для осуществления резидентами предпринимательской и иной экономической деятельности;
3. предоставление резидентам в аренду земельных участков из состава земель, которые находятся в государственной или муниципальной собственности в границах зоны территориального развития;
4. предоставление налоговых льгот и инвестиционного налогового кредита резидентам в соответствии с законодательством о налогах и сборах;
5. иные меры государственной и муниципальной поддержки в соответствии с федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами РФ, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов РФ, муниципальными правовыми актами.

Постановлением Правительства РФ от 13 февраля 2013 г. исходя из предельных значений показателей социально-экономического развития регионов был утвержден список из 20 субъектов РФ, которым присвоили статус ЗТР [3].

Следующим форматом территориальной организации предпринимательской деятельности являются свободные экономические зоны (СЭЗ), процесс формирования и развития которых в нашей стране непосредственно был запущен в 2005 г., что явилось следствием успешного функционирования СЭЗ в мире. Была поставлена задача: за 2 – 3 года создать широкую сеть такого рода зон, доведя их количество до 50. Однако на настоящий момент на всей территории России функционирует только 33 СЭЗ, в число которых внесен и Крым [4].

Цель создания СЭЗ состоит в обеспечении устойчивого социально-экономического развития территории путем привлечения инвестиций для создания новых производств, развития транспортной и иной инфраструктуры, туризма, сельского хозяйства и санаторно-курортной сферы, создания более благоприятных, чем в других регионах, условий для осуществления отдельных видов предпринимательской и иной деятельности.

По итогам 2016 г. был сделан вывод об очень низкой эффективности функционирования отечественных СЭЗ. Так, вместо запланированного количества рабочих мест была создана только половина. Не полностью были освоены отведенные резидентам СЭЗ земли и прочее. Низкий уровень эффективности СЭЗ связывают, прежде всего, с невыполнением властями регионов своих обязательств. В частности, недофинансирование программ развития СЭЗ составляет 50 млрд р. По мнению экспертов, низкая эффективность СЭЗ объясняется также просчетами в стратегическом планировании на этапе их создания и ошибками местных властей в процессе реализации проектов.

Основным правовым и экономическим механизмом развития регионов Российского Дальнего Востока признаны *территории опережающего развития* (ТОР), ориентированные на организацию несырьевых производств, ориентированных на экспорт в страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

Принципы создания и функционирования ТОР обусловлены индивидуальным подходом к конкретной территории, который основан на учете географических и геополитических факторов, оценке природно-ресурсной базы, оценке эффективности развития производственных мощностей и прогнозной оценке динамики роста объемов дополнительных доходов, поступающих в соответствующие бюджеты в связи с созданием таких территорий, а также иных объективных условий и факторов.

Согласно Федеральному закону «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» Дальний Восток нашей страны выбран в качестве своеобразной площадки для апробирования механизма по созданию и запуску ТОРов. В течение трех лет со дня вступления закона в силу ТОРы могут создаваться на территориях субъектов РФ, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, а по истечении трех лет – на территориях остальных субъектов РФ [5, ст. 35].

Выступая на Восточном экономическом форуме (ВЭФ), проходившем во Владивостоке в сентябре 2017 г., генеральный директор «Корпорации развития Дальнего Востока» отметил, что резиденты ТОР вложили в экономику Дальнего Востока уже более 100 млрд р. и создали почти 5 тыс. рабочих мест. По его словам, всего в список резидентов в настоящий момент входят более 450 компаний, еще 800 предпринимателей подали заявки [6].

Льготы для резидентов ТОР прописаны в Федеральном законе № 380-ФЗ от 29 ноября 2014 г. «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса РФ в связи с принятием Федерального закона “О территориях опережающего социально-экономического развития в РФ”», согласно которому для резидентов ТОР устанавливается ставка по налогу на прибыль организаций, подлежащему зачислению в федеральный бюджет, в размере 0 %.

Помимо установленных федеральным законом преференций при организации и осуществлении предпринимательской деятельности на территориях с особыми условиями региональные власти могут применять «свои» формы поддержки, которые сформировались в результате современной отечественной практики с учетом их длительной эволюции за рубежом. Поэтому сегодня теория предполагает, а практика хозяйствования располагает достаточным количеством форм и видов поддержки предпринимательства на региональном уровне.

Согласно Постановлению Правительства РФ № 628 от 25 июня 2015 г. «О создании территории опережающего социально-экономического развития “Комсомольск”» положено начало процессу формирования ТОР «Комсомольск», которая будет специализироваться на высокотехнологичных производствах в рамках авиа- и судостроительного кластера, а также на механообработке для нужд авиационного завода.

В настоящее время в Комсомольске-на-Амуре реализуются разнообразные формы поддержки субъектов предпринимательской деятельности: финансовая, информационная, имуще-

ственная, консультационная. Финансовая поддержка осуществляется путем предоставления субсидий за счет средств бюджетов города, края и федерального бюджета; реализации различных государственных и муниципальных программ. Так, деятельность администрации города по поддержке и развитию малого и среднего предпринимательства в 2017 г. осуществляется в соответствии с мероприятиями муниципальной программы «Содействие развитию малого и среднего предпринимательства в городском округе “Город Комсомольск-на-Амуре” на 2014 – 2018 гг.».

При решении проблемы повышения эффективности предпринимательской деятельности, на наш взгляд, речь должна идти не столько о новых формах поддержки, сколько о разработке новых подходов в использовании уже существующих инструментов.

При разработке механизма действия системы поддержки предпринимателей – резидентов ТОР целесообразно использовать комплексно два подхода:

1. *Взаимосвязи и взаимообусловленности проблем*, который означает, что воздействие на одну, ключевую на данный момент проблему будет способствовать решению других проблем.

Для реализации данного принципа целесообразно построить «дерево проблем» (см. рис. 1), где прослеживаются причинно-следственные связи анализируемых проблем.

Рис. 1. «Дерево проблем»

Компетентно составленное «дерево проблем» является основой для выработки эффективного «дерева решений», где в центре вместо проблемы появится ее решение как цель мер по поддержке, корни проблем станут задачами для достижения цели, а ветви последствий (производных проблем) превратятся в индикаторы для измерения продвижения к решению проблемы (см. рис. 2).

2. *Разделения проблем в зависимости от источника возникновения на объективные, возникновение которых связано с внешней средой предпринимательской деятельности, и субъективные, обусловленные личностными характеристиками предпринимателя.*

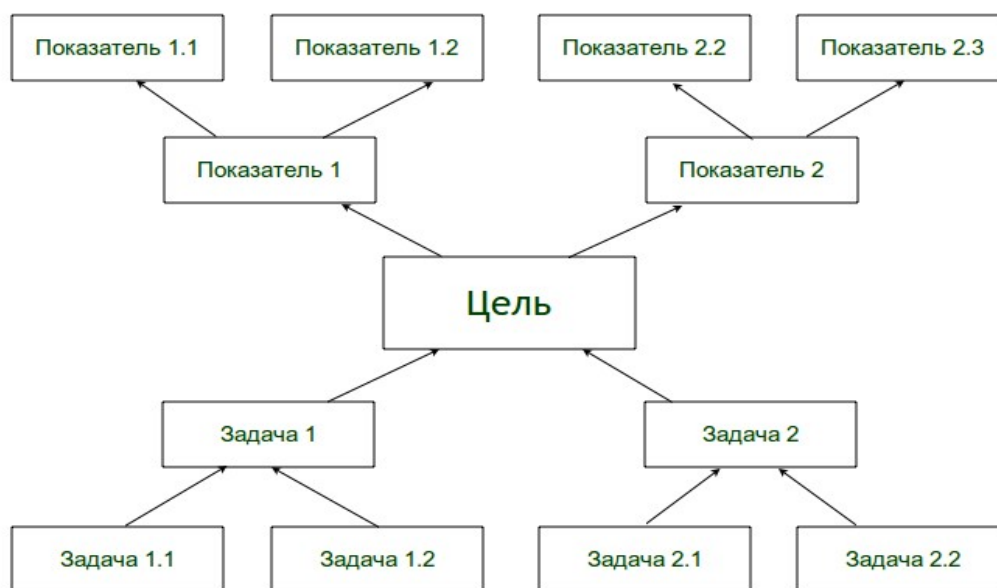

Рис. 2. «Дерево решений»

Дополнение «дерева проблем» таким подходом позволит диверсифицировать меры по поддержке малого и среднего предпринимательства, что сделает их более «точечными», а следовательно, действенными.

ЛИТЕРАТУРА

1. О внесении изменений в Федеральный закон «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования» [Электронный ресурс]: Федер. закон РФ от 16 октября 2010 г. № 272-ФЗ. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
2. Филатова, Ю. М. Исследование распределения особых экономических зон по странам мира / Ю. М. Филатова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2015. – № 1 (1). – С. 35-41.
3. О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон РФ от 3 декабря 2011 г. № 392-ФЗ. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
4. Свободные экономические зоны в России – перечень, виды и цели СЭЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kakzarabativat.ru/pravovaya-podderzhka/svobodnye-ekonomicheskie-zony-v-rossii#12>.
5. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон РФ от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
6. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/12/31/territorii-dok.html>.
7. Резиденты ТОР вложили в экономику Дальнего Востока более 100 млрд рублей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/vef-2017/articles/4533019>.
8. Стали известны первые ТОРы на Дальнем Востоке [Электронный ресурс] // AmurMedia. – 2015. – 13 февр. – Режим доступа: <http://amurmedia.ru/news/13.02.2015/228357/>.

Клебан А. Э., Липовка Н. П.

A. E. Kleban, N. P. Lipovka

ЗНАЧЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ В МАРКЕТИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМПАНИЙ

THE IMPORTANCE OF CONSUMER LOYALTY IN THE MARKETING ACTIVITIES OF COMPANIES

Клебан Артур Эдуардович – бакалавр, студент 2-го курса магистратуры кафедры сервиса и торгового дела Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27. E-mail: artur.kleban@mail.ru.

Mr. Arthur E. Kleban – bachelor, Master's Degree student of the 2nd year, Department of Service and Trade business, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, Lenina, 27. E-mail: artur.kleban@mail.ru.

Липовка Нина Петровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры сервиса и торгового дела Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27. E-mail: lipo-nina@yandex.ru.

Ms. Nina P. Lipovka – PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Service and Trade business, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, Lenina, 27. E-mail: lipo-nina@yandex.ru.

Аннотация. В статье разбирается значение формирования программы лояльности в деятельности торговых компаний как одного из основных критериев конкурентоспособности.

Summary. The article analyzes the importance of forming a loyalty program in the activity of trading companies as one of the main criteria of competitiveness.

Ключевые слова: программа лояльности, стратегия компании, имидж компании, потенциальные покупатели, постоянные клиенты, конкурентные преимущества.

Key words: loyalty program, company strategy, company image, potential buyers, regular customers, competitive advantages.

УДК 339.37

С формированием маркетингового взаимоотношения развитие лояльности покупателей явилось очень важным направлением в работе каждого торгового предприятия при создании сотрудничества с покупателями. Сегодня явление лояльности зачастую бывает наиболее важным условием конкурентоспособности фирмы, чем сектор охваченного рынка или количество и состав расходов, это и определяет актуальность затрагиваемой темы.

Лояльность подразумевает предпочтение и согласие покупателя с предприятием. М. Стоун вывел такое понятие лояльности: «Лояльность – способ связи предприятия со своими клиентами, стремление неизменно и активно использовать весь сервис предприятия всё время, безразличие к маркетинговым предложениям других фирм и согласие предлагать “уважаемого” подрядчика собственному окружению». Исходя из этого в определение лояльности включаются:

1. поведенческая составляющая (объём, периодичность сделок, сроки сотрудничества с предприятием);
2. эмоциональная составляющая (положительный настрой, связанный с визитом компании и приобретением товара);
3. рациональная составляющая (намерение клиента в дальнейшем взаимодействовать с организацией, взять во внимание оценку характеристик товара и убытков перехода).

Следовательно, проще потребительскую лояльность понимать в виде совмещения пары частей: действия (поведенческая часть) и позиция (рациональная и эмоциональная части). Действия необходимо расценивать как периодические (частые) сделки на протяжении долгого промежутка времени, а позицию – как благорасположение к бренду, сервису, организации. Чтобы выявить уровень и тип воздействия оказанных маркетинговых операций на лояльность клиентов, пользуются степенью поведенческой и воспринимаемой лояльности [1, 7].

Лояльность клиентов не создаётся в один момент. Для нее нужен конкретный промежуток времени, за который у клиента возникают осмысленная уверенность в преимуществе, приобретённом в этой компании, её предпочтение в отличие от других фирм, это, так или иначе, и установит предстоящие связи покупателя и выбранной компании, к которой он и выкажет собственную «преданность».

Чтобы найти лояльных покупателей, необходимо выявить спрос, наименовать марку отличной репутацией, и сделать так, чтобы, совершая покупку, клиент был доволен и чувствовал свою принадлежность к какому-либо социальному положению. В этом случае предприятия создают и учреждают осуществление программы лояльности. Они являются совокупностью маркетинговых операций по сохранению потребителей и очень распространённым средством увеличения преданности клиентов. От иных видов совершенствования программ лояльности её отличие в длительной тенденции и ориентации на удержание потребителей и рост периодичности закупок. Создание программы лояльности включает поочерёдное преодоление стадий.

С введением определённой программы лояльности нужно знать, что условия соучастия в программе обязаны быть абсолютно лёгкими и ясными каждому клиенту. Всем известно, что покупатели не предпочитают вычитывать и обдумывать. Так что, когда условия для участия не очень понятны, то клиент наиболее вероятно или тут же воздержится от участия в программе, или станет лишь пассивно участвовать. Помимо этого, следует организовать непрерывную связь с покупателем для предупреждения его о преимуществах участия в программе лояльности, стимулировать его интерес к участию, снабжать его своевременными данными и оказывать внимание клиенту в форме особых предложений, презентов на праздники, пожеланий в дни рождения [2, 34]. По тому, как осуществляются вознаграждения, каждая программа лояльности разделяется на три вида:

1. программа по правилу «накопления» – представляет зачисление наград (бонусов, монет, очков) с совершением покупки либо услуги;
2. программа по правилу «этапов» – осуществляют стимулирование потребителя к получению им других статусов, зависящих от размера его приобретений (наращиваемая система скидок, программа формы «Бронза – Серебро – Золото»);
3. программа по правилу «клуба» – не предполагает роста выше: потребитель попадает на конкретную стадию – получает место в клубе и ему достаётся полный перечень выгодных предложений.

Важным условием для результата внедрённой программы лояльности является участие людей штата в её воплощении. Сотрудники должны осознать необходимость программы лояльности, стать заинтересованными в её качественной организации и разглядеть в ней свой выигрыш. Иначе сведения о программе не станут нужным образом доводить до клиентов, и программа не станет действовать [3, 15]. В общем, программа лояльности применяет целесообразный, наиболее знакомый маркетологам фактор контроля лояльности потребителей, влияя на их образ действий. Но они не вычёркивают эмоциональный момент и могут стать важным орудием строительства длительных взаимоотношений фирмы и потребителя наравне с брэндингом и позиционированием. Значит, программа лояльности способствует тому, что вероятный клиент станет реальным, реальный – повторным, а повторный в последствии осознает к этому предприятию преданность.

Процедуры для развития лояльности у покупателей хорошо воздействуют на объём сбыта, репутацию и узнаваемость компании. Притом верные клиенты сильнее прочих склонны к влиянию, производимому посредством инструментов маркетинговых коммуникаций. Люди надеются на предприятие и добровольно соглашаются на обоюдовыгодное взаимодействие с ней. Нужно обозначить, что программы лояльности – это одно из наиболее результативных средств, применя-

емых в пределах политики формирования лояльности покупателей. На сегодня сохранение существующих клиентов стоит для фирмы значительно меньше поиска и привлечения новичков, однако программы лояльности содействуют, кроме привлечения покупателей, удерживанию их в долгосрочной перспективе. Программа лояльности даёт возможность связи с покупателями, предоставления им новых преимуществ при сотрудничестве с организацией и, очень важно, увеличения их лояльности от эмоциональных связей. Помимо этого, программа лояльности предоставляет компании шанс найти значимые сведения о покупателях для исследования их образа действий, улучшения номенклатуры продукции и сервиса, принять во внимание описание их покупок, вдобавок пользоваться базой данных, чтобы предлагать верным покупателям сопутствующие товары и услуги.

На рынке для потенциальных покупателей раскрывается невообразимо большой ассортимент продукции, услуг и предприятий, всё это предоставляющих. В данной ситуации отличия между брендами исчезают, и покупатели проверяют новинки. Клиенты ощущают, что они абсолютно вправе пробовать другие торговые марки, главным образом когда не видят преимущества от поддержания лояльности. Покупатели считают, что с позиции качества и извлекаемого преимущества большинство брендов не отличаются друг от друга, поэтому происходит их переход с марки на марку. На данный момент элементам рынка мало разбираться лишь в статичных параметрах покупателей, потому что рынок – это быстро развивающаяся, непостоянная среда, в которой предчувствия касательно будущего предопределяют, станут ли покупатели дальше сотрудничать с этой организацией, сохранят ли они ей верность либо пойдут в другие компании. Когда фирма собирается сохранить собственных покупателей, ей следует сконцентрироваться на преимуществах, которые клиенты смогут приобрести в дальнейшем, продлевая с ней сотрудничество.

Прилагаемые маркетинговые воздействия, нацеленные на налаживание лояльности покупателей, помогут организации урегулировать этот вопрос. Из этого следует, что формирование потребительской лояльности имеет большое значение у маркетинговой деятельности компании. Политика развития покупательской лояльности является той ориентацией функционирования предприятия, в пределах которой совершаются всевозможные маркетинговые действия для выстраивания долгих, обоюдовыгодных и доверительных связей с покупателями. Преданные клиенты для компании – это очень значимый актив и одно из важнейших её конкурентных превосходств, потому что результатом верности покупателя являются его предложения фирмы своему окружению, понижение его впечатлительности к воздействию фирм-конкурентов и заинтересованность в том, чтобы на долгое время хранить верность выбранному предприятию. Только поэтому в нынешней среде высококонкурентного потребительского рынка устройство лояльности покупателей является существенной стратегической ориентацией функционирования любой направленной на клиента компании.

Как образец фирмы, имеющей программу лояльности, можно взять сеть магазинов бытовой техники «В-Лазер» в городе Комсомольске-на-Амуре. Развитие лояльности у потребителей стало для сети магазинов «В-Лазер» важнейшим направлением её маркетинговой деятельности. Дисконтная система «Престиж-Клуб» компании «В-Лазер», другими словами система льгот и скидок, была основана в 1999 году с целью максимального удовлетворения потребностей покупателей и обеспечения комфорта при приобретении покупки, а также для информации о привлекательности ценовой политики.

На сегодняшний день программа лояльности объединяет не только магазины «В-Лазер», но и более 150 компаний-партнеров в городах Дальнего Востока. Число владельцев карточки «Престиж-Клуба» приближается к 650 тысячам. Дисконтная карта «Престиж-Клуба» – это реальная экономия собственных денег в виде скидок как в магазинах «В-Лазер», так и у предприятий-партнеров клуба. Чтобы обеспечить привлекательность дисконтной системы, она охватывает максимально большое количество сфер деятельности товаров и услуг, такие как медицина и здоровье, услуги салонов красоты, образование, страхование, услуги связи, дизайн, отдых и развлечения, юридические службы, общественное питание, туризм, транспорт, строительство и стройматериалы, оргтехника и компьютеры, книги и канцтовары и многие другие. В бумажниках своих вла-

дельцев карты «Престиж-Клуба» занимают совсем немного места и служат им пропуском к комплексу современных услуг с высоким уровнем сервиса. А руководство «Престиж-Клуба» прилагает необходимые усилия, чтобы сделать карту клуба неотъемлемым и привлекательным атрибутом как можно большего числа современных деловых людей, понимая, что будущее клуба за развитием сервисной инфраструктуры и дисконтными программами. Партнёрство с клиентами является значимым моментом благополучной деятельности «В-Лазер», и затем, чтобы оно стало наиболее эффективным, ей следует дальше улучшать собственную маркетинговую деятельность.

Следовательно, чтобы добиться наибольшей выгоды, необходимо формировать программу лояльности так, чтобы в ее проведении статус потребителя изменился согласно с этой цепью: «потенциальный – реальный – повторный – преданный». Клиент является лояльным, если он: долго хранит преданность фирме; приобретает почти всё новое, что она ему советует; делает хорошую репутацию фирме, приобщая к совершению покупок и услугам компании своё окружение; безразличен к влиянию других организаций; в меньшей мере чувствителен к изменению в цене; способен понять временные проблемы предприятия-производителя; с радостью снабдит любыми сведениями и намерен озвучить собственные соображения по поводу повышения качества товаров и услуг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев, А. Г. Лояльный потребитель – основа долгосрочного конкурентного преимущества компании / А. Г. Андреев // Маркетинг и маркетинговые исследования. – 2013. – № 3. – С. 6-11.
2. Никишкин, В. В. Лояльность покупателей и ее формирование в розничной торговле / В. В. Никишкин // Маркетинг и маркетинговые исследования. – 2014. – № 3. – С. 33-36.
3. Тарануха, И. А. Покупательская лояльность потребителей розничной торговой сети / И. А. Тарануха // Молодой учёный. – 2015. – № 10. – С. 12-17.
4. Макурин, И. В. Теории эволюции форматов розничной торговли / И. В. Макурин // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе, культуре. – 2015. - № II-2(22). – С. 99-104.

Кузнецова О. Р., Комлева К. С.
O. R. Kuznetsova, K. S. Komleva

ТАРИФНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ

RAILWAY TRANSPORT TARIFF REGULATION

Кузнецова Ольга Рудольфовна – доцент кафедры «Экономика, финансы и бухгалтерский учет», кандидат экономических наук Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. 8 (914) 427-55-47. E-mail: www.orkuznetsova@mail.ru.

Ms. Olga R. Kuznetsova – PhD in Economics, Associate Professor, Economics, Finance and Accounting Department, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin str., Khabarovsk region, Komsomolsk-on-Amur, 681013; tel. 8 (914) 427-55-47. E-mail: www.orkuznetsova@mail.ru.

Комлева Ксения Сергеевна – студентка группы 4ОПб-1 Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: komleva.c@yandex.ru.

Ms. Ksenia S. Komleva – student, Group 4ТО-1, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: komleva.c@yandex.ru.

Аннотация. Рассматриваются цели, принципы и задачи государственного регулирования тарифов на железнодорожном транспорте. Дана оценка железнодорожного транспорта в транспортной системе страны. Определены основные направления совершенствования государственного регулирования на транспорте.

Summary. The purposes, principles and tasks of state regulation of railway transport tariffs are considered. The estimation of railway transport in the transport system of the country is given. The basic directions of state regulation on transport are defined.

Ключевые слова: транспортная система, железнодорожный транспорт, тарифная политика, государственное регулирование.

Key words: traffic infrastructure, railway transport, tariff setting rules, state control.

УДК 656.23.03

В экономике России наиболее важной из всех отраслей является транспорт, который относится к сфере материального производства. Но задача транспортной отрасли не создавать материальные блага, а обеспечивать их доставку до потребителей. В этом ее значимость и главное отличие от других отраслей экономики.

Ценообразование на транспорте должно обеспечивать предприятиям компенсацию затрат на производство транспортных услуг, создание необходимых источников для финансирования их деятельности и эффективного развития, а также способствовать снижению транспортных затрат в конечной цене произведенной продукции. Опыт формирования и применения транспортных тарифов в развитых странах мира указывает на то, что тарифная политика рассматривается как единая ценовая политика, причем не как элемент внутриотраслевого экономического механизма, а как важнейший фактор стабильного развития всей экономики и социальной сферы.

Регулирование цен (тарифов) является одной из важнейших составляющих в системе государственного регулирования деятельности транспортной отрасли. Механизм ценового регулирования включает в себя различные способы и методы воздействия на процесс формирования тарифов, среди которых периодическая корректировка уровня тарифов по монопольным субъектам транспорта, ценовой контроль и управление ценообразованием на федеральном и региональном уровнях, совершенствование тарифных систем и элементов текущего регулирования. Все это спо-

способствует повышению эффективности функционирования и взаимодействия видов транспорта, которые являются составными частями транспортной системы России.

Условия производства и реализации транспортной продукции на различных видах транспорта неодинаковы, транспортный рынок неоднороден, поэтому у каждого вида транспорта свой пространственный рынок. Вследствие этого очень важно исследовать рынок и определять долю, которую занимает на рынке тот или иной субъект, а также условия регулирования рынка. В зависимости от уровня монополизации рынка формируется и ценовая политика.

Необходимо отметить, что предприятия, доля которых на рынке составляет более 35 %, относятся к монополистам [1]. Федеральным Законом «О естественных монополиях» определен перечень субъектов естественной монополии на транспорте, определены основные правовые и организационные положения. К монополиям на транспорте относятся:

1. железнодорожные перевозки;
2. услуги в транспортных терминалах, портах и аэропортах;
3. услуги по использованию инфраструктуры внутренних водных путей;
4. ледокольная проводка судов, ледовая лоцманская проводка судов в акватории Северного морского пути.

Отнесение железнодорожного транспорта к субъектам естественных монополий вполне объективно. В России самые протяженные железные дороги, которые связаны сетью в единое целое. Именно поэтому железнодорожный транспорт обеспечивает максимальные грузопотоки и пассажиропотоки.

Роль железнодорожного транспорта в экономике России велика. Отрасль обеспечивает функционирование и развитие товарного рынка страны, а также удовлетворение потребности населения в передвижении. Железнодорожный транспорт является основным звеном транспортной системы России и большинства стран СНГ. Особая роль железных дорог Российской Федерации определяется большими расстояниями перевозок, отсутствием внутренних водных путей в главных сообщениях Восток – Запад. Кроме того, на большей части территории России в зимний период прекращается навигация на реках, а основные промышленные и аграрные центры расположены далеко от морских путей. В связи с этим на долю железнодорожного транспорта приходится около 50 % грузооборота (см. табл. 1) и более 40 % пассажирооборота (см. табл. 2) всех видов транспорта страны.

Таблица 1

Грузооборот по видам транспорта, млрд т·км

Виды транспорта	2015 г.	2016 г.	Относительное изменение, %	Структура 2016 г., %
Транспорт всех отраслей экономики в том числе	5090,5	5181,46	101,8	100
Транспорт отраслей Минтранса России	2677,4	2724,0	101,7	-
Железнодорожный	2305,9	2343,8	101,6	45
Автомобильный	232,55	234,47	100,8	4,5
Морской	39,83	42,84	107,6	0,9
Внутренний водный	62,57	64,68	103,4	1,3
Воздушный	5,45	6,57	120,6	0,2
Трубопроводный	2444,2	2489,1	101,8	48,1

Основной сферой применения этого вида транспорта являются массовые перевозки грузов и пассажиров в межрайонном (межобластном), междугородном и пригородном сообщениях, при этом преобладают грузовые перевозки, которые дают свыше 80 % дохода. В перевозках пассажиров по железным дорогам преобладают перевозки в пригородном и местном сообщениях

(около 90 % общего количества пассажиров), дальние пассажирские перевозки составляют свыше 40 % пассажирооборота.

Таблица 2

Пассажирооборот по видам транспорта, млрд пкм

Виды транспорта	2015 г.	2016 г.	Относительное изменение, %	Структура 2016 г., %
Транспорт всех отраслей экономики	521,2	511,4	98,1	100
в том числе				
Трамвайный	4,8	4,6	95,8	0,9
Троллейбусный	6,0	5,5	91,7	1,08
Метрополитенный	44,6	44,1	98,9	8,6
Автомобильный автобусный	117,8	116,6	99,0	22,8
Морской	0,069	0,085	122,8	0,02
Внутренний водный	0,492	0,525	106,7	0,1
Воздушный, из них:	226,8	215,3	94,9	42,1
Внутренние перевозки	99,24	104,12	104,9	-
Железнодорожный, из них:	120,6	124,7	103,3	24,4
Пригородные (включая внутригородские перевозки)	31,07	31,09	100,1	-

Основной задачей государственного регулирования цен (тарифов) на продукцию (услуги) естественных монополий является проведение сбалансированной тарифной политики. Она обеспечивает, с одной стороны, снижение негативного влияния роста цен на продукцию естественных монополий на темпы экономического роста (с учетом целевых параметров инфляции) и, с другой стороны, установление тарифов, обеспечивающих эффективную работу субъектов естественных монополий.

Государственное регулирование тарифов на железнодорожном транспорте осуществляется в соответствии с целями [2], представленными на рис. 1.

Государственное регулирование тарифов на железнодорожном транспорте основывается на следующих принципах:

1. возмещение экономически обоснованных затрат субъектов естественной монополии на железнодорожном транспорте с учетом ежегодно устанавливаемых Правительством Российской Федерации уровней тарифов;
2. распределение эксплуатационных расходов по видам перевозок;
3. обеспечение равных условий доступа пользователей к услугам железнодорожного транспорта, в том числе к его инфраструктуре;
4. установление для всех пользователей услуг железнодорожного транспорта единых правил, предусматривающих особые условия тарификации на железнодорожном транспорте;
5. обеспечение гласности принятия решений по вопросам государственного регулирования тарифов, в том числе по вопросам установления и изменения уровня тарифов и правил применения тарифов и др.

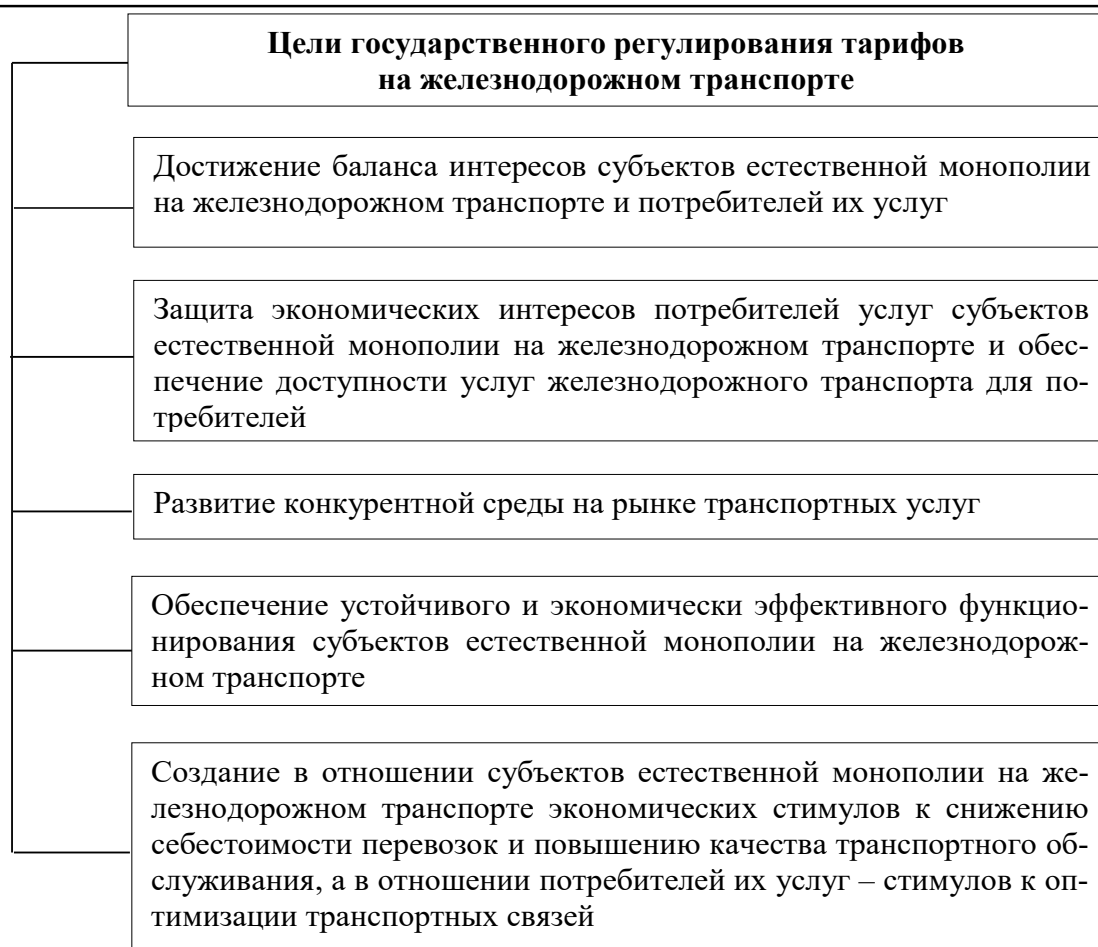

Рис. 1. Цели государственного регулирования тарифов на железнодорожном транспорте

Государственное регулирование тарифов осуществляют:

1. Федеральная служба по тарифам – на грузовые железнодорожные перевозки во внутригосударственном сообщении и международном сообщении (за исключением международных транзитных железнодорожных перевозок по территории Российской Федерации), на перевозки пассажиров, багажа и грузобагажа во внутригосударственном сообщении;

2. Министерство транспорта Российской Федерации – на международные транзитные железнодорожные перевозки по территории Российской Федерации.

Для определения (установления) тарифов на железнодорожном транспорте в Федеральную службу по тарифам или Министерство транспорта Российской Федерации в соответствии с их компетенцией представляются материалы, среди которых:

- расчет предлагаемой величины тарифа;
- документы финансовой и бухгалтерской отчетности;
- поэлементный расчет затрат.

Материалы представляются в Федеральную службу по тарифам или Министерство транспорта Российской Федерации и рассматриваются в установленном порядке.

Прежде чем принять решение об определении (установлении) тарифов или их предельного уровня, анализируются основные ценообразующие факторы. К их числу относятся:

- объемы перевозок, их характер и особенности;
- затраты субъектов естественной монополии на железнодорожном транспорте, к которым относятся: материальные затраты, затраты на оплату труда, амортизационные отчисления, накладные расходы и т.п.;
- конъюнктура товарных рынков и рынка транспортных услуг;

- необходимый объем финансирования на обслуживание заемного и привлеченного капитала, развитие производства и других обоснованных расходов;
- объем налоговых и других платежей, государственные субсидии.

Система государственного регулирования тарифов на железнодорожном транспорте на современном этапе развития экономики требует определенных мер по ее совершенствованию. Эти меры должны реализовываться с целью обеспечения конкурентоспособности предприятий железнодорожного транспорта и потребителей услуг этих предприятий, с целью снижения транспортных затрат, а следовательно, устойчивого развития хозяйствующих субъектов всех секторов экономики.

Мероприятия по совершенствованию государственного регулирования тарифов на железнодорожном транспорте должны обеспечить определенность и прозрачность государственной тарифной политики на транспорте, привлечь в отрасль новых инвесторов. Необходимо также с помощью механизмов государственного регулирования создать стимулы для снижения транспортных затрат, расширения сферы услуг железнодорожного транспорта, повышения их качества, а также ограничить негативное влияние роста тарифов на транспорте на темпы инфляции и состояние экономики страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. О естественных монополиях: Федер. закон от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ // Российская газета. – 1995. – 24 августа. – С. 6.
2. О железнодорожном транспорте в Российской Федерации: Федер. закон от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ // Российская газета. – 2003. – 18 января. – С. 4.
3. О государственном регулировании тарифов, сборов и платы в отношении работ (услуг) субъектов естественных монополий в сфере железнодорожных перевозок: постановление Правительства РФ от 5 августа 2009 г. № 643 // Российская газета. – 2009. – 29 сентября. – С. 5.

РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

Киреева Н. В.
N. V. Kireeva

ФЁДОР ЧУДАКОВ. «ЧАША СТРАДАНИЯ ДОПИТА ДО ДНА!...»: ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ САТИРИКА НАЧАЛА XX ВЕКА / СОСТАВЛЕНИЕ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА, ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, КОММЕНТАРИИ А. УРМАНОВА. – ВЛАДИВОСТОК: РУБЕЖ, 2016. – 716 С.

FEDOR CHUDAKOV. «THE CUP OF SUFFERING IS EMPTY TO THE BOTTOM!...»: FROM THE CREATIVE HERITAGE OF THE OUTSTANDING SATIRIST OF THE EARLY XX CENTURY / COMPILATION, PREPARATION OF THE TEXT, INTRODUCTORY ARTICLE, COMMENTS BY A. URMANOV. - VLADIVOSTOK: RUBEZH, 2016. – 716 P.

Киреева Наталия Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Благовещенского государственного педагогического университета (Россия, Благовещенск); 675000, г. Благовещенск, ул. Ленина, д. 104; тел. 8(4162)77-16-62. E-mail: stonerk@mail.ru.

Ms. Nataliya V. Kireeva – Dr. of Philology, Professor, Department of Russian Language and Literature, Blagoveshchensk State Pedagogical University (Russia, Blagoveshchensk); 675000, Blagoveshchensk, 104 Lenin St.; tel. +7 (4162)77-16-62. E-mail: stonerk@mail.ru.

Издание книги Федора Чудакова (1888–1918) – выдающегося сатирика начала XX века – важное событие для отечественной науки и культуры в целом. В научный оборот вводится в большинстве своем считавшееся утраченным литературное наследие автора, чей масштаб позволяет признать его творчество явлением общенационального, а не регионального характера.

Книга «Чаша страдания допита до дна!..» увидела свет в Тихоокеанском издательстве «Рубеж» в 2016 году. В однотомное собрание сочинений включены самые известные тексты Чудакова, ранее публиковавшиеся на страницах периодических изданий Приамурья – стихи, проза, драматургия. Сюда же вошли воспоминания современников и материалы о гибели самого яркого литератора Приамурья. Книга снабжена высокопрофессиональным научным аппаратом, подготовленным доктором филологических наук, профессором Благовещенского государственного педагогического университета Александром Васильевичем Урмановым.

Во вступительной статье к книге содержится очерк жизни писателя, восстанавливается история обретения текстов Чудакова, рассказывается о масштабной работе, предпринятой для осмысления наследия сатирика. Урманов реконструирует масштаб личности писателя, обозначает специфику его творчества и предлагает анализ основополагающих особенностей произведений Чудакова. Начатый во вступительной статье анализ ученый продолжает в комментариях к разделам книги «Чаша страдания допита до дна».

Самый объемный раздел – сатира. В него включены не только фельетоны, составляющие основной массив творческого наследия Чудакова, но и стихотворения, басни, анекдоты, сатирические рассказы, разного рода прозаические и стихотворные миниатюры. Структура раздела «Сатира» определяется хронологией периодических публикаций – сначала читателям предлагаются произведения единственного сатирического сборника Чудакова «Шпильки» (1909), а затем тексты, опубликованные в газетах и журналах с 1909 по 1918 годы. Раздел «Сатира» не только самый объемный в однотомнике, но и наиболее основательно прокомментированный, т.к., по справедливой оценке составителя, сатирическое наследие Чудакова представляет наибольший историко-литературный и художественный интерес. Действительно, сатирические произведения автора даже спустя столетие воспринимаются как не утратившие актуальности и художественной выразительности.

Во второй раздел книги вошли стихотворные легенды и сказки сатирической направленности. Единственная сказка, не вошедшая в раздел – «Очарованный леший», отдельное издание которой на данный момент отыскать не удалось.

Третий раздел составила лирика – занимающая небольшой объем творческого наследия, но очень важная для понимания специфики таланта Ф. Чудакова и постижения его творческой эволюции.

Если первые три раздела построены по хронологическому принципу, то четвертый раздел (включающий прозаические произведения писателя) совмещает хронологический принцип с жанрово-тематическим. А. В. Урманов, отбирая для однотомника прозаические тексты Чудакова, стремился представить в книге основные жанрово-тематические группы произведений исходя из критериев художественной выразительности и актуальности для современных читателей. Произведения в подразделах «Очерки», «Рыбацкие и охотничьи рассказы», «Рассказы о детстве», «Приключенческие повести», «Автобиографическая проза» располагаются в порядке публикации.

В раздел «Драматургия» вошло только одно произведение – пьеса «Изгнанники», хотя на протяжении творческого пути Чудаков регулярно писал рецензии на театральные постановки, высмеивал в своих фельетонах и стихах бесталанных актеров и неумелых антрепренеров, использовал малые драматические формы при создании сатирических и юмористических произведений, включенных в раздел «Сатира».

Завершается однотомник разделом «Отклики на смерть Ф. И. Чудакова. Воспоминания», материалы которого помогают читателям XXI века понять причины трагической гибели талантливого сатирика и его семьи и отношение к этому событию его современников.

Таким образом, можно убедиться, что первое за столетие собрание произведений выдающегося сатирика позволяет вернуть из небытия личность и творчество Федора Чудакова, справедливо названного А. В. Урмановым «Амурским Сашей Черным».

Киреева Н. В.
N. V. Kireeva

**X ЕЖЕГОДНАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ЛОСЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ» (БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, 31 МАРТА 2017 ГОДА)**

**X ANNUAL REGIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE «LOSEVSKIE READING»
(BLAGOVESHCHENSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY, 31 MARCH 2017)**

Киреева Наталия Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Благовещенского государственного педагогического университета (Россия, Благовещенск); 675000, г. Благовещенск, ул. Ленина, д. 104; тел. 8(4162)77-16-62. E-mail: stonerk@mail.ru.
Ms. Nataliya V. Kireeva – Dr. of Philology, Professor, Department of Russian Language and Literature, Blagoveshchensk State Pedagogical University (Russia, Blagoveshchensk); 675000, Blagoveshchensk, 104 Lenin St.; tel. +7 (4162)77-16-62. E-mail: stonerk@mail.ru.

Региональная научно-практическая конференция «Лосевские чтения» с 2008 года ежегодно проводится в Благовещенском государственном педагогическом университете. Конференция посвящена памяти известного учёного-краеведа Анатолия Васильевича Лосева (1927–2002), стоявшего у истоков литературного краеведения Приамурья. Этот научный форум объединяет ученых-краеведов, вузовских преподавателей, работников библиотек, музеев, архивов, писателей, журналистов, учителей, аспирантов, студентов и школьников, посвятивших свои исследования различным аспектам литературной жизни Приамурья, характерным тенденциям литературного процесса в регионе, пребыванию известных писателей в Амурской области, проблематике и поэтике творчества амурских писателей, проблемам изучения произведений писателей Приамурья в вузе и школе.

В 2017 году десятая – юбилейная – конференция была посвящена 90-летию со дня рождения А. В. Лосева.

Целый блок докладов был связан с фигурой крупнейшего писателя начала XX века Федора Чудакова, однотомник произведений которого увидел свет во владивостокском издательстве «Рубеж» в 2016 году. Составитель этой книги доктор филологических наук, профессор БГПУ А. В. Урманов представил на конференции сразу два доклада, демонстрирующих дальнейшее направление связанных с Чудаковым научных изысканий. В одном из докладов были озвучены результаты захватывающего поиска, позволившего установить точную дату рождения писателя (««Ну, который теперь мне год? Чёрт его знает, который!..»: История о том, как Фёдор Чудаков обрёл, наконец, день рождения»). В другом докладе Урманов проанализировал драматическую сказку Чудакова «Очарованный леший» в контексте жизненной и творческой судьбы автора и сообщил о подготовке ее к публикации во втором томе произведений «Амурского Саши Черного». Исследование кандидата филологических наук, доцента БГПУ В. В. Пирко было посвящено отражению разговорно-просторечной лексики начала XX века в произведениях Ф. Чудакова. Другой поворот темы литературы начала XX века был представлен в докладе журналиста В. П. Кобзарь, обнаружившей благовещенский след в «Рассказе о семи повешенных» Леонида Андреева.

Ученые-краеведы из БГПУ рассмотрели и явления литературной жизни Приамурья последующих десятилетий XX века. Так, кандидат филологических наук, доцент В. В. Гуськов представил собранными результаты своего исследования «Тема Великой Отечественной войны в творчестве Константина Овечкина». Кандидат филологических наук, доцент И. С. Назарова в докладе «России первое светило...» проанализировала особенности репрезентации образа А. С. Пушкина в БАМовской поэзии нескольких десятилетий. Амурский писатель А. В. Маликов, лауреат трех литературных премий, посвятил свой доклад юбилею старейшего альманаха региона «Приамурье», остановившись на истории закрытия издания в 1950-е годы.

Полемический вопрос «Есть ли массовая литература в Приамурье XXI века?» задала собравшимся доктор филологических наук, профессор Н. В. Киреева, представив экскурс в историю использования формул массовой литературы амурскими писателями на протяжении XX века и проанализировав специфику этого процесса на рубеже XX – XXI веков.

Об особенностях литературы Приамурья XXI века шла речь в докладах аспирантки Т. В. Самойленко («Своеобразие поэтических текстов Ли Яньлина»), студентки Е. Ю. Опря («Специфика персонажной системы романа Я. Турова “По полю мёртвых одуванчиков”»), студентки М. Г. Шершак («Роман Г. В. Быковой “Ника из созвездия Козерога” как произведение женской прозы»), сотрудницы Амурской областной научной библиотеки В. В. Соломенник («Жизнь России через зеркало собственной судьбы: Поэтический цикл В. И. Разгоняева «Багряно-рождённый трилистник»), краеведа Е. В. Паршина («Объединения амурских авторов в сети»), учителя О. Д. Кучеровой («“Ключ к судьбе...”: об особенностях лирики Д. Дадожонова»).

Еще один блок докладов группировался вокруг изучения творчества амурских авторов в средней школе. Систему уроков по повести Л. А. Завальнюка «Дневник Родьки – “трудного человека”» представила магистрант, учитель Лицея БГПУ В. Д. Гавриленко. Опыт издательской деятельности школьного литературно-краеведческого объединения «Вдохновение» поделилась учитель высшей категории Ивановской школы Г. В. Бичахчан. Возможности изучения творчества Игоря Игнатенко в школе продемонстрировала учитель Куропатинской школы Е. В. Палёная. Руководитель школьного литературно-краеведческого кружка «Лиры» Ю. Г. Черныш рассказала о такой форме внеурочной деятельности, как встреча школьников с писателем.

Неожиданный ракурс осмысления места литературы в жизни региона был найден в докладе школьницы М. А. Киреевой, изучившей памятники писателям и литературным героям в городах Дальнего Востока.

А что же А. В. Лосев? Ведь на юбилейной конференции не прозвучало ни одного доклада, посвященного фигуре основателя литературного краеведения в Приамурье! В этой связи невольно вспоминается о том, что тысячелетия назад в Древней Греции возник драматургический жанр, родившийся из культа бога Диониса. Но, как ни парадоксально, трагические пьесы в честь Диониса про самого бога почти ничего не рассказывают. И вместе с тем вся древнегреческая трагедия – о Дионисе.

Доклады, представленные на посвященной памяти амурского ученого юбилейной конференции, напрямую соотносятся с основными векторами изучения литературного процесса в Приамурье, фундамент которого заложили труды Анатолия Васильевича. И лучшей возможности отдать ему дань памяти и благодарности не придумаешь, ведь все эти исследования вдохновлены его примером, все являются продолжением начатой им работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лосевские чтения – 2017: материалы X региональной науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2017. – 206 с.